

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІХ.

1900.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“, Наб. Фонтанки, 95..

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

Леонидъ Николаевичъ Майковъ (Некрологъ).

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Имперіи Высочайшій указъ	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія награды	4
IV. Высочайшіе указы	13
V. Министерскія распоряженія	24
VI. Определенія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	48
VII. Определенія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	52
Открытіе училищъ	55
Отъ Провленія Императорскаго Россійскаго Общества Плодо- водства	56
II. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ последнюю пору стараго порядка. Глава VI и VII (<i>про- долженіе</i>)	1
Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго I—V	54
Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. I	96

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

И. И. Соколовъ. Новые матеріалы для исторіи Александрійской патріархіи (<i>окончаніе</i>)	139
Ф. Ф. Зѣлинскій. Старые и новые пути въ гомеровскомъ вопросѣ	167
Э. А. Вольтеръ. Гдѣ искать землю Пальшанскую Ипатьевской гъ- тописи? Историко-географическая замѣтка	195
— Книжныя новости	202

Н А Ш А У Ч Е В Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А .

А. Тригаскій. Учебникъ Русской Исторіи	1
Остерманъ и Веттеръ. Педагогика	6
Красногорскій. Синтавсскъ русскаго языка	8
В. А. Яковлевъ. Этимологія русскаго литературнаго языка	10
Ф. А. Зеленогорскій. Самодѣтельность, какъ принципъ въ воспи- таніи	13

С О В Р Е М Е Н Н А Я Л Ъ Т О П И С Ъ .

— Объ окончательныхъ попытаніяхъ въ реальныхъ учи- лищахъ въ 1897 году	1
---	---

(См. 3-ю стр. обложки).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ Великій еще ждетъ своего біографа и царствованіе перваго нашего императора еще не написано. Послѣ Устрялова и Соловьева мы не имѣемъ труда, который можно было бы поставить на одну съ ними доску. Погодинъ не довелъ изложенія и до первой поѣздки царя за-границу ¹⁾; сочиненіе же Брикнера ²⁾, хотя и имѣеть всѣ права на вниманіе, какъ серьезный и законченный обзоръ эпохи на всемъ ея протяженіи, но оно опирается главнымъ образомъ на того же Устрялова и Соловьева; матеріалъ же, внесенный изъ источниковъ иностраннаго происхожденія, не такого характера, чтобъ дать возможность или авторитетнѣе подтвердить сказанное раньше, или установить новыя точки зрѣнія на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ русской исторіи. Образъ Петра, въ крупныхъ чертахъ блестяще нарисованный четверть вѣка тому назадъ С. М. Соловьевымъ ³⁾, хотя и претерпѣлъ съ тѣхъ поръ нѣкоторыя измѣненія, но *въ цѣломъ*, въ сознаніи современнаго общества, остается все еще такимъ же, какимъ вышелъ изъ подъ пера московскаго историка. Останется ли онъ такимъ и на будущее время, и на долго ли, претерпитъ ли дальнѣйшія измѣненія—дѣло послѣдующихъ работъ, посвященныхъ эпохѣ преобразования. Серьезныя попытки иного освѣщенія уже предприняты—стоитъ назвать хотя бы труды П. Н. Ми-

---

¹⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. 1672—1689. Москва 1875, и посмертный отрывокъ: „Первые годы единодержавія. 1689—1694“ въ *Русскомъ Архивѣ* 1879, кн. первая.

²⁾ Исторія Петра Великаго. Сиб. 1882.

³⁾ См. его Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ. Москва 1872.

люкова ¹⁾ и К. Валишевскаго ²⁾, какъ ни различны тотъ и другой въ исходныхъ своихъ воззрѣніяхъ; но все же это пока только начало. Петровская исторіографія послѣднихъ десятилѣтій почти исключительно монографическая, на основѣ новыхъ архивныхъ данныхъ. И она должна быть таковою. Полные обзоры царствованія вполне естественны и законны, какъ выраженіе желанія получить представленіе о цѣломъ; но они до тѣхъ поръ будутъ лишены устойчивости, пока въ точности не станутъ изучены отдѣльными сторонами эпохи. Даже первыя 28 лѣтъ жизни Петра Великаго—періодъ наиболѣе обследованный—даже и они почти на каждомъ шагу вызываютъ вопросы, даютъ право различно понимать одно и то же явленіе. Изъ исторіи царствованія Петра Великаго вообще и самой личности великаго государя въ частности остается еще достаточное количество фактовъ и явленій, или невѣрно понятыхъ, или спорныхъ, или недостаточно внимательно отиѣченыхъ, не говоря уже о мелкихъ ошибкахъ, недосмотрахъ или пропускахъ. Какъ ни малозначительны подчасъ эти пробѣлы, но игнорировать ихъ невозможно уже по одному тому, что, пока они существуютъ, подготовительную разработку матеріала рано еще считать вполне законченною. Нижеслѣдующія „Замѣтки“ имѣютъ въ виду, безъ малѣйшей претензіи исчерпать задачу во всемъ ея объемѣ и безъ какого-либо обязательства вести анализъ фактовъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, посылно содѣйствовать къ устраненію этихъ пробѣловъ. Для начала беремъ нѣсколько вопросовъ по связи съ первой поѣздкою Петра за-границу въ 1697 году.

I.

Поѣздка Петра Великаго за-границу въ 1697 г.

День выѣзда изъ Москвы.

Гордонъ ³⁾, подъ 9 марта сообщаетъ, что въ этотъ день, послѣ пира у Лефорта, всѣ участники его поѣхали въ Никольское, въ 15 верстахъ отъ столицы, гдѣ ночевали, а 10-го марта, послѣ ранняго

¹⁾ Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Спб. 1892.

²⁾ К. *Waliszewski*, Pierre le Grand. L'éducation — L'homme — L'oeuvre. Paris 1897.

³⁾ Tagebuch, III, 94.

обѣда, царь простился съ провожавшими его боярами и именитыми иностранцами и двинулся въ путь. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и Лефорть, который провелъ ближайшую ночь въ 40 верстахъ отъ Москвы, въ Чашниковѣ.

Юрналъ подъ 9-мъ марта сообщаетъ: „генераль Лефорть, собрався со всѣмъ обозомъ, поѣхали въ путь, и ночевали въ селѣ Никольскомъ“; а подъ 10-мъ марта: „пріѣхали къ полудню въ село Чашниково; поѣхали съ вечера во всю ночь. И генераль остался въ Чашниковѣ“.

Хотя ни тотъ, ни другой памятникъ прямо о пребываніи царя въ Никольскомъ не говоритъ, но выраженіе *Юрнала* (самая задача котораго была вести запись именно царскаго путешествія): „поѣхали“ въ противоположность Лефорту, оставшемуся въ Чашниковѣ, ясно показываетъ, о комъ здѣсь рѣчь. Было бы болѣе чѣмъ странно, если бы царь не принялъ участія въ прощальной пиршкѣ и лишилъ себя возможности выпить напутственный стаканъ вина за благополучное путешествие. Вотъ почему несомнѣнно, что *юродъ* Москву Петръ оставилъ еще 9-го; но съ *жителями* Москвы, по крайней мѣрѣ съ тѣми, въ кругу которыхъ обыкновенно проводилъ онъ свое время, царь разстался, дѣйствительно, лишь 10-го.

Вѣроятно, имѣя въ виду это послѣднее, *Желябужскій* ¹⁾ относить день выѣзда не къ 9, а къ 10-му марта. Не даромъ же и *Шафнрювъ* въ своемъ „Разсужденіи“ говоритъ: „соизволилъ его царское величество тотъ путь марта въ 9 день изъ резиденціи своей прежней Москвы воспріять“ ²⁾.

Между тѣмъ позднѣйшіе наши историки ошибочно переносятъ день отъѣзда на 10-е марта. Поэтому не правъ *Устряловъ* ³⁾, говоря, что царь „10 марта отправился въ путь. Послы выѣхали изъ Москвы наканунѣ и устроились къ походу въ селѣ Никольскомъ, сборномъ мѣстѣ для всѣхъ лицъ, бывшихъ при посольствѣ“, давалъ тѣмъ понять, что выѣздъ изъ столицы царя и посольства совершился не одновременно. Нельзя поэтому согласиться и съ *Соловьевымъ*, у котораго читаемъ ⁴⁾: „10 марта великое посольство выѣхало изъ Москвы“. *Брик-*

¹⁾ Стр. 52, по изд. Сахарова.

²⁾ 1-е изданіе, стр. 24. Также и Голиковъ показываетъ 9 марта: Дѣянія I, 292; Дополненія, IV, 232.

³⁾ Исторія царств. импер. Петра Великаго, III, 24.

⁴⁾ Исторія Россіи, XIV, 227.

меръ, въ примѣненіи лично къ Петру, тоже держится этой ошибочной даты ¹⁾.

На самомъ же дѣлѣ день выѣзда Петра за-границу долженъ быть отнесенъ къ 9-му марта.

II.

Поѣздка Петра Великаго за-границу въ 1697 г.

Путь отъ Москвы до Рии.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что 10-го марта Петръ выѣхалъ изъ Чашникова, оставивъ здѣсь великихъ пословъ. Путь царя лежалъ на Торжокъ, Вышній Волочекъ и Новгородъ ²⁾, куда пріѣхали черезъ недѣлю, 17-го ³⁾, всего два раза. ночью, а остальное время ѣдучи сплошь днемъ и ночью ⁴⁾. Въ Новгородѣ была сдѣлана передышка на двое сутокъ; здѣсь посольство цагнало царя 18-го марта ⁵⁾ и на другой день, 19-го, всѣ вмѣстѣ поѣхали дальше ⁶⁾. Впрочемъ царь снова оставилъ Лефорта и его товарищей позади: въ Псковъ онъ пріѣхалъ вечеромъ 21-го ⁷⁾, а тѣ лишь 22-го ⁸⁾. И здѣсь царь стоялъ двое сутокъ, до вечера 23-го ⁹⁾. Псковъ послы покинули съ государемъ въ одинъ и тотъ же день ¹⁰⁾ и далѣе, вплоть до границы, что начиналась за Печерскимъ монастыремъ, уже ѣхали совмѣстно; одновременно же пересѣкли и шведскій рубежъ, 25-го марта ¹¹⁾. Первый пограничный городъ за рубежомъ былъ Нейгаузенъ. Петръ покинулъ его въ тотъ же вечеръ ¹²⁾, оставивъ тутъ пословъ ночевать ¹³⁾.

¹⁾ Die Reise Peters d. Gr. in's Ausland. *Russ. Reise* 1879, XIV Bnd., Seit, 54; *Исторія Петра Великаго*, 160.

²⁾ *Юналь*.

³⁾ Изъ *Юнала* этого прямо не видно, но мы знаемъ, что 17-го марта Петръ шлетъ письма изъ Новгорода въ Москву (*Письма и Бумаги Петра В.*, I, 614).

⁴⁾ *Юналь*.

⁵⁾ *Пам. Дип. Снош.* VIII, 753.

⁶⁾ *Ibidem*; *Юналь*.

⁷⁾ *Юналь*.

⁸⁾ *Пам. Дипл. Снош.* VIII, 753.

⁹⁾ *Юналь*.

¹⁰⁾ *Пам. Дипл. Снош.* VIII, 756.

¹¹⁾ *Ibidem*; *Юналь*.

¹²⁾ *Юналь*.

¹³⁾ *Пам. Дипл. Снош.* VIII, 757.

Несмотря на сильное искаженіе въ русскихъ памятникахъ названій тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ путь Петра до Лифляндіи, есть все же возможность опредѣлить его съ достаточной точностью и полнотой. Во всякомъ случаѣ путь этотъ шелъ не тамъ, гдѣ до послѣдняго времени, то-есть, до проведенія желѣзной дороги, пролегалъ трактъ изъ Пскова на Ригу (Оппекальнъ-Роннебургъ-Аррашъ) ¹⁾, а нѣсколько сѣвернѣе его, совпадая съ нынѣшнимъ земскимъ трактомъ на Адзель-Смильтень-Штюренбергъ-Венденъ ²⁾ и Зеgewольдъ ³⁾.

По Юрналу, царь утромъ 26-го пріѣхалъ обѣдать въ деревню „Наревгу“ и отобѣдавъ поѣхалъ далѣе. Подъ Наревгою слѣдуетъ понимать мѣстечко Рауге (Rauge), отстоящее въ 27 верстахъ отъ Нейгаузена ⁴⁾, — разстояніе очень близко подходящее къ половинѣ сучаго перегона, какой въ ту пору приходилось обыкновенно дѣлать. Поэтому текстъ Юрнала вѣрнѣе читать: „пріѣхали въ деревню на Ревгу“.

Изъ Рауге дорога поворачиваетъ къ югу, слѣдуя вдоль лѣваго берега рѣчки Шварцбаха, которая въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ встрѣчаетъ другой потокъ *того же* наименованія, образуя небольшой полуостровокъ (вѣроятно, нѣсколько возвышенный), въ который и упирается почтовая дорога. Пересѣкши второй Шварцбахъ, дорога вскорѣ пересѣкаетъ р. Ла-Гавье (La-Gauje), на противоположномъ берегу которой лежитъ Адзель-Нейгофъ (Adsel Neuhoф), верстахъ въ полутора отъ дворянской усадьбы Адзель (Adsel) ⁵⁾. Адзель-Нейгофъ

¹⁾ Смолр. *C. G. Rücker's General-Karte von Livland. 3 Auflage. Riga und Dorpat 1875.*

²⁾ Юрналъ. Сравни. Нам. Дипл. Синод. VIII, 757—758.

³⁾ *Zeigewoldъ*, правда, не упоминается, ни въ маршрутѣ царя, ни въ маршрутѣ великаго посольства; но въ 1699 г., во время проѣзда посла Матвѣева, кяковой долженъ былъ состояться по образцу прежнихъ проѣздовъ русскихъ посольствъ, Дальбергъ распорядился вести плаваніе Матвѣева изъ Нейгаузена на Адзель, Венденъ, *Zeigewoldъ*, Ригу (*A. Bergengrün, Die grosse moscovitische Ambassade von 1697 in Livland, стр. 29.*)

⁴⁾ *Mellin, Atlas von Liefland. Riga 1798, листъ № 5.*

⁵⁾ Das Adsel'sche Schloselchn, zu welchem Schloss Adsel, Neuhoф oder Frauenthal, Taivola, Koickel, Oidriküll und Adsel-Schwarzhoф gehörten, schenkte König Gustav Adolph im Jahre 1629 dem Reichsmarschall Axel Banner (*H. v. Haggemeister, Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands. Riga 1836. Erster Theil, S. 266.*)

находится въ разстояніи 62 верстъ отъ Рауге ¹⁾. Этими данными легко объясняется дальнѣйшій текстъ Юрнала: „Отобѣдавъ“ (въ „Наревгѣ“) пошли въ путь. И пріѣхали къ вечеру на мысъ на Черной и проѣхали рѣчку, словеть Черная, и стояли часа съ четыре, и съ вечера пошли въ путь во всю ночь. И проѣхали р. Гавью и переѣзжали на плотяхъ. Въ 27-й день поутру пріѣхали обѣдать на Осколь и стояли до вечера и къ вечеру пошли во всю ночь“. Въ этомъ „Осколь“, то-есть, въ усадьбѣ Адзель ²⁾ царя, кажется, нагнали послы и провели съ нимъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ.

На другой день, 28-го, послы должны были снова слѣхаться въ Штюрценгофѣ, куда царь, проѣхавъ Смилтенъ („Смилтъ“), прибылъ къ вечеру ³⁾. Но отдохнувъ здѣсь четыре часа, онъ отправился дальше ⁴⁾, послы же остались ночевать ⁵⁾. Вообще по шведской территоріи Петръ въ дорогѣ ночлеговъ не имѣлъ, дѣлая болѣе продолжительныя остановки на станціяхъ лишь днемъ.

Для объясненія этого послѣдняго обстоятельства нѣтъ ясныхъ указаній. Мѣшкать вообще не слѣдовало: со дня на день опасались вскрытія Двины, что несомнѣнно помѣшало бы своевременно перебраться на лѣвый берегъ рѣки и удлиннило бы пребываніе въ Ригѣ ⁶⁾. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже нигдѣ не останавливаться; да, наконецъ, и послы въ сущности развѣ отставали отъ царя? а между тѣмъ они во всю дорогу пользовались ночлегомъ.

Является мысль, не потому ли предпочиталъ Петръ, ѣхавшій инкогнито, ночи, что онѣ лучше обезпечивали сохраненіе тайны? Но, кажется, всего правильнѣе предположить вынужденность остановокъ,

¹⁾ См. атласъ Меллина, гдѣ обозначены разстоянія нѣкоторыхъ пунктовъ отъ Риги.

²⁾ Иностранціе, въ усадьбѣ, чѣмъ на мысъ Адзель-Пейгофѣ, потому что „марта въ 27-й день, переѣхавъ 4 мили, стояли (то-есть, послы) въ юродкѣ Адзель, подъ которымъ перезжали р. Гавью“ (Пам. Динл. Снош. VIII, 757). Конечно, государь могъ останавливаться и на мысѣ.

³⁾ Вольмаръ остался въ сторонѣ. Рижскій генералъ-губернаторъ Дальбергъ опредѣленно запретилъ вести посольство черезъ этотъ городъ (*Bergengrün, Die grosse Ambassade*, 29). Едва-ли впрочемъ въ этомъ представлялась кака-либо надобность: Вольмаръ лежалъ безъ того въ сторонѣ отъ тракта. Сравн. *Mellin, Atlas*, листъ № 3.

⁴⁾ Юрналъ.

⁵⁾ Пам. Динл. Снош. VIII, 758.

⁶⁾ *Bergengrün*, 38, примѣч.

и при томъ не велѣдствіе распутицы ¹⁾, сколько велѣдствіе затрудненій въ перевозочныхъ средствахъ. Царю едва-ли не пришлось проѣзжать весь путь по Лифляндіи на одиѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ. другими словами, останавливаться для ихъ выкормки и т. п. Вотъ почему пробѣгъ въ сущности ничтожнаго разстоянія менѣе чѣмъ въ 243 версты ²⁾ отъ Нейгаузена до Нейермюлена, въ окрестностяхъ Риги, потребовалъ безъ малаго пять сутокъ ³⁾. Сказанное не покажется особенно страннымъ, если вспомнимъ, что мѣстное населеніе сильно терпѣло въ тотъ годъ отъ неурожая, давно не бывалаго по своимъ гибельнымъ размѣрамъ. Неурожай охватилъ всю Лифляндію. лишилъ хлѣба; кормовъ не было никакихъ; многіе умирали отъ истощенія ⁴⁾; цѣны на все стояли небывалыя ⁵⁾. Собрать достаточное количество подводъ оказалось невозможнымъ; къ тому же шведскія власти заблаговременно не были предувѣдомлены—ни о времени проѣзда посланца, ни о размѣрахъ ихъ свиты ⁶⁾. Приходилось большою частью ѣхать на своихъ же русскихъ воцикахъ ⁷⁾.

Городъ Венденъ царь проѣхалъ утромъ 29-го марта ⁸⁾, позже него—послы ⁹⁾. Съ Вендена слѣдуетъ за нашими путешественниками становиться гораздо труднѣе. По Журналу, главнѣйшій путь лежалъ послѣдовательно черезъ рѣчки Линдахъ и Бѣгъ, проѣхавъ которыя „обѣдать пріѣхали въ Самъ-Бѣгъ, и стояли 8 часовъ, и пошли въ

¹⁾ Хотя за недѣлю передъ тѣмъ проѣхавшій по этому же тракту майоръ Шмитъ и опасался прекращенія со дня на день зимняго пути (Пам. Дип. Спом. VIII, 758. *Устрел.*, III, 463), а его спутникъ Ларіоновъ прямо заявлялъ, что снѣгъ почти сошелъ, наступила распутица, а подъ Рягою пески (*Устрел.* III, 463); но самъ Петръ всю дорогу ѣхалъ въ саняхъ, „будто зимою“, и только на небольшомъ пробѣгѣ въ 50 верстъ, вѣроятно, подъ самымъ уже городомъ, дорога была „гораздо худая“ (Пис. и Бумаги Петра В., I, 144).

²⁾ (См. атласъ Меллина, гдѣ (карта № 5) разстояніе отъ Нейгаузена до Риги показано въ 243 версты. Поэтому неправильно показаніе Брикнера, который это разстояніе обозначаетъ въ 50 миль = 350 верстъ. (*Die Reise Peters d. Gr. in's Ausland. Russ. Revue* 1879, Bnd. XIV, Seit. 54—55).

³⁾ Доказательства тому, что въ Нейермюленѣ (иначе: Агежъ) царь пріѣхалъ 30-го марта, приведены въ слѣдующей главѣ.

⁴⁾ *Kelch*, *Liefländische Historia*, II, 47—48.

⁵⁾ *Bergengrün*, *Die grosse Ambassade*, 23; ср. стр. 78 слѣд.

⁶⁾ *Ibidem*, 20—24.

⁷⁾ *Ibidem*, 27.

⁸⁾ Журналъ.

⁹⁾ Пам. Дип. Спом. VIII, 758.

путь, и прѣѣхали къ вечеру въ Ниллкотъ, и стояли часа съ два, и пошли въ путь во всю ночь“.

Рѣчку Линдахъ приходится искать или въ р. Лигать (Ligat), или еще правильнѣе въ слѣдующей за нею р. Вильдау (Wildau); что же до Самъ-Бѣга, то издатель Юрнала предлагаетъ читать: Силкебике. Дѣйствительно, подъ этимъ именемъ на атласѣ Меллина 1798 года обозначенъ шинокъ Silkebicke, лежащій на тракѣ, за Зегевольдомъ. По невозможности оспорить, придется, пожалуй, принять такое толкованіе. Забѣдимъ, однако, что мѣстныя названія могли становиться извѣстными русскому путешественнику не столько въ нѣмецкой или шведской, сколько преимущественно въ туземной формѣ: эстонской и латышской. Въ виду этого, хотя Силкебике и чисто латышское слово ¹⁾, напомнимъ, что передъ Зегевольдомъ Петръ со своими спутниками проѣзжалъ еще другой шинокъ, у Меллина обозначенный Steinberg, на позднѣйшей же картѣ помѣченный какъ Steinbek ²⁾. Этотъ Steinbek въ устахъ коренныхъ туземцевъ звучалъ, конечно, гораздо мягче, напримѣръ: Стембекъ или даже Сембекъ, что въ русской передачѣ легко могло закрѣпиться въ формѣ Самъ-Бѣгъ. Этому противорѣчитъ развѣ то обстоятельство, что Steinbek стоитъ на правомъ берегу рѣчки, то-есть, восточнѣе ея; въ Юрналѣ же рѣчка Бѣгъ упоминается раньше Самъ-Бѣга. Но зданіе самой корчмы могло двѣсти лѣтъ назадъ стоять и на правомъ берегу. Вотъ почему мы охотнѣе ищемъ Самъ-Бѣгъ въ Steinbek'ѣ, чѣмъ въ Silkebicke ³⁾.

Въ Самъ-Бѣгѣ стояли восемь часовъ — кормили ли своихъ лошадей, дожидались ли прихода свѣжихъ — все равно; и если позволительно пуститься въ область догадокъ, то, можетъ быть, именно здѣсь, въ корчмѣ, сравнительно недалеко отъ Риги, въ длинные часы вынужденнаго бездѣйствія вель Петръ за стаканомъ вина ту бесѣду, о которой онъ воспоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Виниусу отъ 8-го апрѣля изъ Риги: „Какъ я сюда ѣхалъ, и *не допѣжил* до Риги, въ нѣкоемъ шинку дворянинъ, подвыпивъ, говорилъ, что-де

¹⁾ Silke—селетка.

²⁾ *Rücker*, Special-Karte von Livland in 6 Blättern, herausg. auf Veranstaltung der Livländ. gemeinütz. u. ökonomisch. Societät, 1859.

³⁾ Венденскій пасторъ г. Г. Фиргуфъ (G. Vierhuff) въ сообщеніи своемъ, доставленномъ мнѣ при любезномъ посредничествѣ проф. Р. Гаусмана, замѣчаетъ, что въ донесеніи старшаго благочиннаго Гансона генералъ-губернатору въ 1678(?) году упоминается помѣстье Samsky, нынѣ не существующее, но лежавшее на р. Аа, между Венденомъ и Лигатомъ. Если имѣть въ виду его, то пришлось бы Самъ-Бѣгъ выводить изъ Samsky an der Bäche (то-есть, Bach).

нашъ король въ Польшу въ король прочить сына своего“¹⁾. Что же касается до шинковъ вообще, то объ остановкахъ въ нихъ сохранилось позднѣйшее свидѣтельство современника: въ числѣ жалобъ на плохое гостепріимство, оказанное русскимъ гостямъ со стороны шведовъ, „Разсужденіе“ Шафирова указываетъ и на то, что „въ мизерныхъ корчмахъ становится принужденъ“²⁾.

Что за мѣстность Нилякотъ—не знаемъ. Можетъ быть Nīlkenfehr³⁾, носившій латышское названіе Пкенесъ⁴⁾? Послѣдній пунктъ передъ Ригой въ маршрутѣ Петра — „городокъ Агежъ“ съ рѣчкой того же названія⁵⁾. Здѣсь стояли день и ночевали. Напрасно Устряловъ⁶⁾ хочетъ видѣть въ немъ Allasch, чего нельзя допустить уже изъ-за большого разстоянія, отдѣляющаго этотъ послѣдній отъ Риги⁷⁾. Гораздо правильнѣе соображенія издателей Журнала: „Нынѣ Неймиль или Нейермюленъ“. Дѣйствительно, Нейермюленъ по латышски называется Ahdaschi⁸⁾, что легко могло перейти въ Агежъ. Въ виду же показанія Шафирова⁹⁾, начертаніе „Агежъ“ можно счесть простою опечаткою Журнала.

Въ Нейермюленѣ, въ разстояніи 10—12 верстъ отъ Риги¹⁰⁾, была послѣдняя остановка; на другой день царь Петръ въѣзжалъ въ столицу Ливляндіи совместно съ посольствомъ¹¹⁾.

III.

Поѣздка Петра Великаго за-границу въ 1697 г.

Рига. Дни пріѣзда и выѣзда.

Письмо Петра къ Виніусу, изъ Риги, датированное 1-мъ апрѣля 1697 г., начинается фразою: „Вчерашняю дня пріѣхали въ Ригу,

¹⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 146.

²⁾ Шафировъ, изд. 1717 г., стр. 25.

³⁾ См. атласъ Меллича.

⁴⁾ Kröger, Livländisches Verkehrs-und Adressbuch für 1892—1893. Riga 1892. Bnd. II, Seit. 17.

⁵⁾ Журналъ.

⁶⁾ Устряловъ, III, 592.

⁷⁾ Allasch лежитъ вблизи Зегевольда.

⁸⁾ Kröger, Verkehrs-und Adressbuch, II, 17. Сравни. Шафировъ, Разсужденіе, изд. 1717 г., стр. 80: „городъ Неймель, по чюцки Адежъ“.

⁹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

¹⁰⁾ Сравни. Rückert, Special-Karte von Livland.

¹¹⁾ Доказательства совместнаго въѣзда въ Ригу указаны въ слѣдующей главѣ.

слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, и приняты господа послы съ великою честію“¹⁾). Такимъ образомъ письмо это устанавливаетъ фактъ пріѣзда въ Ригу 31-го марта. Что въ числѣ пріѣхавшихъ Петръ подразумѣвалъ не только пословъ, но и себя, можно видѣть изъ того, что форма множественнаго числа весьма употребительна и въ другихъ письмахъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, говоря о другихъ, имѣетъ въ виду и себя самого. Наконецъ, и самое построение только что приведенной фразы указываетъ на пропущенное „мы“, и было бы большою натяжкой слово „пріѣхали“ связывать исключительно съ существительнымъ „послы“.

(Статейный списокъ посольства тоже указываетъ на 31-е марта, какъ на день вѣзда пословъ въ Ригу²⁾); донесеніе, посланное изъ Риги 1-го (11-го) апрѣля курфирсту бранденбургскому, говоритъ о *счерашнемъ* вѣздѣ³⁾); наконецъ, въ письмѣ рижскаго городского совета къ ландрихтеру Ю. Ф. Пальменбергу встрѣчаемъ фразу: „Die moskowitschen Gesandten sollen noch am selben Abend eingeholt werden“⁴⁾). Чтобы не оставалось сомнѣнія въ томъ, что и по шведскому, и по русскому календарю 31-е марта приходилось въ одинъ и тотъ же день, укажемъ, что въ письмѣ Дальберга, отъ 14-го апрѣля, выраженіе: „Die Grossgesandten seien am Sonntag (11 April) mit der ganzen Suite dem Zaren gefolgt“⁵⁾—вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ статейнаго списка, гдѣ говорится, что Пасха въ 1697 г. пришла на 4-е апрѣля⁶⁾).

Такимъ образомъ, повидимому, не должно бы явиться никакихъ сомнѣній относительно дня пріѣзда царя въ Ригу. Между тѣмъ Юрналъ относитъ этотъ день не къ 31-му марта, а къ 1-му апрѣля, сутками позже. Какъ это могло произойти? Помимо прямого свидѣтельства самого Петра въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Виніусу, трудно, почти невозможно допустить, чтобы молодой царь, который, какъ сейчасъ будетъ видно, ночь на 31-е марта провелъ въ Пейермиуленѣ, почти подъ самой Ригой, чтобы онъ безцѣльно оставался цѣлые сутки въ 10-ти верстахъ отъ ближайшей цѣли своей поѣздки,

¹⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 144.

²⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 761—762.

³⁾ *Posselt*, Der General Lefort, II, 390.

⁴⁾ *Bergengrün*, Die grosse Ambassade, 38, примѣч.

⁵⁾ *Ibidem*, 47.

⁶⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 765. Сравн. также въ статейномъ спискѣ: „апрѣля въ 11-й день.... послы изъ Риги пошли“. *Ibidem*, 770.

лишая себя возможности видѣть приготовленную посламъ встрѣчу. интересную, какъ своею показной стороною — а любопытство Петра въ этомъ направленіи еще не могло успѣть притуниться—такъ и по представлявшейся возможности видѣть собранныя войска, вообще военную силу шведской крѣпости ¹⁾). Не говоримъ уже о томъ, какъ трудно примирить сидѣнье на одномъ мѣстѣ безъ дѣла съ живымъ темпераментомъ государя.

Такимъ образомъ показанія Юрнала должны быть признаны невѣрными, и, кажется, есть возможность вскрыть причину допущенной ошибки. Для этого необходимо показанія 1-го апрѣля связать съ событіями двухъ предшествующихъ дней. Въ Юрналѣ читаемъ:

„Въ 29-й день (марта). Обѣдать пріѣхали въ Самъ-Бѣгъ, и стояли 8 часовъ, и пошли въ путь и пріѣхали къ вечеру въ Ниликотъ, и стояли часа съ два; и пошли въ путь во всю ночь. Въ 31-й день. Проѣхали городокъ Агежъ, да рѣчку, словеть такожь. День стояли тутъ же подъ Агежомъ до полудни; а послѣ полудни пошли въ путь и пріѣхали къ вечеру въ городъ Ригу“.

Куда же исчезло 30-е марта? Его нѣтъ въ записи Юрнала. Исчезло же оно, вѣроятно, такимъ образомъ. Запись Юрнала велась *не всегда* послѣдовательно день за днемъ уже по одному тому, что дни, когда царь не мѣнялъ своего пребыванія, оставаясь на мѣстѣ, обыкновенно не заносились. Такъ, напримѣръ, съ 1-го по 8-е апрѣля въ теченіе всего пребыванія Петра въ Ригѣ или съ 10-го апрѣля, дни пріѣзда въ Митаву, до 20-го апрѣля, дня выѣзда изъ этого города, Юрналъ не обмолвился ни одною записью; за 25—30 апрѣля, дни гостинъ въ Либавѣ, упомянуто лишь состояніе погоды 26-го апрѣля и т. п. Къ тому же запись, по всей вѣроятности, предварительно составлялась на-черно. Выѣхавши 29-го марта въ ночь изъ Ниликота, Петръ пріѣхалъ 30-го въ Агежъ, ночевалъ здѣсь, а 31-го, послѣ полудни, вмѣстѣ съ посольствомъ, выѣхалъ въ Ригу. Пріѣхали туда къ вечеру; путешествіе пріостановилось, и тотъ, кто велъ Юрналъ, отложилъ его въ сторону, въ новой обстановкѣ забывъ или не успѣвъ найти на другой день времени внести запись о вчерашнемъ. Прошла недѣля, тронулись снова въ путь, порядокъ фактовъ пришлось возстановлять уже по памяти, и при нѣкоторой торопливости одинъ день былъ забытъ и пропущенъ.

¹⁾ А насколько сильно интересовался этимъ Петръ, можно, помимо всего, судить и по письму его къ Виніусу отъ 8-го апрѣля (Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 146).

Дѣйствительно, если перенести запись Юрнала, помѣщенную подъ 31-мъ марта, на 30-е, а подъ 1-мъ апрѣля—на 31-е марта, то увидимъ полное совпаденіе пути Петра съ движеніемъ пословъ: государь почевалъ съ 30-го на 31-е въ Агежѣ. Тамъ же, то-есть, въ Пейсмиуленѣ ¹⁾, ночь проводятъ и послы ²⁾; они покидаютъ его въ полдень ³⁾, то-есть, тогда же, какъ и Петръ; въ Ригу пріѣхали вечеромъ ⁴⁾, то-есть, опять таки—одновременно съ царемъ.

Итакъ Петръ пріѣхалъ въ Ригу вечеромъ 31-ю марта.

День выѣзда изъ Риги ясно указанъ въ письмахъ Петра отъ 8-го апрѣля къ князю Ромодановскому и Виніусу: „сегодня поѣхали отсель въ Митаву“ ⁵⁾; но въ одномъ изъ этихъ писемъ, именно къ Виніусу, слѣдующія слова вызвали недоумѣніе: „а жили за рѣкою, которая вскрылась въ самый день Пасхи. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ“.

Въ Ригѣ Петръ имѣлъ помѣщеніе, подобно всему посольскому персоналу, въ такъ называемой Ластадіи, въ предмѣстьѣ, за Карловскими воротами, въ домѣ Якова Шуберта, на правомъ, городскомъ, берегу Двины ⁶⁾. Такимъ образомъ выраженіе: „жили за рѣкою“ могло быть написано на *лѣвомъ* берегу Двины, въ пунктѣ, съ котораго, *отсель*, Петръ поднялся, чтобъ ѣхать въ Митаву.

Какъ, когда и зачѣмъ онъ попалъ на лѣвый берегъ Двины? Недавно г. Бергенгрюномъ было высказано мнѣніе, будто бы Петръ жилъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, раздосадованный негостепримствомъ шведскихъ властей и непріятнымъ столкновеніемъ на бастионахъ, гдѣ Петру не дозволяли измѣрять глубину ровъ и прохаживаться по крѣпостному валу. Бѣдностью обстановки въ зарѣчной части города, въ ту пору къ тому же совершенно отрѣзанной отъ центральной части вслѣдствіе сильнаго ледохода, хотятъ объяснить и выраженіе: „здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и *сыты* были только *зрѣніемъ*“ ⁷⁾.

¹⁾ См. выше предыдущую главу.

²⁾ *Bergengrün*, 88.

³⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 701.

⁴⁾ *Bergengrün*, 88, прим.

⁵⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 145.

⁶⁾ *Bergengrün*, 31, 40, 76.

⁷⁾ *Bergengrün*, 41, 45, 47.

Такое объясненіе представляется намъ натянутымъ. Петръ долженъ былъ знать заранѣе, что на лѣвомъ берегу его столъ и помѣщеніе будутъ не изъ роскошныхъ; показаніе Шафирова, будто бы доброжелательные люди изъ рижанъ предостерегали Петра о намѣреніи губернатора арестовать царя „или что и злое надъ его животомъ учинить“¹⁾, слишкомъ отзывается той преднамѣренностью тона и полемическимъ приемомъ, какой отличаетъ всю книгу этого придворнаго историографа, чтобъ придавать его словамъ значеніе достовѣрнаго показанія. Если царь хотѣлъ укрыться, то именно для этого ему и не слѣдовало изолироваться отъ посольства. Появленіе на лѣвомъ берегу при такихъ обстоятельствахъ было бы непремѣнно замѣчено. Посольство торопилось покинуть Ригу, но еще 7-го апрѣля перевозчики указывали на затрудненія и наотрѣзъ отказались перевозить въ этотъ день за неимѣніемъ достаточнаго количества лодокъ²⁾; слова же Дальберга въ письмѣ отъ 14-го апрѣля: „Die Grossgesandten seien am Sonntag (11 April) mit der ganzen Suite dem Zaren gefolgt. der einige Tage vorher inkognito übergegangen“³⁾ еще нисколько не доказываютъ отъѣзда государя ранѣе 8-го апрѣля. Также и Журналъ очень опредѣленно заявляетъ, что не раньше, а именно 8-го апрѣля „убираться сталъ весь обозъ и убравшись пріѣхавъ къ Двинѣ и стали обозъ ставить въ лодки, и переплыли черезъ Двину и пріѣхали Коборшанцъ и почевали за Двиною“.

Выраженіе же: „Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ“ можетъ быть примѣнимо лишь къ тѣмъ неприяностямъ, которыя пришлось испытать Петру, живя въ самомъ городѣ, на правомъ берегу. „Сыты зрѣніемъ“,—то-есть, вынуждены довольствоваться внѣшней, показною стороною, безъ возможности проникнуть въ суть дѣла; *рабскій* обычай—стѣсненіе въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ понимаютъ эти выраженія Устряловъ⁴⁾, Соловьевъ⁵⁾, Бычковъ⁶⁾. Вспомнимъ, что впоследствии русскіе жаловались на многочисленныя караулы, приставленные къ посольству, на запрещеніе ходить въ городъ группами болѣе чѣмъ въ шесть человекъ и т. п. *Рабскій* нельзя отождествлять съ понятіемъ бѣдный, лишенный хорошаго про-

1) Шафировъ, 28.

2) Bergenström, 46.

3) Ibidem, 47.

4) Устряловъ, III, 30.

5) Соловьевъ, XIV, 228.

6) Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 618.

питанія, а именно лишенный свободы. Между тѣмъ послѣднее менѣе всего подходило бы къ *лѣвому* берегу Двины, гдѣ, если стать на точку зрѣнія г. Бергенгрюна, царь долженъ былъ бы пользоваться большею свободою.

Наконецъ, самый характеръ письма, расположеніе мыслей отнюдь не даютъ права допускать, что царь, передавая свои рижскія впечатлѣнія, дѣлитъ ихъ на правобережныя („жили за рѣкою“) и лѣвобережныя („рабскимъ обычаемъ... сыты зрѣніемъ“). А допустить это пришлось бы неизбѣжно, если принять толкованіе г. Бергенгрюна.

Изъ статейнаго списка видно, что послы отиранли изъ Риги 8-го апрѣля всю партію бывшихъ при нихъ волонтеровъ въ количествѣ 35 человекъ, къ курляндскому герцогу, съ извѣщеніемъ о своемъ предстоящемъ прѣздѣ¹⁾. Какъ одинъ изъ волонтеровъ, въ числѣ посланныхъ находился и царь Петръ. Это о нихъ переправѣ 7-го апрѣля хлопочуть, но неудачно, послы. Переправиться 6-го апрѣля волонтеры могли еще менѣе, такъ какъ даже 7-го перевозчики, какъ мы только что видѣли, не могли набрать лодокъ, а 5-го вечеромъ царь еще находился въ городѣ, на правомъ берегу²⁾. Если допустить, что онъ переѣхалъ черезъ рѣку 6-го апрѣля, въ самой небольшой компаніи, то, спрашивается, почему онъ цѣлыхъ два дня не двигался дальше?

Остается еще объяснить выраженіе письма: *здѣсь*. И его тоже нельзя, какъ это допускаетъ г. Бергенгрюнъ³⁾, приурочивать къ лѣвому берегу: это слово примѣнено царемъ ко всей Ригѣ, и примѣнено въ указанномъ смыслѣ въ тѣ же самые дни не разъ и не два. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Вишиусу царь говоритъ: „Торговые люди *здѣсь* ходятъ въ мантеляхъ и, кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими, какъ *стали* сани продавать, за конѣйку м.... лаются и клинутся, а продаютъ втрое“. Если бы пошестіе мантелей составляло характеристическую особенность „лѣвобережныхъ“ жителей, царь, конечно, оговорилъ бы это. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сани продавались въ городѣ, на правомъ берегу. Куда

¹⁾ „Апрѣля въ 8 день в. и п. послы отиустили изъ Риги напрезъ себя въ Курляндію Преображенскаго полку начальныхъ людей урядниковъ и солдатъ 35 человекъ... отиустили мы замендора урожденнаго Андрея Михайлова съ товарищи, 35 человекъ, которые по указу его царскаго величества посланы для учевія морскаго дѣла до Венеціи“. (П. Д. Св. VIII, 766—767).

²⁾ *Bergengrün*, 40.

³⁾ *Ibidem*, 45, прим.

ихъ было еще перевозить на лѣвый, когда перевозка самихъ-то людей была сопряжена съ такою опасностью и стоила большихъ суммъ? Въ другомъ писемѣ: отъ того же числа, но уже къ Ромодановскому. читаемъ: „Понеже ничего *здѣсь* къ службѣ вашего величества не обрѣлъ дѣла достойнѣйшаго, точію нѣкоторыя перевязя солдатскія..“¹⁾). Послѣднія приобрѣтались, конечно, тоже въ городѣ.

Итакъ Петръ выѣхалъ изъ Рима 8-ю апрѣля, не раньше. Писалъ же онъ свои письма на лѣвомъ берегу просто потому, что не успѣлъ сдѣлать этого на правомъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются выраженія его писемъ: „поѣхали *отсель*“, „жили за рѣкою“.

Доказательства составленія писемъ, датированныхъ 8-го апрѣля, на лѣвомъ берегу Двины, будутъ приведены въ нижеслѣдующей главѣ.

IV.

Поѣздка Петра Великаго за-границу въ 1697 г.

Письма царя изъ Рима.

8-го апрѣля, въ самый день отъѣзда царя изъ Рима, пришла московская почта и привезла государю письма отъ Гордона, Виніуса, Л. К. Нарышкина, Головкина, Головина, Шенна²⁾), можетъ быть, и отъ другихъ еще; но она уже не застала Петра въ городѣ: се пришлось пересылать царю на лѣвый берегъ, куда опъ какой-нибудь часъ-другой назадъ переѣхалъ съ тѣмъ, чтобы двинуться далѣе на Митаву. Между тѣмъ царь, еще до полученія этихъ писемъ, пользуясь свободной минутой, которую ему дали неизбѣжныя хлопоты при переправѣ „обоза“³⁾ и необходимыя приготовленія къ отъѣзду, написалъ уже письма Ромодановскому и Виніусу⁴⁾). Хотѣлось бы отнѣтитъ и на новую почту, но было уже некогда, и не потому что все было готово къ отъѣзду—царь, разумѣется, всегда могъ приостан-

¹⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 145.

²⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 614—616.

³⁾ Выраженіе Юрнала.

⁴⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 145—146. Можетъ быть, еще и Г. И. Головкину, Л. К. Нарышкину и Л. М. Головину (*ibidem*, 618 — 619). Говорятъ, *можетъ быть*, потому, что хотя письма къ этимъ лицамъ и посланы 8-го апрѣля, но могли быть писаны и наканунѣ: они не дошли до насъ и даже неизвѣстно, представлена ли была на нихъ дата.

новить его—но потому что „почта ждать не хотѣла“¹⁾. Царь двинулся въ путь; но, проѣхавъ Кобершанць, укрѣпленіе, расположенное на берегу Двины, нѣсколько выше города²⁾, и расположившись „за Двиною“ ночлегомъ³⁾, онъ въ тотъ же вечеръ написалъ другое письмо Виніусу, въ отвѣтъ на полученное утромъ: царя заинтересовало извѣстіе Виніуса о побѣдѣ полтавскихъ казаковъ надъ татарами, но, не довольствуясь сообщеннымъ, онъ выражалъ желаніе знать еще и подробности дѣла⁴⁾.

Говоря такъ, мы расходимся съ А. О. Бычковымъ, который относилъ названное письмо не къ 8-му, а къ 11-му апрѣля, когда Петръ уже былъ въ Митавѣ. Издатель „Писемъ и Бумагъ императора Петра Великаго“ опирался въ данномъ случаѣ на свидѣтельство очень вѣское: на заявленіе самого адресата, который въ своемъ отвѣтѣ государю говоритъ: „Любезнѣйшее твое ко мнѣ писаніе изъ Курляндіи, писанное апрѣля 11-го числа, здѣсь въ 27-й день дошло“⁵⁾. Несмотря однако на всю авторитетность такого показанія, оно не можетъ быть принято.

Перечисляя въ упомянутомъ письмѣ, кому передать его поклоны, царь добавляетъ: „побей челомъ, чтобъ на особое письмо не покручинялись, потому что *теперь ѣдемъ* въ Курляндію, и почта ждать не хотѣла“. Этихъ словъ нельзя было писать 11-го апрѣля, потому что въ то время царь былъ уже въ Митавѣ; не писаны они и на „лѣвомъ берегу“ въ Ригѣ, ибо тогда письмо дошло бы одновременно съ первымъ, чего на дѣлѣ не было⁶⁾. Значить, письмо писано въ пути и еще на лифляндской территоріи, до перехода курляндской границы, каковой имѣлъ мѣсто передъ вечеромъ 9-го апрѣля⁷⁾. Въ своемъ вечернемъ письмѣ къ Виніусу царь шлетъ поклоны десяти лицамъ. По крайней мѣрѣ отъ пяти изъ нихъ онъ получилъ въ это утро письма,

¹⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 147; иис. № 151. Сравни. ниже наши доказательства о связи этого письма съ 8-мъ апрѣля.

²⁾ См. напримѣръ, Tafeln zu S. Fabers ausführlicher Lebensbeschreibung Carls XII, таблица № 8.

³⁾ Журналъ.

⁴⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 147, иис. № 151.

⁵⁾ Ibidem, I, 620.

⁶⁾ Письмо къ Виніусу, писанное вечеромъ 8-го апрѣля (№ 151), пришло въ Москву 27-го апрѣля (Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 620), тогда какъ другія письма царя отъ 8-го же апрѣля были въ рукахъ адресатовъ по крайней мѣрѣ уже 22-го числа (ibidem, 618).

⁷⁾ Журналъ.

отсюда и просьба, „чтобъ на особое письмо не покручинились“, потому что сейчасъ отвѣчать некогда („теперь ѣдемъ въ Курляндію“), да и утромъ не было времени („почта ждать не хотѣла“).

Примирить все только-что сказанное съ показаніемъ Виніуса не представляетъ трудности—противорѣчіе здѣсь лишь кажущееся: царское письмо было безъ даты, и Виніусъ обозначилъ его днемъ и мѣстомъ, когда и откуда оно было *послано*, а не когда и гдѣ *писано*. Царь написалъ письмо 8-го вечеромъ, привезъ его въ Митаву (такъ какъ все равно послать его сейчасъ было не съ кѣмъ) и отправилъ оттуда съ ближайшею почтою, то-есть, 11-го апрѣля ¹⁾).

Среди писемъ царя, связанныхъ съ Ригою, встрѣчается слѣдующая записочка къ кн. Ф. Ю. Ромодановскому: „Гаврилы Ивановича ²⁾ письмо дошло. Пожалуй, ему и всѣмъ прочимъ отдай поклоненіе, а особо за дорогою писать не успѣлъ“ ³⁾). Бычковъ относилъ это письмо „ко времени отъѣзда изъ Риги, который послѣдовалъ 8-го апрѣля“ ⁴⁾). Едва-ли это вѣрно. 8-го апрѣля Ромодановскому царь уже писалъ утромъ этого дня ⁵⁾). Настоящее письмо—не то что къ Виніусу—по содержанію, ничего не заключаетъ такого, чтобы стоило писать его черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго. Далѣе, просить извѣщать Г. И. Головкина о полученіи его письма, а въ особенности объяснить, почему ему не писано, было не для чего, даже невозможно, ибо какъ разъ въ этотъ день царь писалъ Головкину ⁶⁾).

Вотъ почему придется отнести эти строки къ иному времени. Не къ 1-му ли апрѣля? Петръ пріѣхалъ въ Ригу лишь наканунѣ этого дня вечеромъ; судя по фактамъ 8-го апрѣля, почта въ Москву уходила 1-го апрѣля, въ первую половину дня, и потому царю естественно было выразиться: „за дорогою писать не успѣлъ“. Кромѣ того Головкинъ 15-го апрѣля пишетъ царю: „писаніе твое, писанное сего апрѣля 1-го дня изъ Риги, *видѣлъ и благодарствую*“ ⁷⁾). Издатель „Писемъ и Бумагъ императора Петра Великаго“ относитъ эту фразу къ письму царя къ Виніусу, но въ послѣднемъ не было ни-

¹⁾ Почта ходила одинъ разъ въ недѣлю. Сравн. письма царя изъ Риги 1-го и 8-го апрѣля, изъ Митавы (кромѣ посланнаго 11-го апрѣля) 17-го и 18-го апрѣля (Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 148, 621) и проч.

²⁾ Головкина.

³⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 147.

⁴⁾ Ibidem, I, 619.

⁵⁾ Ibidem, I, 146, подъ № 148.

⁶⁾ Ibidem, I, 618.

⁷⁾ Ibidem, I, 617.

чего такого, за что могъ бы Головкинъ „благодарить“. Наоборотъ, благодарность его была вполне естественна по отношенію къ фразѣ: „Гаврилы Ивановича... пожалуй, ему отдай поклоненіе“. Обратимъ вниманіе и на слово „видѣль“: въ немъ ясное указаніе на то, что рѣчь идетъ не о полученномъ письмѣ, а о томъ, которое находилось въ рукахъ третьяго лица.

V.

Поѣздка Петра Великаго за-границу въ 1697 г.

Проездъ по Лифляндіи и пребываніе въ Ригѣ.

Отправка великаго посольства за-границу окончательно рѣшена была еще въ концѣ 1696 г. Москва оффициально узнала о ней 6-го декабря, когда думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ о волѣ государя отправить трехъ великихъ и полномочныхъ пословъ къ иноземнымъ дворамъ ¹⁾). Такое официальное заявленіе, разумѣется, санкціонировало рѣшеніе далеко не вчерашняго дня: имъ формулировалась мысль, если не сложившаяся, то намѣченная, конечно, уже довольно давно. Еще въ послѣднихъ числахъ сентября 1696 года Францъ Лефортъ сообщаетъ своей матери о возникшемъ планѣ заграничной поѣздки ²⁾; а двѣ недѣли спустя онъ же указываетъ и ближайшую цѣль ея — Голландію ³⁾. О предстоящемъ отправленіи посольства увѣдомлялъ въ концѣ ноября рижскаго генераль-губернатора Дальберга, черезъ посредство торговаго агента въ Псковѣ Герберса, также и Квинперъ, шведскій комиссаръ въ Москвѣ, добавлявшій, что посольство пойдетъ на Ригу, черезъ Лифляндію ⁴⁾. Такимъ образомъ слухи о снаряженіи посольства проникли за-границу, какъ и слѣдовало ожидать, раньше официального о немъ оповѣщенія.

Но въ Москвѣ шли сборы не однихъ пословъ. Выѣстѣ съ ними

¹⁾ Устряловъ, III, 6.

²⁾ Man spricht hier von einer Reise, welche unternommen werden soll; wenn diese zu Stande kommt, so werde ich mich glücklich schätzen, Sie noch einmal umarmen. Письмо 25-го сентября 1896 г. *Posselt*, General und Admiral Fr. Lefort, II, 368.

³⁾ Письмо 9-го октября 1696 г. *Ibidem*.

⁴⁾ Письмо Дальберга шведскому королю Карлу XI изъ Риги, 6-го декабря 1696 г. *Bergengrün*, Die grosse Ambassade, 77—78, приложеніе № 3.

готовился ѣхать и самъ государь. Проникли въ Европу слухи и объ этомъ. Тотъ же Книперъ, сообщая о предстоящемъ посольствѣ, добавлялъ, что въ его свитѣ инкогнито будетъ находиться самъ молодой государь ¹⁾. О намѣреніи Петра переступить границы своего государства кромѣ того узнали нѣсколько недѣль спустя, въ январѣ, также и въ Амстердамѣ ²⁾.

Въ Москвѣ, однако, поѣздку царя держали въ строгой тайнѣ. Всѣ письма, отправляемыя за-границу, если только предварительно не были доставляемы въ посольскую канцелярію открытыми, вскрывались и подвергались безжалостному уничтоженію, лишь только въ нихъ оказывалось, что рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ московскаго правительства ³⁾. Даже иностранные купцы, пользовавшіеся вообще привилегіею свободной корреспонденціи, были предупреждены о запрещеніи вкладывать въ свои почтовые пакеты письма постороннихъ лицъ; при чемъ, для большей увѣренности, московское правительство все-таки распорядилось вскрывать и ихъ перениску. Писать въ это время о поѣздкѣ царя значило прямо рисковать властью въ большую немилость ⁴⁾ и подвергнуться серьезнымъ непріятностямъ, такъ что даже австрійскій посланникъ Плейеръ, послѣ того какъ выѣздъ царя сталъ уже совершившимся фактомъ, все еще не считалъ для себя возможнымъ оповѣстить о немъ свое правительство иначе, какъ подъ строжайшимъ секретомъ, шифруя свои донесенія ⁵⁾. По позднѣйшему свидѣтельству Дальберга, на нѣкоторое время даже совсѣмъ приостановили было отправку московской почты и запретили самый выѣздъ иноземцевъ за-границу ⁶⁾. Вообще стѣсненія окончились лишь послѣ того, какъ великое посольство перешло русскій рубежъ ⁷⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Письмо Туртона: *Der Zaar selbst incognito an der Reise Theil nehmen wird...* Man hat es mir aber aus Moskau geschrieben. *Posselt, Lefort*, II, 375.

³⁾ Донесеніе Плейера 28-го марта 1697 г. (*Устряловъ*, III, 634); донесенія Альберти изъ Варшавы 2 и 16 апрѣля 1697 г. (*Е. Шмурло*, Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царств. им. Петра Великаго. *Учен. Записки Юрьевск. Унив.* 1899, № 5, стр. 207, 214).

⁴⁾ *Bei höchsten Ungnad verboten von des Tzaren Reuss etwas zu schreiben.* Донесеніе Плейера 28-го марта 1697 г. *Устряловъ*, III, 634—635.

⁵⁾ *Устряловъ*, III, 635.

⁶⁾ Оправдательная записка Дальберга 8-го марта 1700 г. *Lamberty, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle.* A la Haye. MDCCXXIV, tom. I, стр. 177.

⁷⁾ Письмо Дальберга, отъ 19-го мая 1697 г., къ Книперу въ Москву. *Bergengrün, Die grosse Ambassade*, 85—86.

Отъ кого шла такая настойчивость въ соблюденіи тайны? Центрѣ тяжести въ принятіи такой мѣры лежалъ, думается, не въ Петрѣ, а въ боярахъ-министрахъ, въ характерѣ той системы, какой вообще держалось московское правительство XVII вѣка, обыкновенно съ такою заботливостью, въ сношеніяхъ съ иноземцами, окружавшее тайною всякое свое распоряженіе, всякій свой шагъ. Къ тому же въ данномъ случаѣ все было на лицо, чтобъ держаться принятой системы съ особенною настойчивостью и неуклонностью: и необычайность самаго явленія—впервые русскій царь рѣшался переступить рубежъ своихъ владѣній — и посочувствію извѣстной части русскаго общества такому шагу, и незаконченная война съ турками, когда ради одного уже этого спокойнѣе было бы видѣть государя у себя дома или передъ вражеской арміей, чѣмъ въ роли туриста по Западной Европѣ.

Лично же Петръ ко всѣмъ этимъ предосторожностямъ относился гораздо индифферентнѣе, хотя бы уже по одному тому, что онъ отнюдь не былъ настроенъ такъ пессимистически по вопросу о своей рѣшимости предпринять поѣздку. Противъ системы, какъ системы, онъ, конечно, ничего не возражалъ, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ она согласовалась и съ его личными вкусами: онъ дорожилъ своимъ инкогнито, какъ удобною формою знакомства съ Европой безъ излишнихъ стѣсненій и помѣхи; но мы ошиблись бы, подумавъ, что „инкогнито“ для него было равнозначуще съ желаніемъ безусловно затеряться въ толпѣ и въ теченіе всей поѣздки оставаться безусловно только „дворяниномъ Петромъ Михайловымъ“, не больше. Объ этомъ особенно полезно напомнить, такъ какъ у насъ, повидимому, склонны допускать такой ошибочный взглядъ, забывая, что и въ Митавѣ и въ Кенигсбергѣ, въ Коппенбрюгге и въ Лондонѣ, въ Утрехтѣ и въ Гагѣ, въ Вѣнѣ и въ Равѣ—то-есть, можно сказать, на всемъ протяженіи своего пути, молодой царь нигдѣ не отклонялъ свиданій съ правителями и государями тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжалъ, вездѣ дѣлалъ имъ визиты и получалъ отвѣтные, вездѣ велъ переговоры и принималъ приглашенія на банкеты, получалъ подарки и самъ отдаривалъ— и все это въ силу царственнаго, привилегированнаго положенія своего, совершенно переставая быть въ эти минуты ничтожнымъ „дворяниномъ“ и простымъ „Михайловымъ“. Правда, въ Либавѣ онъ за просто кутить въ мѣстномъ кабацѣ съ пріѣзжими шкиперами, въ Амстердамѣ въ одеждѣ плотника работаетъ на Остиндской верфи, для осмотра засѣданій англійскаго парламента лѣзетъ куда-то на чердакъ, подъ крышу, а что до любимыхъ мѣстъ его, то въ Лондонѣ въ одной

изъ удаленныхъ улицъ чуть-ли не до сего дня одинъ кабачекъ носитъ громкое названіе „Гаверны московскаго царя“. Все это такъ; но въ то же время тотъ же самый Петръ въ Кенигсбергѣ съ истинно царскою свободой бросается съ кулаками на бранденбургскаго канцлера, вызвавшаго своей неосторожною улыбкою его всеильный гнѣвъ; въ Голландіи, въ томъ же сознаніи своихъ высшихъ правъ и отнюдь не думая женироваться или скрывать ихъ, онъ, при осмотрѣ одного дома, требуетъ предварительнаго удаленія всѣхъ его жильцовъ, а въ Брестъ-Литовскѣ, уже на обратномъ пути, выгоняетъ католическаго прелата изъ дома, гдѣ самъ былъ только гостемъ. Едва-ли есть надобность указывать и на то, что, при своихъ посѣщеніяхъ голландскихъ музеевъ, лабораторій, закидывал торопливыми вопросами мѣстныхъ ученыхъ-специалистовъ, отнимая у нихъ свободное время, жадно хватываясь ихъ объясненіями, онъ былъ далекъ отъ наивной мысли, что всѣ эти господа серьезно думаютъ, будто имѣютъ дѣло съ какимъ-то „дворяншиномъ Михайловымъ“: нѣтъ, Петръ и здѣсь искалъ поучительной бесѣды въ полномъ сознаніи своего *права* удовлетворить загорѣвшееся желаніе и, конечно, не замедлялъ бы проявить это „право“ и на дѣлѣ, чуть въ немъ оказалась бы надобность. „Инкогнито“ отнюдь не должно было ни въ чемъ стѣснятъ его царственной воли, и потому, взваливъ на пословъ скучную и мѣшкотную процедуру представительства, молодой Петръ въ теченіе всей своей поездки ни одной минуты не переставалъ быть царемъ. Оставаясь такимъ для себя, онъ ждалъ, онъ требовалъ, что такимъ будетъ и въ глазахъ другихъ.

Все это необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ столкновенія Петра со шведами въ Ригѣ. Историкъ приходится считаться здѣсь съ двумя теченіями: официальнымъ, канцелярскимъ, шедшимъ изъ Посольскаго приказа, изъ сферъ правительственныхъ,—и личнымъ, субъективнымъ, которое корнями своими питалось въ натурѣ царя Петра. Хотя въ основныхъ своихъ проявленіяхъ оба теченія и дѣйствовали согласно, но источникъ ихъ происхожденія былъ далеко не одинъ и тотъ же.

Съ другой стороны и самая забота о соблюденіи тайны должна была неизбѣжно имѣть свои предѣлы. Желая на случай сохранить за собою свободу дѣйствія, мы, въ духѣ господствовавшей тогда у насъ системы, *официально* считали полезнымъ отрицать присутствіе царя въ свитѣ посольства, и московскій торговый человѣкъ, голландецъ Янъ Любсъ, посланный въ половинѣ февраля въ Ригу предупредить

пріѣздѣ пословъ, демонстративно заявлялъ, что царь не только не ѣдетъ за-границу, но, наоборотъ, отправляется совсѣмъ въ другую сторону, въ Воронежъ, строить корабли ¹⁾. Но говорить такъ хорошо было лишь до поры до времени. Зато чѣмъ ближе къ отъѣзду, тѣмъ труднѣе, да и безцѣльнѣе было скрывать тайну, такъ какъ тамъ, за рубежемъ, истина все равно должна была вскрыться, и не даромъ же въ послѣдніе мѣсяцы московское правительство, хотя и продолжало перлюстрировать письма, но желавшихъ выѣзжать за-границу болѣе не удерживало ²⁾. Трудно думать, чтобы и сами бояре, да и царь тоже, при своихъ сравнительно довольно частыхъ свиданіяхъ съ резидентами, и притомъ не въ одной посольской избѣ, но и въ частныхъ домахъ, за веселымъ обѣдомъ, были въ состояніи все время носить личину и безъ улыбки, серьезно поддерживать официальную ложь. Надо было обладать большою наивностью, чтобы серьезно думать о возможности безусловнаго сохраненія шила въ мѣшкѣ, и такого замѣтнаго, какъ царскіе сборы, отъѣздъ государя изъ столицы, какой бы перлюстраціи ни подвергать чужія письма, какъ бы иностранныхъ резидентовъ въ Нѣмецкой слободѣ ни держать въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ. Наконецъ, одно дѣло — избавить царя и пословъ отъ докучнаго, не всегда удобнаго любопытства праздной, нескромной толпы; другое — завѣдомо лишить себя удобства приви-

¹⁾ „Дивная здѣсь ложь разглашена отъ людей, которымъ бы надлежало разумнѣе быть. Меня самого спрашивалъ на главномъ караулѣ майоръ Врангель: когда васъ ожидать и намѣренъ ли его царское величество идти въ Псковъ или и сюда? Я отвѣчалъ, что время похода неизвѣстно, и что слышалъ о великомъ послѣ, будто боленъ. Но что принадлежитъ до прочаго, то болѣе дѣтское, нежели правдивое разглашеніе, ибо я *подлинно* знаю, что готовится великое пооруженіе на морѣ и на сухомъ пути, и что царь идетъ на Воронежъ, гдѣ 50 воинскихъ кораблей, ко строенію корабельному“. (Донесеніе Любса Лефорту, изъ Риги, 2-го марта 1697 г. *Устряловъ*, III, 462). Конечно, Любсъ могъ искренно думать, что Петръ остается въ предѣлахъ Россіи; но позволительно допустить и другое: официально отвергая поѣздку царя, онъ хотѣлъ придать своему заявленію еще болѣе вѣса этимъ письмомъ, въ расчетѣ, что и письма, идущія изъ Риги, въ свою очередь подвергаются просмотру со стороны шведскихъ властей.

²⁾ Au reste, il étoit sévèrement défendu à Moscou pendant un certain tems de faire aller les postes de là ici, et même de laisser partir personne, de sorte qu'entre autres notre interprète Soldan, y fut détenu assez long-tems, ce qui se faisoit sans doute, afin que la nouvelle que le czar en personne accompagnoit son ambassade, ne fut point rendue publique; lors qu'enfin la poste recommença d'aller, on ouvrit les lettres, et on les visita“. Оправдательная записка Дальберга 8-го марта 1700 г. *Lamberty*, I, 177.

легированнаго положенія. Повторяю, начиная съ Мятавы, Петръ нигдѣ не отклонялъ визитовъ, угощеній и всякаго рода удовольствій, которыя предлагались ему (онъ видѣлъ это достаточно ясно), какъ лицу, которое, какъ ни называй его, все же оставалось царемъ и прежде всего царемъ; Петръ всздѣ принималъ оказываемые ему знаки вниманія, какъ должное себѣ, — нѣтъ основанія думать, что отклонилъ бы ихъ въ Ригѣ или, тѣмъ болѣе, не сталъ бы видѣть въ нихъ выраженія обязательнаго уваженія къ своей особѣ.

Въ извѣстномъ своемъ „Разсужденіи о причинахъ шведской войны“ Шафировъ категорически заявлялъ, что царь, собираясь въ путь, далъ знать объ этомъ резиденту Книперу для сообщенія шведскому королю и пограничнымъ шведскимъ властямъ; что Книперъ не могъ не знать объ отъѣздѣ государя, такъ какъ въ числѣ двугихъ провожалъ его изъ Москвы, и кромѣ того писалъ о поѣздкѣ царя шведскимъ торговымъ агентамъ въ Новгородѣ и Псковѣ для соотвѣтственнаго предупрежденія рижскаго генералъ-губернатора Дальберга ¹⁾).

Шафировъ — источникъ, слишкомъ окрашенный въ опредѣленный цвѣтъ, чтобъ ему можно было во всемъ довѣряться. Всего менѣе думая объ исторической правдѣ, его „Разсужденіе“ заботливо домогалось другихъ цѣлей — повернуть общественное мнѣніе Европы въ пользу Россіи, дать нравственное оправданіе русскому царю въ его упорной и долготѣйшей борьбѣ со шведскимъ королемъ. Средства русской политической публицистики начала XVIII в. были еще неумѣлы, довольно примитивны и логика фактовъ сшивалась пока еще очень бѣлыми нитками. Къ тому же литературные приемы Шафирова слишкомъ грубы и безцеремонны, слишкомъ прозрачны и легко выдають себя. Поэтому, не особенно церемонясь съ правдою, Шафировъ не имѣетъ права требовать, чтобъ мы въ данномъ случаѣ повѣрили его заявленіямъ.

Но если мы безусловно должны отвергнуть фактъ *официально* заявленія Книперу о поѣздкѣ царя за-границу черезъ Лифляндію, если, даже допуская другой фактъ — письма Книпера къ агентамъ — мы еще не имѣемъ права утверждать, что въ нихъ была рѣчь непосредственно о государѣ, а не просто объ одномъ посольствѣ съ указаніемъ на необходимыя приготовленія при проѣздѣ именно его, *посольства*, — то ничто не мѣшаетъ намъ допустить предположеніе, что Книперу, хотя бы и въ общихъ, туманныхъ выраженіяхъ, все же

¹⁾ Разсужденіе, какія законныя причины и т. д., изд. 1717 г., стр. 24.

было дано *понять* о предстоящемъ появленіи въ Ригѣ, въ составѣ посольства, высокой особы, и, слѣдовательно, дано почувствовать, что отъ ливляндскихъ властей ждутъ и соответствующихъ шаговъ.

Пока рѣчь идетъ о *разсужденіяхъ*, о *поводахъ* и *предлогахъ* къ Сѣверной войнѣ, то мы смѣло можемъ признавать первыя — натянутыми, искусственными и дѣланными, а вторые — пустыми, выдуманными и не особенно удачно сфабрикованными—это область политики и дипломатическихъ соображеній канцеляріи Посольскаго приказа; но когда мы взвѣшиваемъ истинные поводы къ великой драмѣ, разыгравшейся два столѣтія тому назадъ на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, то ни на минуту не должны забывать того осадка горечи, какой оставило у Петра на днѣ его души пребываніе въ Ливліандіи вообще и въ Ригѣ въ частности, — той мысли о незаслуженномъ оскорбленіи, съ какою покинулъ Петръ резиденцію Дальберга, — наконецъ, того нездороваго чувства злобы, съ какимъ въ послѣдствіи, при осадѣ Рижской крѣпости въ 1710 г., царь мечетъ собственноручно первыя бомбы. Этого настроенія нельзя создать искусственно; тѣмъ болѣе нельзя питать его въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ на почвѣ однихъ только политическихъ соображеній. Можно говорить, что оно построено на логическихъ противорѣчіяхъ, на ошибкахъ субъективнаго мѣрила; но оно прежде всего искренно и коренится въ глубокомъ убѣжденіи Петра, что въ 1697 г. въ Ригѣ не могли не знать, что среди посольства находится также и царь и что ему, какъ такому, мѣстные власти обязаны были проявить соответственное уваженіе. Петра называли и деспотомъ, и тиранномъ, пьянымъ сумасбродомъ и взбалмошнымъ дикаремъ, но никто еще не отнималъ у него ума. А только ограниченная натура, нося высокій санъ, могла бы почувствовать себя столь уязвленной изъ-за недостатка оказаннаго уваженія со стороны лицъ, завѣдомо не знавшихъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Повидимому, первоначальный выѣздъ посольства назначался въ половинѣ марта ¹⁾; но во второй половинѣ января приготовленія поспешили настолько впередъ, что, кажется, надѣялись двинуться двумя, тремя недѣлями раньше: 29-го января дерптскій губернаторъ Стромфельдъ получилъ, для соответствующихъ приготовленій, увѣ-

¹⁾ Von hier reist ungefähr am 15 März eine grosse Ambassade nach Schweden, Dänemark, Brandenburg, England, Holland, Italien und sogar zum Papst (письмо Лефорта къ роднымъ въ Женеву 11-го декабря 1696 г. *Posselt*, II, 372).

домленіе о проѣздѣ пословъ въ Ригу въ половинѣ февраля, по тракту Нейгаузенъ-Адзель ¹⁾). Въ эти же числа выѣхалъ изъ Москвы майоръ Вейде, везя царскія грамоты къ иноземнымъ государямъ, съ предупрежденіемъ о предстоящемъ приѣздѣ посольства ²⁾). Проѣздомъ черезъ Ригу Вейде былъ тамъ съ 9-го по 12-е февраля ³⁾, ничего не говоря положительнаго о времени и лишь подтверждая, что послы минуютъ Польшу, но поѣдутъ черезъ Лифляндію, Курляндію и Пруссію ⁴⁾). Также ли, подобно Вейде, только проѣздомъ, или по своимъ торговымъ дѣламъ, или же, наконецъ, специально для увѣдомленія, — но въ половинѣ февраля, вѣроятно между 15-мъ и 20-мъ числомъ, въ Ригу выѣхалъ голландскій купецъ, торговавшій въ Москвѣ, Янъ Любсъ, личность, пользовавшаяся при московскомъ Дворѣ извѣстнымъ авторитетомъ и довѣріемъ ⁵⁾). Онъ объявилъ Дальбергу о скоромъ приѣздѣ пословъ и просилъ, на основаніи договоровъ между обоими государствами, приготовить подводы, кормы и постоянныя дворы ⁶⁾). Но и Любсъ, хотя и покинувшій Москву всего за нѣсколько дней, самое большее за недѣлю до назначеннаго дня выѣзда, не хотѣлъ или не былъ въ состояніи сообщить рижскому губернатору время отъѣзда ⁷⁾). Лишь 21-го февраля состоялось распоряженіе царя отправить новгородскому и исковскому воеводамъ приказъ заготовить по тысячѣ подводъ для проѣзда посольства. Увѣдомляя объ этомъ на другой день названныхъ лицъ, канцелярія Посольскаго приказа впервые точно указывала самый день выѣзда: 25-го февраля ⁸⁾). Рано утромъ 23-го извѣстительныя бумаги были отправлены въ Новгородъ и въ Исковъ съ экстренною почтою ⁹⁾, съ дополнительнымъ наказомъ исковскому воеводѣ предупредить Дальберга и просить его о заготовкѣ „кормовъ, подводъ и приставовъ“ ¹⁰⁾.

¹⁾ *Bergengrün*, Die grosse moskowitische Ambassade, 19.

²⁾ Грамоты датированы 25-мъ января 1697 г. Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 118 слѣд.

³⁾ Нам. Дни. Снош. VIII, 505. Въ Новгородъ Вейде приѣхалъ 1-го, а въ Исковъ 3-го февраля. *Ibid.*, 501, 502.

⁴⁾ *Bergengrün*, 20.

⁵⁾ Сралн. Письма и Бумаги императора Петра Великаго, томъ I.

⁶⁾ *Устряловъ*, III, 19.

⁷⁾ *Ibidem*, III, 19, 462.

⁸⁾ Нам. Дни. Снош. VIII, 657—661.

⁹⁾ *Ibidem*, 661.

¹⁰⁾ *Ibidem*, 660—661.

Приготовить тысячу подводъ „съ санями и проводниками“¹⁾, имѣя въ распоряженіи всего 2—2½ сутокъ,—мыслимое ли это дѣло! Неужли этого не понимали въ Посольскомъ приказѣ? Неужли тамъ могли серьезно рассчитывать, что воеводы аккуратно исполнять возложенную на нихъ задачу? Увѣренность эта тамъ однако, несомнѣнно, существовала; но она основывалась, конечно, не на двухдневномъ расчетѣ. Бумаги, посланныя 23-го числа, служили лишь *заключительнымъ* актомъ въ цѣломъ ряду предшествовавшихъ: не *готовить* подводъ приказывали, а привести лишь въ дѣйствіе сложный механизмъ, очевидно, собранный и заготовленный заранее; не подрывать саней, не заготавливать сѣна, не отыскивать ямщиковъ, а велѣть имъ хомутать лошадей и выходить, съ рукавицами за кушакомъ, передъ крыльцо, прислушиваясь, не зазвенитъ ли колоколецъ — вотъ какъ надо понимать распоряженія 21-го и 22-го февраля.

На это же самое русскіе послы рассчитывали и въ Лифляндіи. Тамошнихъ властей вѣдь предупреждали о ихъ пріѣздѣ, слѣдовательно, тамъ должны были готовиться къ пріему, и потому-то заявление, которое теперь предписывалось Салтыкову послать въ Ригу, должноствовало также носить характеръ лишь послѣдняго предупрежденія съ указаніемъ на точную дату. Заговоръ Соковнина и Цыклера задержалъ выѣздъ на 13-ть дней—тѣмъ болѣе, значить, было время приготовиться къ встрѣчѣ. Съ такими мыслями подѣзжало великое посольство, 25-го марта, въ день Благовѣщенія, къ шведской границѣ.

Какой же пріемъ приготовленъ былъ тамъ русскимъ гостямъ?

Проѣздъ русскаго посольства по шведской территоріи былъ предусмотрѣнъ статьей 15-й Кардисскаго договора²⁾, по точному смыслу которой великіе послы, какъ направлявшіеся не къ шведскому двору и „дѣла“ къ нему „не имѣвшіе“, должны были „ѣхать на своихъ

¹⁾ Ibidem, 659.

²⁾ Вотъ что сказано въ этой статьѣ: „А особливо обѣихъ сторонъ посломъ, посланникомъ и гонцомъ, когда имъ у того великаго государя, черезъ котораго земли они поѣдутъ, отъ того великаго государя, которой ихъ послалъ, дѣла не имѣють, ѣхать на своихъ проторяхъ, и ничего не спрашивать; но по дружбѣ, которая межъ обояхъ великихъ государей есть, и ихъ послать, и посланникамъ, и гонцамъ, съ обѣихъ сторонъ, въ ихъ поѣздѣ, достойное вспоможеніе учинить“. Пол. Собр. Законовъ, I, 543.

проторяхъ и ничего не спрашивать"; обязательство же шведскаго правительства „по дружбѣ“ „въ ихъ поѣздѣ достойное вспоможеніе учинить“, хотя и не могло вызвать сомнѣній на счетъ характера самого „вспоможенія“, сводя послѣднее, какъ мы уже видѣли выше, къ „кормамъ, подводамъ и приставамъ“, но, очевидно, оставляло все-таки еще довольно широкій просторъ въ опредѣленіи подробностей, а главное размѣровъ этого „вспоможенія“.

За все время съ заключенія Кардисскаго договора шведское правительство ни разу не уклонялось отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ — не уклонилось и на сей разъ. Еще въ послѣднихъ числахъ января дерптскій штатгальтеръ Стромфельдъ получилъ приказъ позаботиться о людяхъ, лошадахъ и провіантѣ, а также, чтобъ въ королевскихъ имѣніяхъ, лежавшихъ на пути посольства, послѣднее имѣло возможность за недорогую цѣну получать все необходимое ¹⁾. Не зная точнаго времени проѣзда пословъ, мѣстныя власти должны были держать себя постоянно наготовѣ, и надо думать именно съ этою цѣлью въ пограничный городъ Нейгаузенъ, одновременно съ приказомъ Стромфельду, отправленъ былъ поручикъ Тило фонъ Тилау съ наказомъ поддерживать непосредственныя сношенія съ псковскимъ агентомъ Герберсомъ и вообще слѣдить за всѣми проѣзжающими черезъ границу ²⁾. Пріѣздъ въ Ригу А. Вейде, если все еще ни на волосъ не подвинулъ разрѣшенія интересовавшаго всѣхъ вопроса, все же однако выяснилъ, что день пріѣзда уже не далекъ. Немедленно (16-го и 18-го февраля) Дальбергъ назначилъ маіора фонъ Глазенана въ приставы для встрѣчи и сопровожденія посольства по Лифляндіи, а въ помощники ему капитана Дорнфельда, владѣвшаго русскимъ языкомъ; уѣздной администраціи (Kreisgsvögte) предписывалось озаботиться о лошадахъ, людяхъ и т. п.; арендаторамъ (possessores) королевскихъ и дворянскихъ имѣній, подъ угрозой наказанія, вслѣдствіе принасы отпускать за дешевую цѣну и вообще всякаго рода требованія мѣстныхъ властей исполнять безпрекословно. Поручику же Тило въ Нейгаузенѣ возобновленъ былъ строгій наказъ стоять относительно передвиженія посольства въ курсѣ дѣла и въ особенности своевременно сообщать обо всемъ представителямъ уѣздной администраціи ³⁾.

¹⁾ *Bergengrün*, 19.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*, 20.

Нѣтъ никакого основанія не довѣрять шведскимъ показаніямъ, на основаніи коихъ можно думать, что уже теперь, въ половинѣ февраля, на станціяхъ были собраны подводы съ людьми и лошадьми и все было готово къ принятію гостей. Но дни шли за днями, а посольство, задержанное заговоромъ Цыклера, не ѣхало. Держать вощиковъ неопредѣленно долго было невозможно, и они были распущены по домамъ. Черезъ нѣкоторое время ихъ вернули, но опять понапрасну: послы не ѣхали. Въ довершеніе всего пошелъ слухъ, будто послы измѣнили свой маршрутъ, вмѣсто Риги намѣреваясь ѣхать черезъ Польшу. Вощиковъ распустили вторично и вторично не собрали на заготовленныхъ мѣстахъ. Къ довершенію всего размѣры посольской свиты оставались до послѣдней минуты совершенно неизвѣстны, а потому ничто не гарантировало, что и количество заготавливаемыхъ подводъ и кормовъ удовлетворить предстоящій спросъ ¹⁾. Даже въ послѣднюю минуту, сообщая о выѣздѣ посольства изъ Москвы, исконскій воевода Салтыковъ, въ письмѣ 14-го марта, все еще ничего не могъ сказать Дальбергу, ни сколько человѣкъ ѣдетъ, ни сколько подводъ понадобится ²⁾.

Подводная повинность, уже сама по себѣ не легкая, особенно тяжелымъ бременемъ должна была лечь на мѣстное населеніе именно въ эту пору. Страшный голодъ разразился въ тотъ годъ надъ Лифляндіей. Бѣдствіе охватило всю страну. Сплошь и рядомъ люди умирали отъ истощенія, а оставшіеся въ живыхъ влачили жалкое существованіе. Современникъ рисуетъ потрясающія картины народнаго бѣдствія. Несчастные ѣли падаля, съ остервененіемъ набрасывались

¹⁾ Outre cela, on faisoit courir le bruit de leur part, comme si l'ambassade avoit changé le dessein de venir et passer par ici, et qu'elle étoit résolue de prendre sa route par la Livonie polonoise; mais peu de tems après il arriva un major, nommé Jean Smith, avec une partie du bagage. Il fut suivi d'un courrier avec la lettre de notification du vauvode de Plescow du 14 mars, dans laquelle pourtant il n'avoit marqué aucun terme précis pour l'arrivée de l'ambassade sur nos frontières, et encore moins le nombre de sa suite; ce qui m'obligea durant six semaines de faire tenir prêts sur nos frontières les chevaux destinez pour leur voiture, ce qui ne pouvoit pas se faire sans causer de grands dommages et des pertes considérables aux paisans; car après les avoir renvoiez, il falloit les rappeler, après les avoir encore fait attendre long-temps en vain, il falloit de nouveau les faire retourner chez eux de même qu'auparavant, à cause du retardement de l'arrivée de l'ambassade (Оправдательная записка Дальберга, 8-го марта 1700 г. *Lamberty*, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle. Tom. I, A la Haye, 1724, стр. 177).

²⁾ Пам. Дип. Св. VIII, 705—708. Сравни. предыдущее примѣчаніе.

на внутренности животныхъ, посягали даже на трупы людей въ отвратительной надеждѣ кускомъ человѣческаго мяса удовлетворить свой голодъ. Покойники валялись пеногребенными; небывало холодная зима усиливала страданія, можно сказать, еще вдвое ¹⁾).

При такихъ условіяхъ всякій лишній нудъ сѣна, всякій каравай хлѣба требовалъ необычайнаго напряженія и расходовъ, въ особенности въ виду небывало огромнаго состава посольства. Можно было заранѣе предвидѣть гримадныя затрудненія съ шведской стороны въ точномъ выполненіи 15-го пункта Кардисскаго договора; Дальбергъ это понималъ и поручалъ Герберсу предупредить пословъ о нуждѣ, какую они встрѣтятъ въ Лифляндіи, и посоветовать имъ запастись въ Россіи всѣми необходимыми ²⁾). Отвѣчая 23-го марта поеводѣ Салтыкову, на его письмо 14-го марта, онъ и его предупреждалъ, „что въ здѣшнемъ уѣздѣ высѣву недородъ волею Божіею, и чаесть, что великіе и полномочные послы тѣми удовольствуются, что случилось въ сихъ мѣстехъ, по вѣковѣчному мирному договору; а что о подводахъ и конскаго корму, сколько возможно собрати, удовольствую, и сколько запасу понадобится, изготовимъ съ кормами и съ подводы, а сверхъ сего всякіе постоянные дома полномочнымъ посломъ изготовлены будутъ же“ ³⁾).

Въ официальной бумагѣ Дальбергъ, разумѣется, не могъ вскрывать полностью своихъ картъ; онъ обѣщается заготовить все необходимое „сколько понадобится“, но тутъ же парализуетъ силу своихъ словъ выраженіемъ „сколько возможно“. И дѣйствительно, затрудненія начались еще до переѣзда послами границы. За недѣлю до нихъ выѣхалъ съ соболиною казною, деньгами въ золотой монетѣ и со всѣмъ посольскимъ нарядомъ и платьемъ, въ сопровожденіи военной охраны ⁴⁾ Я. Шмитъ, и онъ вынужденъ былъ совершить путь по Лифляндіи на своихъ подводахъ ⁵⁾. Мало того, въ первую минуту (24-го марта) Дальбергъ заявилъ ему, что подводъ не будетъ и для посольства, такъ какъ лошади мрутъ въ большомъ количествѣ, и если

¹⁾ *Kelch*, Liefländische Historia. Dorpat 1875, Seite 47—48. Справ. *C. Mettig*, Geschichte der Stadt Riga, 365.

²⁾ *Bergengrün*, 26.

³⁾ Пам. Дип. Снош., VIII, 708.

⁴⁾ *Ibidem*, VIII, 753.

⁵⁾ Мы не знаемъ, замѣчаетъ г. Бергенгрюнъ, стр. 26, когда именно переѣхалъ Шмитъ границу, и возможно допустить, что какъ разъ въ это время подвочники были вторично распущены по домамъ.

на другой день далъ отвѣтъ болѣе удовлетворительный ¹⁾, то, конечно, отъ обѣщаній до исполненія было еще далеко.

Вслѣдъ за Шмитомъ пришло изъ Пскова официальное оповѣщеніе пословъ о ихъ приѣздѣ (отъ 22-го марта) ²⁾; отвѣтъ Дальберга (26-го марта) и на этотъ разъ, хотя иной по формѣ, по существу былъ такимъ же: рижскій губернаторъ сожалѣлъ, что не зналъ раньше ни о времени приѣзда, ни о составѣ посольства, не могъ, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ приему; что сдѣлалъ все *возможное* и выражалъ надежду, что послы примутъ благосклонно во вниманіе, „что по нынѣшнему состоянію въ землѣ сей обрѣтено быть могло“ ³⁾.

Если ни отвѣтъ Дальберга Салтыкову (23-го марта), ни донесенія Шмита (25-го и 26 марта), ни тѣмъ болѣе письмо Дальберга къ великимъ посламъ (26 марта)—последнихъ въ предѣлахъ Россіи уже не застали ⁴⁾, то у насъ есть всѣ основанія предполагать, что Герберсъ успѣлъ еще во-время предупредить ихъ о возможныхъ затрудненіяхъ въ пути. И дѣйствительно, по приѣздѣ въ Нейгаузенъ, состоявшій въ шведскихъ приставахъ майоръ Глазонагъ „кормовъ никакихъ не объявилъ, а про подводы сказалъ, что возможно *сискать*“ ⁵⁾; такой отвѣтъ не только не былъ для насъ неожиданностью, но мы въ извѣстныхъ предѣлахъ уже озаботились посылно парализовать непріятные дефекты. Еще передъ самымъ прибытіемъ на рубежъ царь Петръ распорядился взять изъ расположеннаго на пути, невдалекѣ отъ границы, Печерскаго монастыря „для хлѣбныхъ заграницею недородовъ, запасовъ, на дачу солдатамъ и подводчикамъ, 25 чети муки ржаной, 25 чети сухарей“ ⁶⁾. Но мало того: мы запаслись и своими вощиками. Весь ли составъ посольства ѣхалъ на русскихъ лошадахъ или, что вѣроятнѣе, часть подводъ была выставлена все же и лифляндцами, по русскихъ вощиковъ во всякомъ случаѣ было взято довольно большое количество.

Въ спискахъ Рижскаго городского совѣта данъ перечень безъ малаго 600 человекъ, прибывшихъ съ послами и расквартированныхъ

¹⁾ Устрялова, III, 462—463.

²⁾ Пам. Дни. Св. VIII, 753—755.

³⁾ Ibidem, VIII, 759—760. (У Устрялова, III, 463 тѣ же данныя, но изложенныя сокращенно).

⁴⁾ Эти письма были получены посольствомъ уже на шведской территоріи. Пам. Дни. Снош. VIII, 757—758.

⁵⁾ Ibidem, 757.

⁶⁾ Ibidem, 756.

у того или иного домовладѣльца, въ томъ числѣ насчитано 191 вощикъ (Fuhrleute); но это, по всей вѣроятности, перечень только тѣхъ, кто былъ разищенъ въ такъ называемой Ластадіи: собственно составъ посольства названный списокъ опредѣляетъ приблизительно въ 300 человекъ, а съ временнымъ служебнымъ персоналомъ (die gemeine und Fuhrleute), который долженъ былъ вернуться обратно въ Россію, все количество прибывшихъ доходило будто бы до 2.000 человекъ¹⁾. Цифра эта, по всей вѣроятности, нѣсколько преувеличена; но какъ бы ее ни уменьшать, разница съ основнымъ и постояннымъ зерномъ посольства все равно останется громадною. Очевидно, одни пѣвчіе, которыхъ взяли изъ Пскова по случаю Пасхи и вернули потомъ изъ Риги²⁾, или тотъ десятокъ казаковъ, что сопровождалъ Шмита съ посольскою казною и тоже былъ отпущенъ обратно изъ Риги же вмѣстѣ съ нѣсколькими подключниками, поварами и проч.³⁾ — ни тѣ, ни другіе сами по себѣ обусловить этой разницы не могли. А когда вспомнимъ, что новгородскому и псковскому воеводамъ заказана была цѣлая тысяча подводъ, то, можетъ быть, преувеличение рижской цифры и не окажется черезъ чуръ крупнымъ.

Таковы источники шведскіе. Но и въ русскихъ памятникахъ можно найти рядъ указаній, хотя къ сожалѣнію съ такими же неполными цифровыми данными, на то, что по Лифляндіи ѣхали „на своихъ“.

Такъ, напримеръ, статійный списокъ посольства, говоря, что „отъ Свѣйскаго рубежа до Риги и въ Ригѣ во все бытіе, великимъ и полномочнымъ посломъ и всѣмъ при нихъ будущимъ людямъ съѣстныхъ кормовъ денежной дачи и конскихъ кормовъ ничего не дано и вспоможенія никакова въ проѣздѣ не учинено“⁴⁾, или что „обозы по-

1) Der Bürger Jacob Haack, bey welchem der H. Ambassadeur und General le Fort logiret, hatt sich excusiret, dass er die Anzahl der bey ihm logirenden, in Ansehung dieselbe nicht beständig blichen, sondern auss und eingiengen, nicht gewiss wissen könnte, dennoch aber ohngefehr selbige zwischen 30 undt 50 starck schätzete, daneben berichtende, discursive von den Moscovitern selbst vernommen zu haben, dass die eigentlich zu der Ambassade gehörige Suite nur etwa 300 Personen starck sein sollte, wenn man aber die gemeine und Fuhrleute, die doch wieder zurück gehen solten undt vor gewiss Geld gemethet wären, mit rechnete, dürften sie wohl 2000 Mann starck sein; die aber nicht alle auf der Lastadie logiret, sondern in der gantzen Vorstadt zerstreut wären (Bericht des rigaschen Raths. *Bergengrün*, Die grosse Ambassade, 76—77. Справ. 74).

2) Пам. Дип. Спом. VIII, 768.

3) Ibidem, 770.

4) Ibidem, 771.

солскіе для тѣсноты дворовъ стояли въ полѣ, и привозили къ обозу всякіе живности и конскіе кормы для покупки рижскіе жители“¹⁾— ясно даетъ понять, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подводами, пришедшими изъ Россіи. Въ томъ же статейномъ спискѣ находимъ и прямое извѣстіе, что часть подводчиковъ была отправлена обратно изъ Риги²⁾, и при томъ, вѣроятно, незначительное количество, главный же контингентъ продолжалъ путь дальше; а именно: 10-го апрѣля, наканунѣ своего выѣзда изъ Риги, великіе послы распорядились „всѣмъ чиновнымъ и своимъ людямъ съ телѣгами и съ лошадьми, и со всякою рухлядью переправляться за Двину... а телѣги и коляски искупили въ Ригѣ, а подводы были исковскіе, потому что въ Ригѣ подвody не дали, а которыхъ малое число и приведено было, и то юраздо худы“³⁾. По шведскимъ источникамъ этихъ подводъ было 228 повозокъ на 500 лошадей⁴⁾.

Курляндія тоже оказалась не въ силахъ удовлетворить полностью требованія русскихъ гостей: въ герцогской столицѣ „за недостаткомъ митавскихъ подводъ“ пришлось изъ приведенныхъ исковскихъ подводъ взять съ собою 117 лошадей, „а съ досталными лошадьми подводчиковъ отпустили изъ Митавы во Псковъ“⁵⁾. На этихъ 117 лошадяхъ ѣхали вплоть до Либавы, и только тамъ отпустили ихъ окончательно на родину⁶⁾.

Изъ вышесказаннаго, полагаемъ, съ достаточною убѣдительностью явствуетъ, что еще до переѣзда границы посольству вообще и царю въ частности пришлось нѣсколько разочароваться на счетъ предстоящихъ дорожныхъ удобствъ. Не удивительно, что это вызвало потку неудовольствія. Спору нѣтъ, 15-й пунктъ Кардисскаго договора московскому правительству былъ хорошо извѣстенъ; но не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что по русскимъ понятіямъ XVII вѣка тотъ, кто являлся за рубежомъ представителемъ московскаго царя, имѣлъ право жить на счетъ того государства, гдѣ находился въ данную минуту. Это была своего рода формула уваженія къ имени и положенію московскаго самодержца, и слагалась она не на почвѣ юридической правоспособности, а на субъективной оцѣнкѣ своего положенія.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem, 770.

³⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 769.

⁴⁾ Bergengrün, 50.

⁵⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 784—785.

⁶⁾ Ibidem, 786. Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 150.

Кардисскій договоръ категорически заявлялъ: „ѣхать на своихъ проторяхъ и ничего не спрашивать“; а послы въ статейномъ спискѣ, далекіе въ эту минуту отъ юридическихъ тонкостей, съ горечью въ тонѣ заявляли, что „отъ Свѣйскаго рубежа до Риги и въ Ригѣ во все бытіе... съѣстныхъ кормовъ и *вмѣсто съѣстныхъ кормовъ денежной дачи...* ничего не даю“¹⁾. Ясно, что они искренно были убѣждены въ правѣ своемъ получить кормы даровые. Безъ сомнѣнія, на почвѣ именно этихъ возрѣній допускаетъ впоследствии и Шафировъ ошибочное толкованіе 15-го пункта, подчеркивая въ своемъ „Разсужденіи“ обязательность для шведовъ бесплатнаго продовольствія посольства²⁾.

Конечно, при такихъ условіяхъ, проѣздъ по Лифляндіи, когда пришлось не только на своихъ лошадяхъ ѣхать, но и все необходимое доставать съ большимъ трудомъ за двойныя и тройныя цѣны, разыскивая пищу себѣ и кормы для лошадей по сторонамъ въ окрестныхъ селахъ и мызахъ³⁾, — проѣздъ этотъ не могъ не оставить извѣстнаго осадка горечи и досады въ памяти путешественниковъ. Скопленіе же массы людей, да еще въ такую тяжелую пору, когда страна сама изнывала отъ голода, несомнѣнно, послужило источникомъ многочисленныхъ столкновеній, споровъ, препирательствъ и взаимнаго раздраженія. Хотя на почлегахъ и было кое-что заготовлено для удовлетворенія аппетита путешественниковъ, но 200 фунтовъ хлѣба, 3 бочки пива, 30 кружекъ водки, 40 фунтовъ соли, 1 быкъ, 5 барановъ, 30 куръ и „столько рыбы, сколько могли паловить ее“ — для людей; 40 пудовъ сѣна, овса и соломы — для лошадей⁴⁾ — такая ежедневная порція, несмотря на солидность абсолютной цифры, оказывалась ниже предъявленныхъ требованій. Хозяева негодовали на непосильныя для нихъ траты, а гости чувствовали себя задѣтыми недостаткомъ оказаннаго вниманія.

Однако приемъ, приготовленный посольству въ Ригѣ, казалось, сгладить непріятныя впечатлѣнія первыхъ дней. За милю отъ города были высланы три коляски⁵⁾, за полмили⁶⁾ послы, встрѣченные

¹⁾ Пам. Дни. Снош. VIII, 771.

²⁾ Шафировъ, 25.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Bergmann, Peter der Grosse. Berlin. 1823. Bnd. I, 246.

⁵⁾ „Корѣты легкія“. Пам. Дни. Снош. VIII, 761.

⁶⁾ Г. Беренсгруппъ (стр. 30, прим. 1) при этомъ замѣчаетъ: Nach Lefort 1 1/2 Werst, nach Dahlberg — 1/2 Meile von der Stadt. Но „Лефортомъ“, именемъ

представителями губернатора и городского совѣта, пересѣли въ парадную золоченную карету о шести лошадахъ и тронулись, при звукахъ трубъ, предшествуемые почетнымъ эскортомъ изъ 36 человекъ Черноголовыхъ, совмѣстно съ начальными людьми и выборными солдатами Преображенскаго полка, въ сопровожденіи 140 конныхъ бюргеровъ-милиціонеровъ, тоже въ полной парадной формѣ, на коняхъ и съ саблями на-голо. Въѣздъ въ городъ совершился при громѣ пушечныхъ залповъ, черезъ Песочныя ворота. Здѣсь же, у воротъ, былъ выставленъ баталіонъ солдатъ подъ ружьемъ, парадировавшій въ дальнѣйшемъ шествіи по улицамъ города по ту и другую сторону посольской кареты. Второй баталіонъ былъ выставленъ въ самомъ городѣ, на рыночной площади. По всему пути разставлены были войска, были въ барабаны и играли на сипошахъ.

Пройдя городъ, кортежъ выѣхалъ черезъ Карловскія ворота, при вторичномъ залпѣ изъ пушекъ ¹⁾, встрѣченный и здѣсь новымъ, третьимъ, баталіономъ пѣхоты, и направился къ конечному пункту на берегу р. Двины, въ предмѣстье Ластадію, гдѣ гостямъ было заранее приготовлено помѣщеніе ²⁾. Въ тотъ же день генералъ-губернаторъ Дальбергъ посылалъ двухъ офицеровъ привѣтствовать пословъ съ пріѣздомъ ³⁾. Послы отвѣтили тѣмъ же, отправивъ тоже двухъ лицъ изъ своей свиты къ Дальбергу, благодаря его за оказанный пріемъ. При этомъ губернаторъ просилъ снисхожденія, на случай дорожныхъ недочетовъ, ссылаясь на тяжелый неурожай ⁴⁾.

словами, статейнымъ спискомъ посольства авторъ пользуется въ изложеніи Устрялова, повидимому, не догадываясь (сравни. стр. 27, прим. 1 и 2: „Golikow, Ergänzungen, IV, S. 288, ohne Quellenangabe; между тѣмъ этотъ источникъ находится въ Пам. Дни. Снош. VIII, 756) о существованіи оригинала. Сравни. Пам. Дни. Снош. VIII, 762, гдѣ сказано: „За полмили“.

¹⁾ Статейный списокъ говоритъ о 24 выстрѣлахъ, давая понятъ, что рѣчь идетъ объ общемъ количествѣ выстрѣловъ въ оба раза, „какъ въѣзжали въ Ригу и выѣжали изъ города“ (П. Д. Сн. VIII, 763); Петръ Вел., въ письмѣ къ Виніусу, насчитываетъ тѣ же 24 выстрѣла, или точнѣе: „стрѣльбу изъ 24 пушекъ“ (Пис. и Бум. Петра В., I, 144); Дальбергъ: ils furent saluez à l'entrée et à la sortie de la ville de 16 coups de gros canons à chacune des portes (Lamberty, I, 178); Устряловъ же говоритъ о 16 выстрѣлахъ при въѣздѣ и о 9 при выѣздѣ изъ города, при чемъ ссылается на „черновой отпускъ статейнаго списка“ (Исторія царств. Петра В., III, 27, 463—464).

²⁾ Пам. Дни. Снош., 709; 761—764. Lamberty, I, 177—178.

³⁾ Lamberty, I, 178. Пам. Дни. Снош. VIII, 764.

⁴⁾ Характерно, что въ „черновомъ отпускѣ статейнаго списка“, бывшемъ въ рукахъ Устрялова (III, 464 — 465), Дальбергъ извиняется лишь въ однихъ

Пріемъ, сдѣланный рижскими властями, произвелъ на Петра очень пріятное впечатлѣніе: „Вчерашняго дня пріѣхали въ Ригу. слава Богу. въ добромъ здоровьи и припаты господа послы съ великою честью“¹⁾. писалъ онъ отъ 1-го апрѣля Вишиусу. Но первое впечатлѣніе продолжалось не долго.

Русскіе гости были расквартированы въ помѣщеніяхъ, гдѣ обыкновенно и раньше помѣщали царскихъ пословъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ Ригу²⁾. Ежедневно шведскіе офицеры, по приказанію Дальберга, навѣщали пословъ, и самъ онъ тоже нѣсколько разъ³⁾ справлялся чрезъ своихъ адъютантовъ о ихъ здоровьи. Лично Дальбергъ отъ визита, однако, уклонился, объясняя это внослѣдствіи отсутствіемъ прецедентовъ, тѣмъ болѣе что посольство въ шведскихъ предѣлахъ было только проѣздомъ; кромѣ того онъ былъ тогда боленъ и пролежалъ въ постели пять недѣль⁴⁾. Повидному, послы остались довольны пріемомъ; такъ, если вѣрить показанію Дальберга, они заявляли это капитану Лилленштерну, состоявшему при посольствѣ⁵⁾. да и самъ Лефортъ въ тогдашнихъ письмахъ своихъ въ Москву съ похвалою отзывался о распорядительности Дальберга, о вниманіи шведскихъ офицеровъ⁶⁾.

Но едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что небывало громадный со-

этихъ „дорожныхъ недочетахъ“; между тѣмъ списокъ, напечатанный въ Нам. Дни. Снои. (VIII, 764—765), говоритъ совсѣмъ о другомъ: „чтобъ не погнѣвались, что самъ ихъ не встрѣтилъ, потому что боленъ, да у него-жъ де умерла тогожъ дни дочь его“. Дочь Дальберга умерла 16-го декабря 1698 г. (*Lamberty*, I, 179), и эта дата до нѣкоторой степени можетъ служить указаніемъ о времени составленія окончательной редакціи статейнаго списка. Ошибку стат. списка повторяетъ и Матвѣевъ въ своемъ меморіалѣ 2-го сентября 1700 г. (*Nordberg* III, 243).

¹⁾ Пис. к Бум. Петра В., I, 144.

²⁾ *Bergengrün*, 31—32.

³⁾ *presque tous les jours*.

⁴⁾ *Lamberty*, I, 178—179.

⁵⁾ Le même capitaine assure que les ambassadeurs ont témoigné d'être très satisfaits du bon accueil et traitement qu'ils reconnoissoient avoir reçu (*Lamberty*, I, 178).

⁶⁾ Показаніе шведскаго резидента Кляпера въ отрывкѣ изъ его письма изъ Москвы, отъ 16-го іюля 1697 г.: „...Zeigte er mir einen Brief von dem Haupte der Ambassade; so aus Riga an ihn geschrieben war, worinn er des Generalgouverners kluge Anstalt, der Officirer Höflichkeit und diensfertigen Umgang, der Soldaten Kriegswissenschaft und Fertigkeit höchstenst rühmete (*Nordberg*, Leben Karls des Zwölften, III, 247).

ставъ посольства, съ неожиданною массою ямщиковъ и вощиковъ, поставилъ рижанъ въ немалое затрудненіе. Помѣщеній не хватало, приходилось тѣсниться. Въ Ластадіи нашлось мѣсто для одного лишь посольства въ тѣсномъ значеніи этого слова, многочисленную же прислугу и особенно вощиковъ размѣстили по всему предмѣстью, по обывательскимъ квартирамъ ¹⁾. Всеобщій голодъ въ странѣ, безъ сомнѣнія, поднялъ цѣны на жизненные припасы, равно и на кормъ для лошадей, и (что въ данномъ случаѣ, можетъ быть, еще существенно) создалъ несоотвѣтствіе межъ спросомъ и предложениемъ. Какъ ни торопилось посольство, но въ Ригу оно запоздало: его пріѣздъ совпалъ какъ разъ съ моментомъ, когда сообщеніе въ саняхъ по р. Двинѣ стало невозможнымъ ²⁾, и вмѣсто 2—3 дней пришлось проживаться 10—11. Уже на этой почвѣ неизбѣжны были неудовольствія, а если принять во вниманіе недисциплинированную и громадную толпу гостей, считавшихъ себя въ правѣ требовать, чтобы товаръ по крайней мѣрѣ былъ выложенъ имъ на продажу, если уже не даромъ предложешъ, то легко допустить, что неудовольствія должны были привести и къ столкновеніямъ. Напомнимъ еще разъ, что 15-й пунктъ Кардисскаго договора отнюдь не обязывалъ шведское правительство содержать пословъ и ихъ свиту на свой счетъ. Дальбергъ озаботился, хотя, кажется, безъ особаго успѣха, убраться квартиру перваго посла Лефорта возможно лучше, во французскомъ вкусѣ, такъ какъ зналъ, что во главѣ посольства стоялъ европеецъ, значить, съ привычками и обычаемъ не одной Московіи: но самое помѣщеніе оплачивалось все же изъ русскаго, а не шведскаго кармана ³⁾. Продукты на базарѣ тоже покупались, и при томъ по вольной цѣнѣ. Впослѣдствіи русскіе жаловались, что ихъ помѣщали въ плохихъ лавкахъ, за которыя, однако, брали, какъ за каменные палатки; что ни въ Пасхальное Воскресеніе, ни въ слѣдующіе дни они ни за какія деньги не могли достать хоть сколько-нибудь корма для лошадей, а если что и добывали, то не иначе, какъ въдесятеро дороже обычнаго; что русскіе вощики, не будучи въ состояніи достать корма, вынуждены были распродать своихъ лошадей за безцѣнокъ, по гривеннику или немногимъ дороже ⁴⁾.

¹⁾ *Bergengrün*, 75—77.

²⁾ Пис. и Бум. Петра В., I, 144.

³⁾ *Bergengrün*, 82.

⁴⁾ Меморіалъ Матвѣева отъ 2-го сентября 1700 г. у *Nordberg, Leben Karls des Zwölften*, III, 242. Еще раньше тѣ же жалобы были высказаны въ Посоль-

Въ основѣ всему этому можно повѣрить. Если въ Ригу поваѣхало свыше тысячи человѣкъ, не удивительно, что за недостаткомъ помѣщенія ихъ размѣстили и по лавкамъ; когда клокъ сѣна цѣнился немногимъ дешевле куска хлѣба, много ли могло найтись покупателей на русскихъ лошадей? Продажная цѣна нѣмъ неизбѣжно должна была стоять низкая. Но легко допуская справедливость позднѣйшихъ жалобъ съ русской стороны, особенно если снять съ нихъ налетъ излишняго субъективизма, ту крайность обобщенія единичныхъ фактовъ, какая обычна въ раздраженномъ состояніи, — въ то же время мы не должны удивляться отрицательнымъ явленіямъ: при данномъ порядкѣ вещей все это было неизбѣжно. Дальберга, можетъ быть, позволительно упрекнуть въ нѣкоторой солдатской прямолинейности; онъ долженъ былъ помнить, что столкновеній на почвѣ международныхъ отношеній слѣдуетъ избѣгать самымъ тщательнымъ образомъ; можетъ быть, онъ поступилъ бы дальновиднѣе, пойдя на встрѣчу интересамъ русскихъ путешественниковъ, которые съ *своей* точки зрѣнія тоже, можетъ быть, не безъ основанія, готовы были квалифицировать поведеніе рижскихъ домохозяевъ и базарныхъ торговцевъ названіемъ незаконнаго грабежа; но съ другой стороны еще вопросъ, насколько это было въ силахъ даже и Дальбергу при тогдашнихъ условіяхъ...

Рига была крѣпостью и, какъ таковая, неизбѣжно создавала посетителю положеніе болѣе стѣсненное и зависящее, чѣмъ какое послѣдній нашелъ бы въ любомъ другомъ мѣстѣ. Русское посольство со своею свитою помѣщалось за крѣпостными воротами, въ предмѣстьѣ, и входъ въ самый „городъ“, то-есть, крѣпость, былъ обставленъ извѣстными формальностями. Позднѣйшее свидѣтельство съ русской стороны утверждало, что члены посольской свиты и ихъ прислуга никуда не могли появиться, иначе какъ въ сопровожденіи двухъ и даже болѣе солдатъ; что въ городъ и въ замокъ русскихъ не пускали болѣе, какъ по шести человѣкъ, къ тому же подвергал оскорбленіямъ, браннымъ словамъ; обращались съ ними, точно съ отвратительными врагами и шпионами, грозили побоями, заточеніемъ въ тюрьму ¹⁾).

Относительно угрозъ мы, конечно, имѣемъ дѣло съ единичными фактами; насколько все это достоверно и не преувеличено, судить

скомъ приказѣ шведскому посольству, въ октябрѣ 1699 г. (*Форстенъ*, Сношенія Швеціи и Россіи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899, сентябрь, 84—85). Текстъ Нордберга говоритъ о 10 стиверахъ, текстъ Форстена — о 10 копѣйкахъ.

¹⁾ *Nordberg*, III, 242—243.

теперь нѣтъ никакой возможности; что до „оскорбленій“ и уподобленія „шпіонамъ“, то субъективный оттѣнокъ въ оцѣнкѣ несомнѣненъ. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ осторожный изслѣдователь постарается предварительно сгладить густыя краски; но отрицать значеніе конвойныхъ въ качествѣ провожатыхъ, дозволеніе лишь въ ограниченномъ числѣ входить внутрь города—для этого нѣтъ никакихъ основаній. Такія мѣры были обычнымъ явленіемъ того времени; ихъ примѣняли въ Ригѣ и раньше, именно за 10 лѣтъ, въ проѣздѣ посольства князя Долгорукова ¹⁾; да и въ Москвѣ точно также пословъ держали взаперти и стѣсняли свободное передвиженіе ихъ по городу.

Быть можетъ, всѣ эти шероховатости и мелкія шпильки, доставшіяся на долю русскихъ гостей, и сгладились бы, не такъ кричали бы о себѣ, если со стороны Дальберга было бы оказано нѣсколько больше любезности. Но Дальбергъ не счелъ нужнымъ сдѣлать даже визита Лефорту и его товарищамъ. Съ *своей* стороны онъ былъ, конечно, правъ; но и послы, тоже съ *своей* точки зрѣнія, видѣли въ этомъ косвенное неуваженіе къ ихъ сану. Если Дальбергъ могъ сослаться на отсутствіе прецедентовъ въ прошломъ, то и московскіе послы могли подчеркнуть необычайность теперешняго посольства, подобнаго которому, по пышности, сложности состава, размѣрамъ свиты, исторія международныхъ сношеній Московскаго государства еще не представляла. Теперь же, при обычной щекотливости посольскаго приказа въ вопросахъ подобнаго рода, неудивительно, если всякое лыко ставилось въ строку, всякая шероховатость подчеркивалась и преувеличивалась.

Можетъ быть, зато другіе факты, противоположнаго рода, могли парализовать нараждающееся непріятное чувство? Наоборотъ. Новые факты только подлили масла въ огонь.

Въ Ригу посольство пріѣхало по зимнему пути, а выѣзжать пришлось уже на колесахъ. Сани были брошены и распродавались за безцѣнокъ ²⁾—новое основаніе увезти съ собою непріятныя воспоминанія. Царь Петръ торопилъ выѣздомъ, хотя по рѣкѣ шелъ еще ледъ и переправа была затруднительна. Лодочники отказывались перевозить лошадей, да и вообще уклонялись отъ соглашенія, находя переѣздъ черезъ Двину при данныхъ условіяхъ крайне рискован-

¹⁾ *Bergengrün*, 43.

²⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 145.

нымъ ¹⁾. Съ трудомъ достали два бота, да и за тѣ, если вѣрить Шафирову, взяли неслыханную цѣну 60 червонцевъ ²⁾. Ихъ дали, но, конечно, съ кислой миной и съ обиднымъ сознаніемъ чловѣка, припертаго къ стѣпѣ. Когда три дня спустя двинулся и главный контингентъ посольства, то, надо думать, — не хватило хорошихъ яхтъ, и многихъ перевозили на маленькихъ и грязныхъ пармахъ, и тоже за дороую цѣну.

Всего вышеуказаннаго было бы, однако, все же еще недостаточно для того, чтобъ обидныя воспоминанія о рижскихъ гостинахъ залегли у Петра такъ прочно и такъ надолго — но и ему лично пришлось имѣть непріятное столкновение, и здѣсь-то главнымъ образомъ причина послѣдующаго настроенія царя.

Излишне говорить, сколько живого интереса долженъ былъ проявить Петръ, попавшій въ Ригу, въ этотъ первый для него европейскій городъ, гдѣ все было такъ ново и необычайно. Въ рижскихъ письмахъ царя мы видимъ, какъ интересуется онъ танъ и солдатскими перевязями, и особенностями одежды, и особенно разиѣрами гарнизона, боевыми силами города ³⁾. На второй день Пасхи, то-есть, 5-го апрѣля, царя видятъ верхомъ на прекрасной сѣрой лошади ⁴⁾; онъ, очевидно, дѣлалъ прогулку, наблюдая разливъ рѣки, вскрывшейся накануне и затопившей берега ⁵⁾. При этомъ царь вѣхалъ на мостъ, переброшенный черезъ ручей; Петра побуждало къ этому, можетъ быть, именно то, что край моста лежалъ подъ водою ⁶⁾.

Всего болѣе, однако, интересовался Петръ Ригю, какъ военною крѣпостью, что и понятно: его отецъ 40 лѣтъ тому назадъ безуспѣшно осаждалъ ее, и мысль, не придется ли еще разъ русскимъ пушкамъ испробовать прочность ея стѣнъ и бойницъ, возникала сама собою. Однажды нѣсколько чловѣкъ изъ состава посольства выѣхали

¹⁾ *Bergengrün*, 46—47.

²⁾ *Шафировъ*, 28.

³⁾ Письма и Бумаги Петра Великаго, I, 144—146.

⁴⁾ *Bergengrün*, 40.

⁵⁾ Нам. Дип. Снош. VIII, 765—766: „апрѣля въ 5 день въ рѣкѣ Двинѣ много воды прибыло, я влялась въ городъ Ригу и многую шкodu учинило, и погребы многіе залило; и сказывали рижскіе жители, что такой воды большой у нихъ давно не бывало“.

⁶⁾ *Bergengrün*, 40: «allein den andern Tag in Ostern des Abends umb 5 Uhr ritte er auss der Carolpforte...; er wurde von villen hundert Menschen gesehen auf der Brucken, so uber die Rising ist; die Ende von der Brucke, welches nach der Buden lieget, war über 1 1/2 Ell im Wasser».

осмотрѣть городскія укрѣпленія, стали расхаживать по валу, контрэскарпамъ ¹⁾, и, не довольствуясь общимъ знакомствомъ съ мѣстностью, стали изучать ея болѣе дѣтально съ помощью подзорной трубки, а вдобавокъ пытались измѣрять глубину рва и начали даже срисовывать планъ крѣпости ²⁾. Требования удалиться и прекратить свои наблюденія (если только таковое было сдѣлано), повидимому, оказалось недостаточнымъ, потому что караульная стража прибѣгла къ силѣ и угрожала стрѣлять изъ своихъ ружей ³⁾. Испытыхъ указаній на то, какъ все происходило, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ; но знаемъ, что дѣло не обошлось безъ „крика, шума и безпорядковъ“ ⁴⁾. На сдѣланныя представленія Лефортъ отвѣчалъ извиненіемъ ⁵⁾, но, допустивъ даже, что Дальбергъ и удовлетворился ими, все же воспоминаніе о мгновеніяхъ, проведенныхъ подъ дуломъ ружья, для русской стороны, конечно, не могло быть приятнымъ. Въ числѣ незваныхъ и выпровоженныхъ посѣтителей крѣпостнаго вала, несомнѣнно, былъ и царь Петръ ⁶⁾.

Кромѣ названнаго, у русскихъ произошло еще одно неприятное

¹⁾ *Posselt, Lefort, II, 385.*

²⁾ *Lamberty, I, 179.*

³⁾ *Posselt, II, 385.*

⁴⁾ *Nordberg, III, 243.*

⁵⁾ *Posselt, II, 385.* Сравни. *Шафировъ, 27.*

⁶⁾ Прямыхъ указаній на это, правда, не существуетъ; категорически объ этомъ говорятъ лишь Шафировъ (стр. 27) и Голиковъ (Дѣянія, I, 294), — а Гюйссенъ, дѣлая перечень неприятностей, учиненныхъ шведами русскимъ во время пребыванія въ Ригѣ великаго посольства, ограничивается замѣчаніемъ, что „вышеупомянутыя всѣ досадительства касались его (то-есть, царя) самой персоны“ (*Туманскій, III, 188*). Нельзя отрицать большую долю субъективизма первыхъ двухъ авторовъ; при томъ всѣ трое черпали, видимо, изъ одного источника. Но съ другой стороны и Шафировъ и Гюйссенъ писали свои сочиненія не только по заказу государя, но и подъ его наблюденіемъ, и трудно подыскать основанія, ради которыхъ Петру казалось бы выгоднымъ или желательнымъ изображать себя завѣдомо въ положеніи, не имѣвшемъ мѣста въ дѣйствительности. Наконецъ, въ грамотѣ 21-го августа 1700 г. князю Хилкону царь заявляетъ, что главнымъ мотивомъ („паче“) началасмой имъ войны является „самое главное безчестіе, учиненное нашимъ ц. величества в. и н. посланъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 г., которое касалось самой нашей ц. величества персоны“ (*Устряловъ, IV, ч. 2-я, стр. 1*). Та же мысль, хотя и въ болѣе слабой формѣ, сквозитъ и въ манифестѣ 19-го авг. 1700 о началѣ войны со шведами: „...что во время его государева шествія чрезъ Ригу отъ рижскихъ жителей чинились ему великому государю многія противности и неприятства“ (*Пол. Собр. Закоп., IV, 74*).

столкновеніе со шведами изъ-за поѣздки въ гавань, гдѣ хотѣли было подрядить суда, для того, чтобы отправить на нихъ часть посольства прямо моремъ изъ Риги: шведскія власти отнеслись къ поѣхавшимъ на устье Двины очень подозрительно; они провели ихъ туда окольной дорогою вокругъ предмѣстій, чуть не подъ конвоемъ ¹⁾). Возможно, что и въ этой поѣздкѣ участвовалъ Петръ ²⁾; слѣдовательно, всѣ эти непріятности пришлось испытать и ему. Неизвѣстно лишь, насколько можно связывать эту послѣднюю непріятность съ только-что описаннымъ столкновеніемъ на крѣпостномъ валу, произошли ли оба случая одновременно, такъ сказать, въ одинъ выходъ царя изъ дома, или въ два разныхъ момента ³⁾)—во всякомъ случаѣ оба они въ бурной, страстной натурѣ царя отразились гнѣвомъ, неудержимо клоко-тавшимъ въ его груди. Ему, самодержцу обширной монархіи, привыкшему къ безпрекословному повиновенію, не только противорѣчатъ, не только оскорбляютъ, но даже угрожаютъ смертію!.. Этого было слишкомъ много для того, чтобъ обсудить обстоятельства дѣла спокойно, безъ волненія и раздраженій. „Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ“ ⁴⁾) — вотъ какой итогъ подвелъ Петръ своему пребыванію въ Ригѣ,—и впечатлѣніе это запало ему въ душу на многіе, долгіе годы.

Въ исторической литературѣ до послѣдняго времени изученіе событій, совпавшихъ съ пребываніемъ царя Петра въ Ригѣ въ 1697 г., сводилось обыкновенно къ опредѣленію того, чья сторона *виновата*, что имѣли *право* требовать русскіе гости, въ чемъ имѣли *право* отказать шведы,—пріемъ, превращавшій историка въ судью и уже по одному этому дававшій результаты мало удовлетворительные.

Вышеприведенный анализъ построекъ на иныхъ основаніяхъ: мы не судили, не оправдывали и не обвиняли, но пытались лишь *объяснить* поступки людей, психологическіе мотивы, руководившіе ими, и, далекіе отъ роли судьи, старались опредѣлить тѣ условія, при какихъ разыгрался настоящій драматическій эпизодъ. Правъ былъ Дальбергъ; не виноваты и Петръ; и если русскій царь поступалъ

¹⁾ Nordberg, III, 244.

²⁾ Шафирова, стр. 27, категорически говоритъ, что въ числѣ поѣхавшихъ на устье рѣки, „въ кораблѣмъ голландскимъ“, былъ и царь; то же и Голыковъ, Дѣянія, I, 294. Въ томъ же духѣ выражается и Гюйссеиъ (Туманскій, III, 188).

³⁾ Вѣроятнѣе, послѣднее. Сравни Nordberg, III, 243—244.

⁴⁾ Иис. и Бум. Петра В., I, 145.

искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ своей правоты, то и рижскій губернаторъ не могъ поступать иначе. Вины были не „чрезмѣрныя требованія русскихъ“ и не „нежеланіе оказать соотвѣтственный приемъ высокимъ гостямъ“: вина (если уже непременно надо отыскивать „виновныхъ“) лежала въ нравахъ и понятіяхъ времени, въ условныхъ формахъ тогдашней жизни, въ темпераментѣ дѣйствующихъ лицъ, въ политическихъ отношеніяхъ обѣихъ народностей, во взаимномъ чувствѣ недоверія и недоброжелательства, — словомъ, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, при наличности которыхъ коллизія становилась неизбежною и каждая сторона, старательно оправдывая себя, всю вину возлагала на другую.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХХ.

1900.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^{ча}“, Наб. Фонтанки, 96.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	87
II. Министерскія распоряженія	114
III. Определенія Ученого Комитета Мин. Нар. Пр.	128
IV. Определенія Особого отдѣла Ученого Комитета Мин. Нар. Пр.	132
V. Определенія Отдѣленія Ученого Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	133
Открытіе училищ	134
Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія	134
Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго VI (продолженіе)	193
Н. Г. Аннонъ. Пѣвецъ скорби и унынія	226
Н. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ последнюю пору стараго порядка. Глава X (окончаніе)	290
Г. В. Форстенъ. Въ вѣннѣйской коплеткѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго (продолженіе)	304
Н. Д. Чечулинъ. Хронологія и списокъ сочиненій кн. М. М. Щер- батова	337

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. М. Майковъ. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Томъ де- вятый	366
С. Л. Штаницкий. Палеографическій сборникъ, Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вѣкахъ. Вып. I. Кіевъ. 1899	366
А. А. Спицынъ. Ник. Выюградскій. Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Смо- ленскъ. 1899	399
С. Ф. Платоновъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Бар- сукова. Книга четырнадцатая. С.-Пб. 1900	406
— Книжныя новости	407

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

К. Торпогъ. Элементы алгебры	17
Я. Вламбергъ. Дополнительныя статьи алгебры съ предшествующаю статьею „Приложеніе къ геометріи“	23
Камилль Фламмаріонъ. Атмосфера	27
Николай Герасковъ. Сборникъ образцовъ русской словесности для заучи- ванія наизусть и выразительнаго чтенія	29

(См. 3-ю стр. обложки).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

VI.

Гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ впервые увидалъ Нат. Кир. Нарышкину?

Вопросъ о томъ, когда и гдѣ впервые увидалъ царь Алексѣй Михайловичъ будущую вторую жену свою, Наталью Кирилловну Нарышкину, остается, при наличности историческихъ данныхъ, пока еще открытымъ: однако, позволительно утверждать, что ходичій отвѣтъ на него—въ домѣ Матвѣева, котораго государь посѣщалъ за-просто, въ качествѣ близкаго друга и довѣреннаго лица—отвѣтъ, въ основѣ своей имѣющій источникомъ извѣстный рассказъ Штеллина²⁾, не только не опирается ни на какіе положительные факты, но и стоитъ въ противорѣчій съ многими другими.

Дѣйствительно, гдѣ у насъ свидѣтельство, что до 1669—1670 г. Матвѣевъ былъ настолько близокъ къ государю, что пользовался честью неоднократныхъ его посѣщеній? Раньше онъ занималъ все второстепенныя должности, службу свою справлялъ едва ли не исключительно за предѣлами Москвы. Начавъ служебное поприще въ молодыхъ годахъ еще въ царствованіе Михаила Федоровича съ низшаго

¹⁾ *Продолженіе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

²⁾ Als Se. Zarische Majestät sich nach dem Absterben Seiner ersten Gemahlin im Wittwerstande befand, kam er öfters, wider die alte Gewohnheit der vorigen Zaren, die keinen Particulier besuchten, zu Matweof zum Besuch; auch wohl manchmal Abendessen. *Stählin*, Originalanekdoten von Peter d. Grossen. Leipzig 1785, S. 8—4.

придворнаго званія, стряпчимъ ¹⁾), Матвѣевъ вскорѣ оказывается „въ полковыхъ службахъ“ то на Волюѣ, то въ Переяславѣ Рязанскомъ, на Ливнахъ, въ Бѣлгородѣ, на Волуйкѣ. „А послѣ тѣхъ полковыхъ службъ посылаеъ къ гетману Хмѣльницкому призывать въ подданство“; въ польскую войну онъ участвуетъ при осадѣ Смоленска и въ переговорахъ о его сдачѣ. Послѣ этого Матвѣева посылаютъ къ войскамъ Хмѣльницкаго; затѣмъ онъ участвуетъ въ походѣ подъ Ригу; оттуда его отправляютъ къ литовскому гетману Гонсевскому съ порученіями. Одно время Матвѣевъ управлялъ Новгородскимъ приказомъ, вѣдалъ четь Галицкую и Владимірскую ²⁾)..

Государь, несомнѣнно, его знаетъ: посылка къ Гонсевскому дипломатическаго характера, равно и послѣдующія побѣдки къ Богдану Хмѣльницкому „выговаривать, какъ онъ соединеніе учинилъ съ Свейскимъ королемъ и съ Ракоціемъ“, и къ новому гетману Выговскому, державшемуся подозрительно по отношенію къ московскому правительству ³⁾),—но это знакомство и есть та почва, на которой *споспѣшнѣ* царь признаетъ полезнымъ приблизить къ себѣ Матвѣева и расширить его дѣятельность. Правда, въ шестидесятые годы постоянная служба Матвѣева сосредоточивается въ Москвѣ ⁴⁾), но пока все это еще мало двигаетъ его впередъ.

Въ январѣ 1669 г. Матвѣевъ, какъ подручный кн. Г. Г. Ромодановскаго, посланъ былъ въ Глуховъ на раду ⁵⁾. Здѣсь застала его смерть царицы Марьи Ильиничны ⁶⁾.

¹⁾ Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С. Матвѣева, изд. 2, стр. 428. О должности стряпчяго см. *Сермяжичъ*, Русск. Юридич. Древности, I, 464—467. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Терещенко утверждаетъ, что царь Михаилъ опредѣлилъ Матвѣева состоять при царевичѣ Алексѣѣ. (Опытъ обзорѣнія жизни савонниковъ, I, 72).

²⁾ Исторія о невинномъ заточеніи, изд. 2-е, стр. 43—58. Акты Московск. государства, II, 329, 338, 420; 594.

³⁾ Исторія о невинномъ заточеніи, стр. 58—56.

⁴⁾ Въ 1662 г. онъ числится головою и стольникомъ въ стрѣлецкомъ полку полковника Шепелева и въ день коломенскаго бунта, 25-го іюля, принимаетъ участіе въ усмиреніи мятежниковъ (*Gordon, Tagebuch*, I, 312; *Зерцалоеъ*, О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ с. Колом., стр. 307, 313, 344, 357); въ зиму 1668—1664 видимъ его на дарскомъ смотру полковникомъ и головою (*Забѣлннъ*, Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, I, 1230); точно также можно констатировать пребываніе его въ Москвѣ на службѣ и въ 1665 г. (*Gordon, Tagebuch*, I, 355).

⁵⁾ *Соловьевъ*, XII, изд. 2-е, стр. 51. Сравни. Истор. невин. заточ., 56.

⁶⁾ *Соловьевъ*, XII, изд. 2-е, стр. 52.

Въ теченіе всего этого длиннаго ряда лѣтъ Матвѣевъ служить въ очень скромномъ званіи стольника, головы и полковника московскихъ стрѣльцовъ. „Головою“ былъ онъ, напримѣръ, въ 1651 году ¹⁾; такимъ же остается онъ не только съ объявленіемъ Натальи невѣстою царя, но даже и въ первое время послѣ ея замужества. Лишь вернувшись изъ Глухова, получилъ Матвѣевъ, 9-го апрѣля 1669 г., въ завѣдываніе Малороссійскій приказъ ²⁾ и только съ 22-го февраля 1671 г.—Посольскій ³⁾, равно и чети: Галицкую, Володимерскую и Новгородскую ⁴⁾. Въ думные дворяне, въ это, по выраженію С. М. Соловьева ⁵⁾, „скромное званіе“, царь возвелъ Матвѣева лишь 27-го ноября 1671 года ⁶⁾, то-есть, уже послѣ своей женитьбы и послѣ того какъ, съ одной стороны, двухлѣтнее управленіе Малороссіей давало право на царскую признательность, а съ другой, положеніе начальника, вѣдавшаго сношенія съ иноземцами,—требовало болѣе виднаго представительства.

Вотъ каково было прошлое А. С. Матвѣева, разумѣется, поскольку оно выясняется изъ имѣющихся у насъ данныхъ. Мы видимъ, что „карьера“ началась для него лишь въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. Соловьевъ ⁷⁾ замѣчаетъ, что „Матвѣевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ царю, но не выставлялся, долго, очень долго носилъ незавидное званіе полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ, вообще не ссорился съ знатью“,—и даетъ тѣмъ понять, что дальновидность и осторожность царскаго любимца съумѣли наложить руку на честолюбивыя мечты, опасныя въ его положеніи перодовитаго „дьячаго сына“; но еще вопросъ, насколько это объясненіе ближе къ истинѣ? Чѣмъ можно опровергнуть иное предположеніе, именно, что поздняя „честь“ выпала на долю Матвѣева не потому, что онъ „не выставлялся“, а потому что былъ поздно замѣченъ, что раньше у царя

¹⁾ Акті Московск. государства, II, 283.

²⁾ Исторія о невинн. заточеніи, стр. 429; ср. 57. По *Др. Росс. Визліюс.* XX, 330—7-го апрѣля.

³⁾ Исторія о невинн. заточеніи, 430.

⁴⁾ Относительно Галицкой и Володимерской чети точное указаніе возможно лишь по отношенію года, но не мѣсяца и дня; Новгородскую же четъ съ 10-го марта 1671 г. вѣдно вѣдать въ Посольскомъ приказѣ. *Др. Росс. Визл.* XX, 291, 297, 347.

⁵⁾ *Соловьевъ*, XII, 326.

⁶⁾ Исторія о невинн. заточеніи, стр. 429.

⁷⁾ *Соловьевъ*, XII, 326.

не было никакихъ мотивовъ и особенныхъ побужденій для его возвышенія?

Помимо сказаннаго, косвенное подтвержденіе своей мысли мы находимъ въ показаніяхъ одного иностранца, современника описываемыхъ событій. Въ *Смѣрномъ Архивѣ* за 1825 г., подъ заглавіемъ: „Характеры вельможъ и знатныхъ людей въ царствованіе Алексѣя Михайловича“¹⁾, помѣщенъ переводъ съ латинской рукописи²⁾, писанной, по заявленію издателей (Булгарина и Греча), „самимъ чистымъ и плавнымъ слогомъ, безъ означенія числа и года. Авторъ ея, какъ видно, полякъ, жилъ въ Москвѣ во время царя Алексѣя Михайловича, вѣроятно, по какому-нибудь дипломатическому порученію отъ польскаго двора, въ царствованіе Іоанна Казимира; знакомъ былъ со всѣми въ Москвѣ и, кажется (?), по должности своей, наблюдалъ характеры“³⁾. Къ сожалѣнію, отсутствіе описанія рукописи, виѣсть съ сокращеніями и искаженіями ея текста въ переводѣ, мѣшаютъ составить о ней болѣе или менѣе ясное представленіе; однако, что касается до времени ея составленія—вопроса въ данномъ случаѣ наиболѣе для насъ интереснаго—то, кажется, здѣсь возможно установить рамки довольно точныя.

Въ двухъ мѣстахъ авторъ даетъ понять, что онъ пишетъ уже по заключеніи Андрусовскаго перемирія⁴⁾; о бояринѣ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ говоритъ, какъ объ умершемъ⁵⁾—а онъ умеръ 20-го мая 1668 г.⁶⁾; въ то же время о князѣ Иванѣ Семеновичѣ Прозоровскомъ авторъ упоминаетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Онъ посланъ на Донъ для усмиренія бунта казаковъ, и теперь, когда мы пишемъ

¹⁾ *Смѣ. Архивъ* 1825 г., ч. 17, № XX, стр. 295—314; ч. 18, № XXII, стр. 105—112.

²⁾ Въ оригиналѣ рукопись озаглавлена: *Proceres majoris Subsellii, vulgo slavonica lingua Voivae Dumnoi appellati, quae Palatini.*

³⁾ *Смѣ. Архивъ*, ч. 17, стр. 295—296, примѣчаніе.

⁴⁾ „Въ теченіе послѣдней двѣнадцатилѣтней войны“ (310); „гремѣвшая въ Европѣ слава тринадцатилѣтняго перемирія воздвигаетъ (боярину Ав. Д.) Нащокину благороднѣйшій намятникъ въ сердцахъ потомковъ“ (312).

⁵⁾ Въ характеристикѣ окольничаго Ивана Мих. Милославскаго: „Говоря о силѣ и вліяніи дяди его, Иліи Милославскаго, пользовавшагося ими до высокой степени, по обстоятельству выбора дочери его Маріи въ супругество нынѣшняго государя, я имѣлъ случай упомянуть выше (въ русскомъ текстѣ объ этомъ однако не говорится ни слова) о началѣ и происхожденіи сей фамиліи... Иванъ Милославскій занялъ, такъ сказать, наследственнымъ правомъ званія и чести своего дяди“ (108).

⁶⁾ Собственно въ этотъ день его уже хоронили. Дворц. Разр. III, 756.

сіе, Дворъ остается еще въ ожиданіи, чѣмъ кончится это происшествіе“ (стр. 308). Извѣстно, что Прозоровскій воеводствовалъ въ Астрахани съ осени 1667 г. и былъ убитъ Стенькой Разинымъ 24-го іюня 1670 года ¹⁾). Наконецъ, въ числѣ окольничихъ, какъ живой еще дѣятель, упоминается Мих. Семен. Волынскій (стр. 107), что возможно было лишь до 25-го января 1669 г., дня его смерти ²⁾). Такимъ образомъ „Характеры“ составлены во второй половинѣ 1668 г., то-есть, приблизительно за полгода до смерти Марьи Ильиничны и за годъ до начала смотринъ и выбора царемъ Алексѣемъ второй жены.

Становясь на штелиновскую точку зрѣнія, мы въ правѣ были бы ожидать найти у неизвѣстнаго автора также и имя Матвѣева; между тѣмъ о немъ нѣтъ даже и простаго намека. Правда, въ ту пору Матвѣевъ еще не былъ ни бояриномъ, ни окольничимъ, о чьихъ „характерахъ“ главнымъ образомъ ведетъ рѣчь польскій авторъ; но съ другой стороны, темою латинскаго мемуара были не исключительно эти два высшихъ чина московскаго государства: хотя и вкратцѣ, но авторъ перечисляетъ также и думныхъ дворянъ, дяковъ Посольскаго приказа, лицъ, завѣдывавшихъ Разрядомъ, царскими имѣніями и, наконецъ, царскаго тѣлохранителя (стр. 111—112). Такимъ образомъ, авторъ вполне естественно интересовался не только тѣми, кто на лѣстницѣ служебной іерархіи занималъ самыя верхнія ступени; но также и тѣми, кто болѣе или менѣе близко стоялъ къ самой особѣ государя—однако, среди послѣднихъ Матвѣева онъ не нашелъ. Трудно допустить, чтобы личность Матвѣева, хотя бы и не видная по сану, но видная по интимнымъ отношеніямъ къ государю, не обратила бы на себя вниманіе сторонняго наблюдателя. Ясно, что во второй половинѣ 1668 г. Матвѣевъ далеко еще не былъ столь близокъ къ царю и еще не успѣлъ достаточно выдѣлиться изъ толпы.

Вотъ почему мы полагаемъ, что свидѣтельство Штелина, будто бы царь Алексѣй впервые увидалъ будущую царицу въ домѣ Матвѣева, хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего абсолютно невозможнаго, не способно вызвать къ себѣ большаго довѣрія. Мало говорить въ пользу автора „Анекдотовъ“ ³⁾ и самый рассказъ его о сватовствѣ государя, уснащенный фигурами напыщенной риторикѣ и допустившій фактическія ошибки въ родѣ того, что смотрины невѣсть проис-

¹⁾ Соловьевъ, XI, изд. 2-е, стр. 355, 371.

²⁾ Древ. Росс. Вѣст. XX, 120.

³⁾ Несмотря на источникъ повѣствованія—внучку боярина Матвѣева.

ходили будто бы въ сентябрѣ 1670 года, при чемъ онѣ приурочены даже къ одному опредѣленному, хотя и не отмѣченному дню ¹⁾).

Въ виду сказаннаго мы предпочли бы не утверждать, будто выборъ Натальи Кирилловны царемъ былъ предрѣшенъ имъ задолго до формальнаго объявленія, самыя же смотрины ²⁾ были лишь уступкою обычаю, пользовавшемуся силою закона, пренебречь которымъ считалось неудобнымъ и неприличнымъ. Едва ли не проще и не правдоподобнѣе будетъ допустить, что впервые Алексѣй увидалъ будущую жену у себя на Верху 1-го февраля 1670 г.; тогда она ему понравилась, приблизительно тогда же было принято и рѣшеніе, а когда, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, бракъ отсрочился, то свиданія съ невѣстой, теперь уже, дѣйствительно, въ домѣ Матвѣева, лишь закрѣпили первое впечатлѣніе.

Не скроемъ, сторонникамъ такого толкованія придется считаться еще съ однимъ показаніемъ, на которое защитники штетлиновской точки зрѣнія охотно и часто ссылаются, именно на слѣдующія слова Новикова въ предисловіи къ изданной имъ „Исторіи о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева“: „Царь Алексѣй Михайловичъ писывалъ къ нему (Матвѣеву) обыкновенно въ письмахъ своихъ: *другъ мой Сергіевичъ!* Одно изъ таковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергіевичъ съ войсками находился; а въ немъ между прочимъ написано: *Пріѣзжай къ намъ скорѣе: дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли: за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтывать безъ тебя не съ кѣмъ*, и проч.“. Въ этомъ отрывкѣ изъ царскаго письма особенно останавливаются на себѣ вниманіе первыя слова: *Дѣти мои и я осиротѣли*—пѣтъ упоминанія о царицѣ; *некому присмотрѣть за дѣтьми*—едва ли бы царь выразился такъ, будь жива мать этихъ дѣтей. Такимъ образомъ письмо, если только оно было когда-нибудь написано, должно быть отнесено ко времени вдовства Алексѣя Михайловича, съ 3-го марта 1669 г. по 22-е января 1671 г.

Однако, предварительно необходимо удостовѣрить еще фактъ су-

¹⁾ *Stållin*, S. 9.

²⁾ Смотрины производились съ 28-го ноября 1669 г. до послѣднихъ чиселъ апрѣля 1670 г. Нарышкину на этихъ смотринахъ царь увидалъ 1-го февраля. *Забѣлинъ*, Вътъ р. Царицъ, изд. 2-е, стр. 264—270. *Извѣстія Археол. Общ.* т. V, стбц. 469—472.

ществованія самого письма, въ пользу чего имѣется одно лишь вышеуказанное заявленіе Новикова, при рядѣ другихъ показаній противоположнаго свойства. Изъ дальнѣйшихъ словъ новиковскаго предисловія къ „Исторіи о невинномъ заточеніи“ несомнѣнно, что писемъ царя самъ издатель не видѣлъ и сообщаетъ о ихъ содержаніи съ чужаго голоса: „Таковыхъ писемъ и другихъ извѣстій и собственныхъ Артемона Сергіевича записокъ и сына его графа Андрея Артемоновича весьма много находится въ домѣ князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго его сіятельства князя Василія Ивановича Мещерскаго, и которыя онъ разобралъ обѣщалъ ко мнѣ прислать. Желательно бы было, чтобы сіи бумага ко мнѣ сообщены были. дабы или при второмъ изданіи приобщить оныя къ сей книгѣ, или бы можно было приступить и къ сочиненію полной исторіи сего великаго мужа“. Новиковъ, разумѣется, безусловно вѣрилъ въ правдоподобность сдѣланныхъ ему показаній, да и у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать искренность кн. Мещерскаго; но самыя показанія все же вызываютъ сомнѣнія. Тутъ же рядомъ Новиковъ сообщаетъ извѣстный рассказъ о томъ, какъ стрѣльцы и народъ, побуждаемые любовью къ Матвѣеву, навезли ему камней съ гробовъ отцовъ и дѣдовъ своихъ для большаго дома, на постройку котораго у того не хватало собственныхъ средствъ. Излишне говорить, что на этомъ анекдотѣ сидитъ такой густой слой дѣланной сентиментальности, столько слащавой риторики, этой обычной приправы XVIII вѣка при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей,—что доискаться зерна правды тутъ очень трудно ¹⁾. Между тѣмъ Новиковъ замѣчаетъ, что рассказъ этотъ онъ слышалъ отъ того же кн. В. И. Мещерскаго, „который увѣрялъ меня, что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него“. Это послѣднее обстоятельство невольно подрываетъ довѣріе и къ рассказу о письмахъ.

Трудно объяснимымъ остается и еще одно обстоятельство: когда могъ царь Алексѣй писать Матвѣеву изъ Москвы въ Смоленскъ? Подъ Смоленскомъ, намъ извѣстно, Матвѣевъ былъ въ 1654 г.; но въ ту

¹⁾ Еще Е. А. Бѣловъ указывалъ на фальшь этого рассказа, не понявъ которую было непростительно позднѣйшимъ исследователямъ—„во-первыхъ, по тому святому уваженію, которое русскій человѣкъ питаетъ къ могиламъ отцовъ; во-вторыхъ, потому что камней на могилахъ въ ту пору и у знатныхъ людей было мало, а у стрѣльцовъ и не бывало“ (Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1887, № 1, по отд. отд. стр. 24, примѣч.).

пору и самъ царь находился тамъ же ¹⁾). Сосланный въ ссылку, бояринъ Матвѣевъ, въ челобитной своей царю Θεодору ²⁾, подробно перечисляетъ всю свою службу, всѣ порученія и послышки, въ которыхъ онъ участвовалъ; однако, о какомъ-либо второмъ пребываніи въ Смоленскѣ, и притомъ „съ войсками“, не упоминаетъ ни слова.

Наконецъ, сравнивая выдержку изъ письма Алексѣя Михайловича къ Матвѣеву, приведенную Новиковымъ, съ цѣлымъ рядомъ другихъ, несомнѣнно собственноручныхъ писемъ государя къ другому ближнему человѣку, А. И. Матюшкину, нельзя не видѣть, что слогъ. вся манера изложенія тамъ совершенно иные: запись Новикова есть пересказъ въ устахъ человѣка XVIII вѣка, и ужь если государь величалъ Матвѣева въ своихъ письмахъ по отчеству, то, конечно, звалъ его не *Сергѣевича*, а *Сергѣича*.

Предвзятая мысль о первоначальной встрѣчѣ царя съ Нарышкиной въ домѣ Матвѣева настолько укоренилась, что обыкновенно игнорируется и оставляется въ тѣни фактъ, дающій, однако, право думать, что такъ называемыя смотрины невѣсть не только не были пустою формальностью, но что, наоборотъ, была минута, когда Дворъ серьезно сталъ сомнѣваться, станетъ ли именно Нарышкина жизненной подругой овдовѣвшаго государя. Не говоримъ уже, что продолжительность смотринъ—цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! — плохо вяжется съ предвзятостью выбора (слишкомъ ужь большой срокъ для комедіи!); но что заставляло играть эту „комедію“ даже и послѣ того, какъ отдана была дань обычаю и старинѣ? Между тѣмъ послѣ первыхъ смотринъ назначены были вторичныя для болѣе серьезныхъ кандидатовъ. „Такой вторичный смотръ происходилъ 18-го числа апрѣля, послѣ чего, въ ночи, дѣвицы, взятыя тогда въ Верхъ въ другой разъ, были отпущены по домамъ, а *послѣ ихъ*, тогда ли ночью же, или на другой день, неизвѣстно, была взята въ Верхъ *для вторичнаго* смотра племянница нѣкоего Ивана Шихирева, дочь Ивана Бѣляева“ ³⁾.

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что вмѣстѣ съ Бѣляевой на Верху находились и другія дѣвицы, въ томъ числѣ и Нарышкина ⁴⁾. По всей вѣроятности, да; какъ бы, однако, ни было, но, значить, еще въ половинѣ апрѣля 1670 г. Наталья имѣла соперницъ, и настолько

¹⁾ Исторія о невинн. заточеніи, 49. *Соловьевъ*, X, 322.

²⁾ Исторія о невинн. заточеніи, 46—76.

³⁾ *Забѣлинъ*, Дом. Бытъ Царя, изд. 2-е, стр. 266.

⁴⁾ *Ibidem*, 266.

серьезныхъ, что этотъ самый Шихиревъ, въ разговорѣ съ царскимъ духовникомъ, благовѣщенскимъ протопопомъ Андреемъ Савиновичемъ, считалъ возможнымъ завѣрять, что „племянница его въ Верхъ взята, а Нарышкина свезена“¹⁾). Вторичное появленіе на Верху Бѣлаевой вызвало подметныя письма, а, значить, и разслѣдованіе, и если въ концѣ концовъ побѣду одержала Нарышкина, то, конечно, не потому, чтобы она и безъ того уже съ давнихъ поръ царила въ душѣ Алексѣя.

Начатымъ разслѣдованіемъ и тѣми интригами, какія велись тогда по всему дворцу, всего вѣроятнѣе объясняется отсрочка и самой свадьбы, которую сыграли, какъ извѣстно, спустя лишь девять мѣсяцевъ послѣ окончанія смотринъ. „Очень вѣроятно“ — замѣчаетъ г. Забѣлинъ — „что все это время Нарышкина жила не во дворцѣ, какъ слѣдовало по обычаю, а жила, какъ рядовая и уже смотрѣнная невѣста, въ домѣ Матвѣева, гдѣ квартировала, на его попеченіи и охраненіи“²⁾). А если Наталья, будучи уже невѣстой, столько мѣсяцевъ продолжала жить въ домѣ своего воспитателя, то царь, несомнѣнно, видѣлъ ее тамъ за это время не одинъ разъ.

Пребываніе царской невѣсты было необычнымъ; необычными казались и царскіе визиты къ невѣстѣ. Современникамъ не дано было знать всѣхъ обстоятельствъ дѣла (какъ впрочемъ и намъ они далеко не вполне ясны); но сказаннаго оказалось достаточнымъ, чтобы создать почву для той сентиментальной легенды, впервые пущенной въ оборотъ Штелинымъ, и по которой царь Алексѣй, будто бы нерѣдкій гость въ домѣ своего „друга“, уже вскорѣ послѣ утраты первой жены, увидалъ Наталью, плѣнился ея красотой и такъ романтически обставилъ свое сватовство—обѣщалъ найти ей жениха и потомъ неожиданно назвалъ себя изумленному Матвѣеву³⁾). Конечно, на этой же

¹⁾ Ibidem, 268.

²⁾ Ibidem, 270.

³⁾ Эта романтическая легенда, впрочемъ въ окраскѣ болѣе прозаической, нашла свое отраженіе и въ разсказахъ современниковъ иностранцевъ: извѣстное *Narratio regum*, — о майскомъ бунтѣ 1682 г. — такимъ образомъ объясняетъ обстановку второго брака царя Алексѣя Михайловича: вѣдущій царь обратился къ Матвѣеву за совѣтомъ, кого выбрать себѣ въ супруги, и тотъ высказался за Нарышкину, дочь одного начальника стрелецкаго, жившаго о ту пору въ Смоленскѣ. Увидавъ Нарышкину, царь, дѣйствительно, рѣшился жениться на ней и отдалъ ее Матвѣеву для подготовки къ будущему высокому ея положенію. Выполнивъ задачу свою въ 18 недѣль, Матвѣевъ представилъ невѣсту государю, послѣ чего, не мѣшкая, приступили къ обрученію и свадьбѣ („Idem itaque Moscho-

почвѣ продолжительнаго житія Натальи у Матвѣева въ невѣстахъ и посѣщеній ея женихомъ могла сложиться впоследствии и другая легенда, — скандальная сплетня о вѣбратномъ сожитіи Натальи съ царемъ и рожденіи у нея сына Семена до свадьбы ¹⁾.

VII.

Время и мѣсто рожденія Петра Великаго.

О времени рожденія Петра Великаго до насъ дошло два официальныхъ современныхъ извѣстія: во-первыхъ. Записка, составленная въ Разрядѣ, и во-вторыхъ, такъ называемая Записка дворцовая. Первая напечатана въ статьѣ Г. Ф. Миллера: „Рожденіе государя императора Петра Великаго“ ²⁾ и относитъ моментъ появленія Петра на свѣтъ „мая въ 30 день, въ четвертокъ, на память преподобнаго отца Исаакія Далматскаго, за полтретья часа до дня“ ³⁾. По Дворцовой же запискѣ ⁴⁾, событіе произошло „въ отдачу пощныхъ часовъ“ ⁵⁾.

Миллеру, повидямому, извѣстна была лишь первая дата; онъ ее

viae dux tori et imperii socia orbatus, vocato eo (Матвѣева) ad secretum consilium, viri explorare voluit sensum, quam et unde ducturus uxorem esset. Et cum multi e proceribus et nobilitate has et illas mulierum illi suggererent, nullam tamen ad placitum principis. Induxit consiliis suis idem Artemon principem ut cujusdam praefecti gregariorum Smolensci in praesidio manentis nomine Naryskini filiam forma et moribus praecellentem in consortem sibi deligeret. Quae cum ei praesentata fuisset, confestim in ea complacuit, et eidem Artemono Sergeiewicz (quod consanguinea ejus esset) sub tutelam tradidit disponendam ad mores tanto fastigio dignos, quod impigie executus tredecim post septimanas neosponsam principi reddidit, praesente patriarcha, et circumfluo spiritualium coetu statimque subsequenti sunt benedictionis votorum matrimonii et nuptiarum actus. Ciampi, Bibliografia Critica, I, 76).

¹⁾ Преданіе о вѣбратномъ сожитіи сохранилось въ рукописной книгѣ первой половины XVIII вѣка, находившейся въ 1850 г. въ рукахъ у П. И. Пискарева; о немъ см. въ статьѣ Мельникова, Авд. Петр. Нарышкина, *Русскій Вѣстникъ* 1872, № 1, стр. 151—156.

²⁾ Опытъ трудовъ Воля, русскій собр. Часть V (М. 1780), стр. 87—105. Перепечатано: а) *Туманскій*, Собраніе разныхъ записокъ о Петрѣ Великомъ, V, 117—181 и б) *Дворцовые Разряды*, т. IV, Дополненія, стр. 468—470.

³⁾ *Туманскій*, V, 118.

⁴⁾ Напечатана въ „Опытѣ трудовъ Воля, русскій собр.; ч. V, 158—184; *Туманскій*, V, 181—202; *Дворц. Разр.*, т. IV, Дополн., стр. 469—484.

⁵⁾ *Туманскій*, V, 181.

и указываетъ („за полтретья часа до свѣта“¹⁾), считая излишнимъ толковать смыслъ самаго выраженія, какъ вполне понятный русскому человѣку второй половины XVIII столѣтія. Устряловъ, подобно Миллеру, опирается на одну Разрядную записку, игнорируя Дворцовую. „Полтретья часа“—объясняетъ онъ—„составляетъ два съ половиною часа; а какъ солнце въ Москвѣ 30-го мая всходитъ въ 3 ч. 18 мин., то Петръ родился... ночью, минутъ чрезъ 50 пополуночи“²⁾, или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ³⁾, „въ первомъ часу пополуночи“, очевидно, не рѣшаясь указать, когда по старинному счету московскому начиналась первая минута перваго часа дня. Погодинъ, наоборотъ, держится текста Дворцовой записки и признаетъ время рожденія Петра „въ отдачу часовъ ночныхъ, то-есть, передъ разсвѣтомъ“⁴⁾. Соловьевъ обходитъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ⁵⁾.

Обѣими датами пользуется И. Е. Забѣлинъ. Онъ говоритъ: „Петръ родился... въ отдачу часовъ ночныхъ, то-есть на исходѣ ночи, или, по другимъ извѣстіямъ, въ шестомъ часу ночи, также за полтретья часа до дня, что по теперешнему счету будетъ означать часъ пополуночи“; въ поясненіе же старинной терминологіи добавляетъ: „Тогдашній первый часъ ночи соотвѣтствовалъ половинѣ десятаго пополудни⁶⁾, а первый часъ дня—половинѣ четвертаго часа пополуночи. Если принимать, что начало дня считали въ то время съ трехъ съ половиною часовъ, то выраженіе за полтретья часа до дня будетъ означать часъ пополуночи“⁷⁾. Авторъ нигдѣ въ данномъ случаѣ не указываетъ своихъ источниковъ, между тѣмъ выраженіе: „или, по другимъ извѣстіямъ, въ шестомъ часу ночи, также за полтретья часа до дня“ даетъ право думать, что или авторъ неясно выразился, или у него, кромѣ названныхъ двухъ показаній, было въ рукахъ еще и третье. „Въ шестомъ часу ночи“, по его же указанію, будетъ соотвѣтствовать времени *послѣ половины третьяго пополуночи*. Конечно, это со-

¹⁾ Туманскій, V, 117.

²⁾ Устряловъ, Исторія царств. импер. Петра Великаго, I, 259.

³⁾ Устряловъ, I, 7.

⁴⁾ Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, 6.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XII, изд. 2-е, стр. 326.

⁶⁾ Конечно, въ силу того, что, какъ это выше отмѣтилъ г. Забѣлинъ, солнце закатывается 30-го мая въ Москвѣ въ 8 ч. 40 мин. вечера.

⁷⁾ Дѣтскіе годы Петра Великаго въ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи“, т. I, стр. 1. Первоначально въ *Архивѣ ист.-юрид. студій*, Калачева, кн. III (написано въ 1857 г.).

впадаетъ съ „исходомъ ночи“, потому что солнце поднималось въ 3 ч. 18 мин., но въ такомъ случаѣ это была лишь иная форма *выраженія*, а не другое *извѣстіе*. Нельзя не замѣтить, что наши представленія о старинномъ счетѣ часовъ оставляютъ желать большей точности. Такъ, изъ сказаннаго видно, что для г. Забѣлина ночь въ концѣ мая длилась *шесть* часовъ, съ половины десятаго вечера до половины четвертаго утра, отсюда и „шестой часъ ночи“, равносильный „исходу ночи“. Между тѣмъ онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ нѣсколько иное: „Часы въ то время дѣлились на *дни*, съ восхожденія солнца, и *ночи*, съ заката, 18-го февраля было 11 ч. дня и 13 ч. ночи; 7-го апрѣля было 14 ч. дня и 10 ч. ночи; мая 9-го было 16 ч. дня и 8 ч. ночи; 25-го мая—17 ч. дня и 7 ч. *ночи*. За тѣмъ шло на убыль, съ 12-го юня“¹⁾. Что касается до Разрядной и Дворцовой записки, то г. Забѣлинъ прямо не высказывается въ пользу той или иной даты, и лишь косвенно даетъ понять, что предпочитаетъ болѣе раннюю: „Нельзя не остановиться на томъ обстоятельстве, что весь этотъ торжественный выходъ (въ Успенскій соборъ къ благодарственному молебну, совершенный „во второмъ часу дня или въ пять утра“) былъ наряженъ въ такое короткое время. Въ *теченіе четырехъ часовъ съ минути* родина всѣ были увѣдомлены, и всѣ парадно собрались къ торжеству“²⁾.

Это замѣчаніе остается единственнымъ соображеніемъ, высказаннымъ авторитетнымъ историкомъ по вопросу о предпочтеніи одной даты другой, да и то, какъ можно судить изъ только что сказаннаго, оно еще далеко отъ того, чтобъ быть категоричнымъ и положительнымъ. Такая невнятенность или, по крайней мѣрѣ, недосказанность неизбежно должна была отразиться и на трудахъ компилятивныхъ: лишенные твердаго критерія, они выбирали свою дату, повидимому, совершенно случайно. Такъ, напримѣръ, у Сорокина³⁾, Золотова⁴⁾ и Петрова⁵⁾ рожденіе Петра послѣдовало „въ первомъ часу пополуночи“; Павловичъ⁶⁾ и Лебедевъ⁷⁾ принимаютъ ровно

¹⁾ Опыты, I, стр. 285.

²⁾ Опыты, I, стр. 2, прилѣч.

³⁾ В. Сорокинъ, Разказы о Петрѣ Великомъ, С.-Пб. 1872, стр. 10.

⁴⁾ Золотовъ, Исторія Петра Великаго. Съ 19 рисунками. С.-Пб. 1872, стр. 1.

⁵⁾ Петровъ, Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій. С.-Пб. 1872, стр. 5.

⁶⁾ Павловичъ, Разказы изъ русской исторіи. Над. 3-е. С.-Пб. 1883, стр. 219.

⁷⁾ Лебедевъ, Жизнь Петра Великаго. С.-Пб., 1890, стр. 5.

часъ ночи. Первые трое, очевидно, опираются на Устрялова; двое послѣднихъ берутъ у И. Е. Забѣлина вторую изъ указанныхъ имъ датъ. Въ общемъ все же въ исторической литературѣ преобладаетъ болѣе ранняя дата, и хотя г. Астровъ ¹⁾, забывая о Погодинѣ (или не зная о его книгѣ) ²⁾, нѣсколько преждевременно говоритъ: „О времени, даже о часѣ рожденія Петра знаютъ всѣ, и *все* согласно утверждаютъ, что это событіе совершилось съ 29-го на 30-е мая, подъ утро, въ часъ пополудни“; — но изъ двухъ датъ принята должна быть, дѣйствительно, эта.

Въ самомъ дѣлѣ, допускать „исходъ ночи“ — значило бы, прибѣгать къ очень большимъ натяжкамъ. Уже „во второмъ часу дня“, то-есть, около пяти утра по нашему теперешнему счету, справлялся, по свидѣтельству одинаково и Разрядной ³⁾, и Дворцовой ⁴⁾ записки, благодарственный молебень въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, царевичей, придворныхъ и служилого воинства. Разрядная записка говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „За нимъ, государемъ, были царевичи и бояре, и окольничіе, и стряпчіе, и дворяне въ охобняхъ цвѣтныхъ, а полковники солдатскіе и полковники жъ и головы, и полуголовы стрѣleckіе въ ратномъ цвѣтномъ же платьѣ“ ⁵⁾. А что касается до Дворцовой записки, то она къ этому добавляетъ еще четырехъ митрополитовъ, столько же архіепископовъ, да неопредѣленное количество архимандритовъ и игуменовъ ⁶⁾.

Созвать всѣхъ этихъ лицъ, дать имъ вырядиться и прибыть къ собору — почти невысказано въ тотъ короткій двухчасовой промежутокъ времени, который у насъ останется, если мы примемъ „исходъ ночи“. Да и полныхъ-ли два часа? Вѣдь не буквально же въ первую минуту послѣ радостнаго событія бросились гонцы по Москвѣ съ оповѣщеніемъ... И. Е. Забѣлину, не безъ основанія, сборъ присутствовавшихъ на молебнѣ и черезъ четыре часа кажется довольно быстрымъ.

¹⁾ *Астровъ*, Первоначальное образованіе Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1875, № 8, стр. 471.

²⁾ Книга Погодина появилась въ свѣтъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до напечатанія статьи г. Астрова. Впрочемъ, въ май 1875 г. „Семнадцать лѣтъ“ уже находилась въ обращеніи. Сравн. нашу статью „О запискахъ Сильвестра Медвѣдева“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1889, № 4, по отд. отгиску, стр. 16, примѣч. 2-е.

³⁾ *Туманскій*, V, 119.

⁴⁾ *Туманскій*, V, 182.

⁵⁾ *Туманскій*, V, 119.

⁶⁾ *Туманскій*, V, 182—183.

„Исходъ ночи“ былъ бы правдоподобенъ, если допустить, что все было приготовлено заранѣе, что ждали лишь момента разрѣшенія царицы отъ бремени, что благодарственный молебенъ первоначально предполагалось отслужить еще съ вечера, въ среду 29-го мая, но что этому помѣшали затянувшіеся роды. На чемъ, однако, основана подобная догадка? На позднѣйшей легендѣ о тяжелыхъ мукахъ родильницы, которая Симеонъ Полоцкій къ тому же еще постарался продолжить ¹⁾. Но нечего говорить, что въ послѣднемъ случаѣ намъ пришлось бы вступить, хотя и на заманчивую, но, очевидно, весьма скользкую почву догадокъ. Возможное еще не всегда означаетъ совершившееся.

Недавно былъ опубликованъ третій вариантъ въ опредѣленіи момента рожденія Петра Великаго ²⁾, но вариантъ происхожденія не официальнаго; слѣдуя ему, Петръ долженъ былъ родиться *за часъ до сѣмта*. Однако показаніе это не можетъ претендовать на значеніе источника первой руки и не говоритъ въ пользу полной осведомленности автора съ истиннымъ положеніемъ дѣла,—доказательства чему надѣемся представить въ слѣдующей, 8-й главѣ своихъ „Критическихъ замѣтокъ“. Можно думать, что слова: *за часъ до сѣмта*—свободный перифразъ выраженія „въ отдачу ношныхъ часовъ“.

Быть можетъ, говоря о *времени* рожденія Петра Великаго, уместно будетъ заодно упомянуть и о *мѣстѣ* этого рожденія. Известно, что въ прежнее время такимъ мѣстомъ многіе считали не Кремлевскій дворецъ, а село Измайлово или Коломенское. Такъ, напримѣръ, Крекшинъ ³⁾, измайловскій старожилъ Брыкинъ ⁴⁾, кн. А. И. Голицынъ ⁵⁾, до известной степени И. М. Снегиревъ ⁶⁾ утверждали, что рожденіе

¹⁾ Крекшинъ въ „Запискахъ русскихъ людей“, изд. Сахарова, стр. 9—10.

²⁾ Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, VII, 406.

³⁾ Записки русскихъ людей, стр. 10.

⁴⁾ Свидѣтельство о Брыкинѣ впервые приведено у *Калайдовича*, въ статьѣ его: „О мѣстѣ рожденія императора Петра I“. *Русскій Зритель* 1828, ч. I, стр. 3—8. Отсюда оно заимствовано и Снегиревымъ въ его изданіяхъ, перечисленныхъ черезъ одно примѣчаніе ниже сего.

⁵⁾ Въ своей книгѣ: „Ядро хронологическое исторіи всемірной“. М. 1805. См. объ этомъ также у Снегирева.

⁶⁾ Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. М. 1852 (folio), тетрадь 12, стр. 126—181, въ статьѣ: „Село Измайлово, родовая вотчина Романовыхъ“ (2-е изданіе „Русской Старини“ вышло въ уменьшенномъ форматѣ и съ измѣненнымъ титуломъ: „Подмосковская старина“. М. 1889), статья эта перенесена отдѣльной брошюрой: „Дворцовое царское село Измайлово;

произошло въ Измайловѣ; другіе, какъ Сумароковъ ¹⁾, отстаивали прерогативы села Коломенскаго. Обѣ эти версіи опровергнулъ еще Г. Ф. Миллеръ ²⁾, доказывавшій, что Петръ родился въ Кремлѣ. Доводы Миллера приняты Устряловымъ ³⁾, И. Е. Забѣлинымъ ⁴⁾, Погодинымъ ⁵⁾, Костомаровымъ ⁶⁾ и др. ⁷⁾. Впрочемъ, прямыхъ и

родовая вотчина Романовыхъ“ (съ двумя рисунками). М. 1866. Мнѣніе свое Снегиревъ выражаетъ уклончиво: „преданіе, подтверждаемое свидѣтельствомъ тамошнихъ старожиловъ и нѣкоторыхъ писателей.... Въ ожиданіи окончательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія этому спору, мы приведемъ только свидѣтельства и доказательства о рожденіи Петра I въ Измайловѣ“ (изд. 1866 г., стр. 86).

¹⁾ Известно его восьмистишіе (*Трудолюбивая Пчела* 1769, октябрь, 240—242; Подп. Собр. сочин., изд. 2-е, ч. IV, стр. 302—303), начинавшееся словами:

Россійскій Визелемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!

Стихи эти, вмѣстѣ съ колыбелью Петра, найденной въ Коломенскомъ дворцѣ, подали въ прошломъ столѣтіи поводъ сдѣлать надъ воротами Коломенскаго дворца надпись, описаніе и объясненіе коей читаемъ у Снегирева (*Русская Старина* въ памяти. церк. и гражд. быта. М. 1862, стр. 8): „Надъ воротами каменнымъ опоясывающимъ лицевую сторону воротъ, возвышается крутая кровля съ двумя кокошниками или теремками; въ срединѣ одного теремка изваяніе двухглаваго орла съ тремя коронами, а въ другомъ надпись позднѣйшаго времени: *родился Петръ I въ 1672 году, мал 30*“. Рецензентъ *Русскаго Вѣстника* (1889, № 2, стр. 281), разбирая „Подмосковную Старину. М. 1889“, замѣчаетъ, что „существуетъ гравюра села Коломенскаго прошлаго столѣтія, художника Фридриха Гильфердинга, подъ которой значится слѣдующее четверостишіе, подписанное бузвнами А. С., то-есть того же Сумарокова:

Къ Россійской области въ семь домѣ рокъ былъ щедръ,
Природа навела сокровища изъ пѣдръ,
Дохнувъ отъ небеси къ нему небесный вѣтръ,
Въ семь домѣ родился великій россамъ Петръ“.

Сравни. также „Историческіе рассказы и анекдоты, записанныя П. О. Карабачевымъ“ (*Русская Старина* 1871, IV, стр. 584).

¹⁾ *Тулаицкій*, V, 117—118.

²⁾ *Устряловъ*, I, 259—260.

³⁾ *Опцты*, I, 2, примѣчаніе.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 6.

⁵⁾ *Русская исторія въ жизнеописаніяхъ*, VI, 537.

⁶⁾ *И. Хавскій*, О мѣстѣ рожденія Петра Великаго. *Московскія Вѣдомости* 1848, № 64 (цитую по *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1848, № 9, отд. VI, стр. 458—459). *А. Борсаковъ*, Село Коломенское. М. 1870, стр. 40. *Соловьевъ* (XIV, 826), а за нимъ *Брикнеръ* (*Исторія Петра Великаго*, 12) обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Въ свое время Калайдовичъ, въ статьѣ „О мѣстѣ рожденія императора Петра I“ (*Русскій Зритель* 1828, I, стр. 3—8), только

категорическихъ доказательствъ въ пользу такого взгляда никто изъ названныхъ ученыхъ не привелъ. Указывалось лишь на то, что только рожденіемъ въ Кремлѣ возможно объяснить ту сравнительную быстроту, съ какою послѣ появленія Петра на свѣтъ масса духовныхъ и свѣтскихъ придворныхъ чиновъ могла успѣть собраться къ 5 часамъ утра къ благодарственному молебну ¹⁾).

Но всѣ сомнѣнія, думается, должны быть устранены сохранившимся свидѣтельствомъ, изъ коего явствуетъ, что царица Наталья Кирилловна провела 24-го и 28-го мая, то-есть, канунъ родовъ, въ Кремлѣ. Въ записяхъ 1672 г. „о взносѣ вещей въ хоромы царицы Натальи Кирилловны“ читаемъ: „Мая въ 24-й день, великія государыни царицы въ хоромы ложку серепетянную взялъ и отнесъ Аврамъ Лопухинъ“; Мая въ 28-й день, къ государынѣ царицѣ въ хоромы ложку серепетянную приняла боярыня Матрена Васильева Блохина, относилъ стряпчей съ ключемъ Иванъ Кузмичъ Кузминъ“ ²⁾. Есиповъ, впервые опубликовавшій это извѣстіе, замѣчаетъ по поводу него: „Въ приходо-расходныхъ книгахъ и столпахъ Мастерскихъ Палатъ и Казеннаго Приказа, когда производился расходъ вещей или денегъ для царя или царицы, всегда записывалось такъ: если царь или царица были въ Москвѣ — *отпущено или внесено въ хоромы то-то*; если же они были въ загородномъ селѣ или въ отъздѣ въ монастыри — то записывалось такъ: *отпущено въ походъ въ село такое-то, или въ монастырь такой-то*. Въ напечатанной выпискѣ подъ 28 мая 1672 г. записано: *отнесено въ хоромы царицы Натальи Кирилловны, и при томъ еще прибавлено, что отнесъ стряпчій съ ключемъ И. К. Кузминъ*. Это указываетъ ясно, что царица была въ этотъ день въ Кремлѣ, и при существовавшей тогда обрядности немыслимо, чтобы царица наканунѣ родовъ выѣхала въ Коломенское или Преображенское“ ³⁾.

Хотя и это свидѣтельство все еще указаніе лишь косвенное, но едва-ли послѣ него возможна сколько-нибудь серьезная защита под-

поставилъ вопросъ, не давъ отвѣта и лишь свѣди показанія источниковъ и историковъ.

¹⁾ *Миллеръ и Забѣлягъ, loco citato.*

²⁾ *Есиповъ, Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, т. II, стр. 342.*

³⁾ *Есиповъ, II, 403. Астровъ (Первонач. образованіе Петра Великаго Русскій Архивъ 1875, № 8, стр. 471) принимаетъ выводъ Есипова. „Строго говоря (замѣчаетъ онъ), конечно, и это догадка, но она, за отсутствіемъ иныхъ, болѣе точныхъ указаній, имѣетъ за собою силу едва ли оспоримой истины“.*

московныхъ сель въ противовѣсъ главной резиденціи московскихъ государей XVII вѣка.

VIII.

Въ честь какого святаго Петръ Великій получилъ свое имя?

Въ XVII вѣкѣ, при наименованіи родившагося младенца, слѣдовали обычаю, о коемъ Котошихинъ сообщаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А даетца новорожденному младенцу имя отъ того времени, какъ родитца счотчи впередъ въ восьмой день, котораго святаго день, и ему то жъ имя и будетъ“¹⁾. Этотъ обычай коренился въ предписаніяхъ самой церкви, изложенныхъ въ Требникъ: „Вѣдомо буди, яко по рождествѣ во осьмый день приносится младенецъ отъ бабы къ храму и стоитъ предъ враты храма“²⁾. Однако, судя по фактамъ, требованіе это съ полной точностью исполнялось далеко не всегда, и если Котошихинъ не впалъ въ ошибку³⁾, то его слова необходимо понимать, лишь какъ выраженіе теоріи, и отнюдь не практики, или самое большее, какъ указаніе того, какимъ *приблизительно* срокомъ обыкновенно руководились, приурочивая нареченіе имени въ честь того или инаго святаго.

И дѣйствительно, напримѣръ, въ семьѣ царя Алексѣя Михайловича мы можемъ прослѣдить, что только по отношенію его самого указанное правило было выполнено⁴⁾; дни же „ангела“ и „рожденія“ его дѣтей обыкновенно колебались то удлинняя, то укорачивая назначенный срокъ, но никогда не выходя за предѣлы двухъ недѣль. Вотъ доказательства.

Именины царевны Софьи приходились въ *тотъ-же* день, что и день рожденія⁵⁾; царевны Феодосія на *второй* день⁶⁾; царевича Ивана—

¹⁾ Котошихинъ, изд. 3-е, стр. 17.

²⁾ Молитва во еже названати отроча, приѣмлюще имя во осьмый день рожденія своего. См. Требникъ, изд. Кіево-Печерской лавры, 1850 г., л. 3-й.

³⁾ Еще г. Забѣлинъ указалъ, что счетъ Котошихина „не всегда соблюдался“ и привелъ въ примѣръ дни ангела Петра Великаго и его сестры Натальи. Домашній бытъ русскихъ царей. *Отечественныя Записки* 1854, № 1, стр. 3.

⁴⁾ Родился 10-го марта, „а имя ему наркли отъ роженія во 8 день, марта 17 числа“. Двор. Разр. II, 40. Сравни. III, 463.

⁵⁾ Дв. Разр. III, 1026. Софья родилась 17-го сентября. Двор. Разр. III. Допол. 107.

⁶⁾ 29-го мая. Дв. Разр. III, 760. Феодосія род. 28-го мая. Дв. Разр. III. Допол. 386—387.

на четвертый¹⁾. Рановременная смерть юрвенца Дмитрія, родившагося 22-го октября²⁾—онъ умеръ не достигши полныхъ 12 мѣсяцевъ³⁾, лишила возможности вообще справлять его именины: но по связи съ остальными праздниками въ царской семьѣ не можетъ быть сомнѣнія, что имя свое царевичъ получилъ въ честь великомуч. Дмитрія Солунскаго, память котораго празднуется 26-го октября, то есть на язмый день. Именины цар. Марѳы справлялись на седьмой день⁴⁾, равно какъ и царя Алексѣя⁵⁾; цар. Маріи — на десятый⁶⁾; царевича Федора — на десятый⁷⁾, Анны — на двенадцатый⁸⁾, Евдокіи — на тринадцатый⁹⁾, Симеона — на язмнадцатый¹⁰⁾. Екатерина, родившаяся 26-го ноября¹¹⁾, получила имя въ честь святой, память которой чествуется двумя днями раньше ея рожденія; а послѣдній ребенокъ царицы Маріи Ильиничны, повидимому, жившій всего сутки, двое, не болѣе, и похороненный 28-го февраля, получилъ свое имя Евдокіи, очевидно, по связи съ императрицей Евдокіей, воспоминаемой русскою церковію 1-го марта¹²⁾.

Таковы были дни ангела дѣтей царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака; таковы же и двухъ дочерей отъ Натальи Кирилловны: именины одной, Натальи, праздновались на язмый день¹³⁾, именины другой, Феодосіи, — на восьмой¹⁴⁾.

¹⁾ 29-го августа. Дв. Р. III, 1630. Иванъ род. 26-го августа Ibidem, III, 641.

²⁾ Двор. Разр. III, 106.

³⁾ 6-го октября 1649 г. Др. Росс. Вивл. XI, 226.

⁴⁾ 1-го сентября. Дв. Р. III, Допол., 241. Марѳа род. 26-го августа. Дв. Р. III, 325.

⁵⁾ 12-го февраля. Дв. Р. III, Допол., 214. Алексѣй род. 5-го февраля. Дв. Р. III, 399.

⁶⁾ 26-го января. Дв. Р. IV, 823. Маріи родилась 18-го января. Дв. Р. III, Допол., 211.

⁷⁾ 8-го іюня. Дв. Р. III, Допол., 338. Федоръ род. 30-го мая. Дв. Р. III, Допол., 271.

⁸⁾ 8-го февраля. Дв. Р. III, Допол., 24. Анна род. 23-го января. Устрлясовъ, I, 254.

⁹⁾ 1-го марта (Дв. Р. III, 341; III, Допол., 219), хотя есть указаніе (Дв. Р. III, 458) и на 2-е февраля. Евдокіи род. 17-го марта (Дв. Р. III, 149).

¹⁰⁾ 17-го апрѣля Дв. Р. III, 786, хотя могли бы праздноваться и 5-го апрѣля, такъ какъ Симеонъ род. 8-го мая, можетъ быть, даже 2-го апрѣля. Выходы государей, Строева, 439.

¹¹⁾ Дв. Р. III, Допол., 157.

¹²⁾ Выходы государей, Строева, 510. Др. Росс. Вивл. XI, 204.

¹³⁾ 26-го августа. Натальи род. 22-го августа Ibidem, оглавленіе, 58.

¹⁴⁾ 11-го сентября. Выходы Строева, 605. Феодосіа род. 4-го сентября Дв. Р. III, 985.

Судя по всему, этому мы въ правѣ были бы ожидать, что и въ наименованіи Петра, если уже не стануть непременно придерживаться постановленій Требника, то все же не выйдутъ изъ болѣе или менѣе установленныхъ и ставшихъ обычными рамокъ. Между тѣмъ день ангела Петра отстоялъ на цѣлый мѣсяцъ отъ дня его рожденія. Очевидно, будущій преобразователь родился не только въ эпоху новыхъ вѣяній, но уже и теперь, на самыхъ первыхъ порахъ своего существованія, какъ бы хотѣлъ подчеркнуть, насколько въ послѣдующей жизни пойдетъ онъ въ разрѣзъ съ установленными формами и традиціями. Можно думать, что родители въ данномъ случаѣ руководились болѣе желаніемъ дать ребенку непременно извѣстное имя, чѣмъ потребностью соблюсти установленный обычай. Правда, въ промежутокъ между 30-мъ мая и 29-мъ іюня есть еще 12-го іюня, когда празднуется память препод. Петра Аеонскаго, — тѣмъ не менѣе Петръ былъ названъ не въ честь этого святаго.

Рѣшаемся утверждать это, несмотря на показаніе одного очень стариннаго свидѣтельства, говорящаго именно въ пользу Петра Аеонскаго: „180 году, мая въ 30 день, за часъ до свѣта, родился государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ отъ другой царицы и великой княгини Натальи Кирилловны; а имя ему, государю, дано въ предъ, въ 12 день, преподобнаго отца нашего Петра Аеонскаго“¹⁾.

Рукопись²⁾, содержащая эти строки, носитъ названіе: „Сказаніе родословію великихъ князей русскихъ, а се объ нихъ писаніе положимъ“³⁾ и, судя по скрѣпѣ⁴⁾, составлена или начата составленіемъ въ 1664 году. Строки, относящіяся до рожденія Петра, помѣщены на листѣ 7 и начертаны рукой иною, чѣмъ та, которая водила перомъ по первымъ листамъ: онъ болѣе поздняго происхожденія, хотя, по всѣмъ признакамъ, все же не древнѣе конца XVII вѣка. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло если не съ современнымъ, то съ почти современнымъ документомъ. Все это, однако, мало вскрываетъ самые источники записи.

¹⁾ Бароуковъ, Родъ Шереметевыхъ, VI, 406.

²⁾ Самой рукописи мы не видали и данными о ней обязаны любезному содѣйствію В. II. Вульфуса, которому и приносимъ нашу благодарность.

³⁾ Архивное заглавіе рукописи, писанное въ 1814 году; „Родословіе великихъ князей и иныхъ родовъ многихъ, изъ восьмидесяти главъ состоящее“.

⁴⁾ „Сія премудрая и прекрасная книга родословіе великихъ князей и иныхъ родовъ многихъ князя Александровича Ивановича Лобанова-Ростовскаго. А подлисалъ я, князь Александръ, своею рукою дѣла 7178 году сентября въ 1 день“.

тѣмъ болѣе, что послѣдняя ея фраза—*а имя ему, юсударю, дано въ предѣ, въ 12-мъ день, преподобнаго отца нашего Петра Аюнскаго*—позволяетъ сильно усомниться въ близости автора къ первоисточнику, своихъ свѣдѣній. Въ указанной фразѣ авторъ, очевидно, руководился тѣмъ (простая справка въ святцахъ легко могла навести его на это), что послѣ 30-го мая первымъ по времени изъ святыхъ, носящихъ имя Петра, стоитъ названный Петръ Аюнскій. Между тѣмъ именины Петра Великаго справлялись, какъ извѣстно, всегда 29 іюня, въ день свв. апостоловъ Петра и Павла; предполагать же, что, можетъ быть, *впослѣдствіи* празднованіе было перенесено съ 12-го іюня на 29-е, не позволяютъ показанія „Дворцовыхъ Разрядовъ“, изъ коихъ видно, что съ первыхъ уже лѣтъ именины праздновались 29-го іюня ¹⁾. Что это такъ, убѣждаемся еще болѣе при посредствѣ слѣдующаго и совершенно побочнаго свѣдѣтельства.

18-го іюня 1672 года князь Ромодановскій, посланный московскимъ правительствомъ на выборы новаго гетмана, держалъ, вблизи города Путивля, раду съ казаками. Во время засѣданія неожиданно прискакалъ изъ Москвы царскій гонецъ и подалъ боярину государеву грамоту съ извѣщеніемъ о семейной радости царя Алексѣя—рожденіи сына Петра,—грамоту, между прочимъ дававшую знать, что „*именины его, юсударевы, іюня въ 29 день*“ ²⁾. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе разстояніе Путивля отъ Москвы и время, потребовавшееся гонцу на проѣздъ, не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что уже при самомъ нареченіи новорожденному имени въ виду имѣлся не Петръ Аюнскій, а Петръ апостоль.

IX.

Кормилицы, мамы и дядьки Петра Великаго.

А) Кормилицы.

Кормилицу Петра мы знаемъ по имени и отчеству: ее звали Ненилой Ерофеевной; но какого она была чина и званія, объ этомъ

¹⁾ Напримѣръ, такъ было уже въ 1675 году. (Двор. Разр. III, 1491—1498). Въ одномъ изъ списковъ уже въ самый 1672 годъ записано, что „того жъ году, мая въ 29 день, родился благовѣрный г. царевичъ в. кн. Петръ Алексѣевичъ; а ангель его святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла“. (Двор. Разр. III, 889, примѣч.).

²⁾ *Костомаровъ*, Руяна. *Вѣстникъ Европы* 1880, № 7, стр. 208.

указаній не сохранилось ¹⁾. Нѣкоторыя свѣдѣнія о ней приводитъ И. Е. Забѣлинъ въ статьѣ „Дѣтскіе годы Петра Великаго“ ²⁾ по даннымъ, позднѣе напечатаннымъ у Есипова въ его „Сборникѣ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (М. 1872). У послѣдняго есть и новыя подробности ³⁾, но зато съ пропускомъ нѣкоторыхъ деталей, остающихся поэтому извѣстными намъ по прежнему только изъ вышеупомянутой статьи г. Забѣлина ⁴⁾. Въ 1684 году Ненила Ерофеевна вышла замужъ (конечно, вторично) за князя Львова ⁵⁾. Имя и отчество послѣдняго—Михаилъ Никитичъ—узнаемъ мы изъ данныхъ, опубликованныхъ на этотъ разъ уже Викторовымъ ⁶⁾. Тотъ же источникъ свидѣтельствуетъ, что Львова въ 1699—1700 году получала жалованья 20 рублей и входила въ составъ Мастерской палаты ⁷⁾.

Кажется, слѣдуетъ признать, что ребенка кормила не одна Ненила Ерофеевна. Должно быть, она потеряла молоко, прежде чѣмъ мальчика отняли отъ груди, а потому пришлось обратиться къ другой кормилицѣ. По крайней мѣрѣ въ документахъ Есипова упоминается, что 12-го октября 1674 года, то-есть, когда, значить, не хватало полутора мѣсяцевъ до двухъ съ половиною лѣтъ, царица Наталья Кирилловна пожаловала каптуръ „новой кормилицѣ царевича и великаго князя Петра Алексѣевича“ ⁸⁾. О какой кормилицѣ идетъ рѣчь въ тѣхъ же документахъ подъ 29-мъ апрѣля 1673 года („государыня пожаловала государя царевича и в. кн. Петра Алексѣевича кормилицѣ сукно на опошень“) ⁹⁾, или подъ 9-мъ апрѣля 1687 года („10 арш. атласу червчетого... и тѣмъ атласомъ великій государь пожаловалъ кормилицу“) ¹⁰⁾, точно также и чей именно „кормилицынъ сынъ“ упоминался въ октябрѣ—декабрѣ 1688 года ¹¹⁾, опредѣлить нельзя, равно и времени, когда Львову смѣнила ее преемница.

¹⁾ *Забѣлинъ*, Опыты, I, 7.

²⁾ *Ibidem*, I, 49—50.

³⁾ Есиповъ, I, 31—32; 265.

⁴⁾ Сравни, напримѣръ, *Забѣлинъ*, Опыты, I, 49: хлѣбъ-соль, посланная молодымъ царемъ своей кормилицѣ въ октябрѣ 1688 года.

⁵⁾ *Есиповъ*, I, 48; *Забѣлинъ*, Опыты, I, 49.

⁶⁾ *Викторовъ*, Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, I, 287.

⁷⁾ *Ibidem*.

⁸⁾ *Есиповъ*, I, 206.

⁹⁾ *Ibidem*, I, 205.

¹⁰⁾ *Ibidem*, I, 278.

¹¹⁾ *Ibidem*, I, 264—265.

Говоря о замужествѣ Ненилы, И. Е. Забѣлинъ сообщаетъ, что молодой царь пожаловалъ своей кормилицѣ на приданое тысячу рублей въ два приема: 1-го мая и 30-го августа 1684 года. „Сумма по тому времени весьма значительная“, замѣчаетъ онъ ¹⁾. Наше же вниманіе останавливаетъ также и то обстоятельство, что въ документахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ двойномъ пожалованіи по 500 рублей, имя Ненилы встрѣчается только одинъ разъ, 30-го августа ²⁾: подъ 1-мъ же мая отмѣчено, что деньги взяты „на дачу кормилицѣ“, безъ упоминанія ея имени ³⁾. Почему въ этомъ случаѣ не могла подразумеваться вторая кормилица? Конечно, тогда бы пришлось допустить случайность совпаденія почти одновременнаго выхода замужъ обѣихъ кормилицъ, что одно уже отзывается нѣкоторою искусственностью; но въ такомъ случаѣ не только цифра пожалованія перестала бы такъ сильно бросаться въ глаза своими крупными размѣрами, но и получилось бы объясненіе четырехмѣсячному промежутку времени между двумя выдачами: трудно допустить, что, ставши невѣстою, Ненила оставалась ею, по тогдашнимъ понятіямъ, сравнительно такъ долго; а если свадьба ея была сыграна вскорѣ послѣ 1-го мая, то подарокъ 30-го августа „вмѣсто приданого“ явился бы нѣсколько запоздалымъ. Но, сознаемся, все это лишь соображенія, требующія еще дальнѣйшихъ подтвержденій.

В) Мамы.

Мамъ у Петра Великаго послѣдовательно было двѣ: княгиня Ульяна Ивановна Голицына и боярыня Матрена Романовна Леонтьева. Въ болѣе раннихъ трудахъ своихъ И. Е. Забѣлинъ, перечисляя этихъ мамъ, дважды ставитъ Леонтьеву впереди Голицыной ⁴⁾, давая поводъ думать, что въ соответственномъ порядкѣ онъ признаетъ и смѣну одной другою. Тотъ же порядокъ сохраненъ и у Устрялова ⁵⁾, а вслѣдъ за нимъ и у Погодина ⁶⁾.

¹⁾ Опыты, I, 49—50.

²⁾ *Есимовъ*, I, 48.

³⁾ *Ibidem*, I, 45.

⁴⁾ Бытъ русскихъ царей. *Отеч. Записки* 1854, № 6, стр. 48, и *Бытъ русскихъ царей*, изд. 2-е, стр. 508.

⁵⁾ *Исторія цар. Петра Великаго* I, 8.

⁶⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 10. Показаніе *Петрова* (Петръ Великій, послѣдній царь московскій. С.-Пб. 1872, стр. 6): „старшею мамой назначена боярыня М. Р. Леонтьева, а *всрочною боярынею* княгиня У. И. Голицына“—ошибочно въ

Чѣмъ руководились названные историки, мы не знаемъ. Не вліяніе ли это „Книги дядькамъ и мамамъ и боярынямъ верховымъ и стольникамъ царевичевымъ“, гдѣ въ мамахъ Петра показана, въ самостоятельной рубрикѣ, одна лишь Леонтьева, тогда какъ Голицына обозначена мамою царевича Симеона, и только въ видѣ добавленія о ней упомянуто, что она „послѣ была царевича Петра Алексѣевича“¹⁾?

Какъ бы ни было, но предложенный порядокъ невѣрнъ: по времени, Голицына была первою мамою. Это, впрочемъ, призналъ нѣсколько позже и И. Е. Забѣлинъ въ другой статьѣ своей: „Дѣтскіе годы Петра Великаго“²⁾. Онъ только не указалъ основаній своему мнѣнію, а таковыми намъ могутъ служить слѣдующіе факты: уже ко дню крещенія Петра, къ 29-му іюня 1672 года, въ роли мамы появляется не Леонтьева, а Голицына³⁾; та же Голицына въ роли мамы показана 24-го октября 1674 года⁴⁾: въ „Матеріалахъ“ Есипова Леонтьева появляется не раньше 1675 года. Кромѣ того, въ перечнѣ лицъ, составлявшихъ придворный штатъ царицы Натальи Кирилловны, Леонтьева показана и въ мамахъ, и въ боярыняхъ; Голицына же—только въ мамахъ⁵⁾: значить, послѣдняя въ составѣ этого штата совсѣмъ и не была „боярынею“, что вполне понятно, если вспомнить, что еще до рожденія Петра она была въ мамахъ у царевича Симеона, то-есть, въ рангѣ болѣе высокомъ, потому что, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, „первое мѣсто въ женскомъ чинѣ принадлежало боярынямъ, которыя именовались дворовыми или верховыми, а между ними первое мѣсто занимали боярыни мамы малолѣтнихъ царевичей и царевенъ“⁶⁾.

Когда произошла смѣна одной мамы другою, опредѣлить съ точностью невозможно. Голицына въ день свадьбы Натальи Кирилловны состояла при новобрачной въ ея комнатѣ⁷⁾. Въ матеріалахъ Есипова послѣднее упоминаніе о ней относится къ ноябрю 1672 года⁸⁾,

---

самомъ основаніи, по невозможности противопоставлять мамъ верховымъ боярынямъ. Сравни. *Забѣлинъ*, Бытъ царицъ, изд. 2-е, стр. 503.

¹⁾ *Временникъ Общ. Ист. Др. Росс.* IX, Смѣсь, стр. 47. Сравни. также матеріалы о родѣ князей Голицыныхъ въ *Др. Росс. Вислювѣ* XVII, 205.

²⁾ „Въ мамы Петру назначена была сначала княгиня У. И. Голицына, а потомъ боярыня М. Р. Леонтьева“. Опыты, I, 7.

³⁾ *Древн. Росс. Вислюв.* XVII, 205.

⁴⁾ Дворц. Разр. III, 1088.

⁵⁾ *Забѣлинъ*, Бытъ царицъ, 503.

⁶⁾ *Ibidem*, 503.

⁷⁾ Дворц. Разр. III, 877.

⁸⁾ *Есиповъ*, I, 202.

хотя мы и видѣли сейчасъ, что она продолжала состоять въ мамахъ еще въ октябрѣ 1674 года. Составитель описанія рода князей Голицыныхъ говоритъ, что Ульяна Ивановна скончалась „позднѣе 1678 года“, однако безъ указаній на источникъ, что было бы тѣмъ желательнѣе, что, опредѣляя службу княгини при царицѣ „во время ея вдовства“, авторъ одновременно свидѣтельствуемъ, что мужъ У. И. Голицыной, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ, состоялъ въ 1686 году казанскимъ воеводою ¹⁾). При всемъ томъ, кажется, дѣйствительно, „1678“ годъ слѣдуетъ признать приблизительнымъ предѣльнымъ срокомъ ея жизни, такъ какъ въ штатѣ царицы Натальи Кирилловны за 1680 годъ имя Голицыной уже болѣе не встрѣчается ²⁾).

Служба Леонтьевой при хоромахъ царевича Петра съ февраля 1675 по мартъ 1687 года документально засвидѣтельствована у Есипова ³⁾). Леонтьева принимала деньги на покупку вещей, передавала распоряженія царицы, заказывала царевичу игрушки, отдавала въ починку его вещи, слѣдила за его платьемъ, бѣльемъ ⁴⁾).

На второмъ мѣстѣ изъ женскаго персонала, окружавшаго царевича въ первые годы его жизни, стояла боярыня Матрена Васильевна Блохина. Второстепенное положеніе ея сравнительно съ Леонтьевой опредѣляется и разницею въ жалованьи ⁵⁾). Блохина состояла въ штатѣ царицы Натальи боярыней ⁶⁾); раньше же она была казначеей у царицы Марьи Ильиничны ⁷⁾). При Петрѣ она находилась съ первыхъ мѣсяцевъ его рожденія ⁸⁾). Но ея положеніе было иное, чѣмъ мамы. Если имѣть въ виду слова Котошихина: „Да у того-жъ царевича или у царевны бывають приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянка и инныя послужницы“ ⁹⁾—то, можетъ

¹⁾ Кн. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ, т. I, 21. Спб. 1892, стр. 120—121, 514.

²⁾ Забѣлицъ, Бытъ русскихъ царицъ, 509.

³⁾ Есиповъ, I, 78, 207. Сравни. Временникъ Общ. Ист. Др. Росс., IX, Сибирь, стр. 47.

⁴⁾ Есиповъ, I, passim.

⁵⁾ Въ 1681 году она получала жалованья 25 руб., Леонтьева же—30 руб. Есиповъ, I, 23.

⁶⁾ Временникъ, IX, Сибирь 47; Забѣлицъ, Бытъ царицъ, изд. 2-е, 509. Сравни. Есиповъ, II, 342.

⁷⁾ Забѣлицъ, Бытъ царицъ, 526.

⁸⁾ Первое упоминаніе о ней въ Матеріалахъ Есипова, I, 201, подъ 17-мъ октября 1672 года.

⁹⁾ Котошихинъ, изд. 3-е, стр. 19.

быть, Блохина и была таковою *матрью*? Не на этомъ ли основаніи такъ ее и зоветъ г. Астровъ ¹⁾).

Подъ „иными послужницами“, слѣдуя И. Е. Забѣлину ²⁾, надо искать „*казначейю*, на рукахъ которой была царевичева казна, то-есть, бѣлье, платье и разныя другія вещи, и пять *постельницъ*, должность которыхъ объясняется самимъ названіемъ“; та и эти назначались къ каждому царевичу отдѣльно. И дѣйствительно, постельницы, числомъ именно пять, въ штатѣ Петра упоминаются въ документахъ подѣ 1681 г. ³⁾; а казначеею была назначена, съ 18-го января 1679 года, вдова Акулина Васильевна Доможирова ⁴⁾. Съ того же дня эту „новую казначейю“ начинаютъ обшивать и одѣвать ⁵⁾. Въ 1691 году Доможирова состояла уже въ боярыняхъ ⁶⁾.

3) Дядьки.

О наставникахъ и наблюдателяхъ, обыкновенно назначавшихся къ царскимъ дѣтямъ въ XVII вѣкѣ, существуетъ извѣстное показаніе Котошихина: „А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ, для береженія и наученія, боярина, честию великого, тиха и разума, а къ нему придадутъ товарища околичного, или думного человѣка; такъ же изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ столники такихъ же младыхъ, что и царевичъ“ ⁷⁾. Въ примѣненіи къ Петру приведенныя строки приложимы не во всемъ: „приставленнымъ бояриномъ“ былъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ; но „товарищомъ“ у него былъ не одинъ, а два: думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и Тимофей Борисовичъ Юшковъ ⁸⁾, и оба они состояли въ званіи стольниковъ царевича ⁹⁾, далеко не будучи „такихъ же младыхъ“ съ нимъ лѣтъ, особенно если вспомнить, что Тихона Стрѣшнева Петръ Великій величалъ впоследствии „отцомъ“.

¹⁾ Первоначальное образованіе Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1875, № 8, стр. 486.

²⁾ Домашній бытъ русскихъ царей. *Отечественный Записки* 1854, № 6, стр. 48.

³⁾ Съ указаніемъ именъ и фамилій. *Есимовъ*, I, 23.

⁴⁾ *Есимовъ*, I, 20.

⁵⁾ *Ibidem*, I, 222—223.

⁶⁾ *Ibidem*, I, 291, 317.

⁷⁾ *Котошихинъ*, изд. 3-е, стр. 19.

⁸⁾ Юшковъ, показанъ въ „Книгѣ дядькамъ и мамамъ“ также и въ числѣ стольниковъ „съ площади“ у царевича Ивана. *Временникъ*, IX, Смѣсь, 50.

⁹⁾ *Временникъ*, IX, Смѣсь, 51.

Устряловъ ¹⁾, а за нимъ Погодинъ ²⁾ и Петровъ ³⁾ говорятъ о двухъ дядькахъ: Р. М. Стрѣшневѣ и Т. Н. Стрѣшневѣ; но это справедливо лишь въ примѣненіи къ болѣе позднему времени: оба Стрѣшневыхъ названы дядьками во время коронаціи Петра, котораго они держали тогда подъ руки ⁴⁾. Тихонъ занималъ второе мѣсто. Кн. Куракинъ, говоря о событіяхъ 1689 г., называетъ его *поддядькою* ⁵⁾.

Будучи окольнымъ уже въ 1658 г. ⁶⁾, Родіонъ Стрѣшневъ получилъ боярство лишь по смерти царя Алексѣя Михайловича: 8-го февраля 1676 г. еще окошничій ⁷⁾, онъ уже бояриномъ выноситъ Матвѣеву указъ быть воеводою на Верхотурьѣ ⁸⁾. За 1664 г. по сентябрь 1679 г., если не вплоть до 1680 г., можно удостовѣрить его управленіе Сибирскимъ приказомъ ⁹⁾. Современникъ-иностранецъ, сравнивая его въ 1668 г. съ другимъ Стрѣшневымъ, Иваномъ Федоровичемъ, такъ отзывается о немъ: „Онъ гораздо умнѣе Ивана и часто бываетъ употребляемъ государемъ, который его считаетъ неподлежащимъ человѣческимъ страстямъ или выше оныхъ, къ изслѣдованію трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ и къ сбору податей“ ¹⁰⁾.

Приведенное нами показаніе Котошихина о времени, когда царевни съ женскихъ рукъ обыкновенно переходили на попеченіе дядекъ, въ примѣненіи къ Петру Великому остается до сихъ поръ еще невыясненнымъ. Забѣлинъ и Соловьевъ совершенно обходятъ этотъ вопросъ; Устряловъ ¹¹⁾ глухо замѣчаетъ, что „такъ (то-есть, согласно Котошихину), по всей вѣроятности, воспитывали и Петра“, хотя тутъ же по обороту рѣчи даетъ право думать, что появленіе дядекъ Стрѣшневыхъ онъ относитъ къ болѣе поздней порѣ; одинъ только

¹⁾ Исторія царя Петра Великаго, I, 8—9.

²⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 10.

³⁾ Петръ Великій, послѣдній царь московскій, 6.

⁴⁾ *Туманскій*, VII, 30; также *Полн. Собр. Закон.*, II, 421, гдѣ *дядьки*, по ошибкѣ, названы *дьяками*.

⁵⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 57.

⁶⁾ *Акт. Арх. Эксп.*, IV, 149.

⁷⁾ *Акт. Историч.*, V, 2.

⁸⁾ Исторія о невнн. заточеніи бояр. Матвѣева, изд. 2-е, стр. 201. Сравни. *Др. Р. Визитов.*, XX, 130, о пожалованіи его бояриномъ именно въ 1676 году.

⁹⁾ *Акт. Арх. Эксп.* IV, 196; *Акт. Истор.* V, 72. *Др. Росс. Визл.*, XX, 396. Сравни. *Доп. Акт. Истор.*, VII, № 6, IV.

¹⁰⁾ Характеръ вельможъ при царѣ Алексѣе Михайловичѣ. *Спеціальн. Архивъ* 1825, ч. 18, № XXII, стр. 107—108.

¹¹⁾ Исторія царя Петра Великаго, I, 8—9.

Погодинъ ¹⁾ категорически, но безъ всякихъ доказательствъ, утверждаетъ, что послѣ рожденія Петра „*немедленно*“ приставлены къ нему: кормилица, мамы, дядьки, стольники и прочіе прислужники — всѣ заразъ; Петровъ ²⁾, болѣе правильно, устанавливаетъ два періода воспитанія, женскаго и мужскаго, замѣчая, что Стрѣшневъ назначены „*епослѣдствіи*“, послѣ мамы; но, подобно Устрялову, и онъ тоже не указываетъ точнаго времени, ограничиваясь фразой: „по всей вѣроятности, уже при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ“.

Мы рѣшаемся оспорить приложимость Котошихинскаго свидѣтельства къ Петру Великому и утверждаемъ, что приблизительно до семи съ половиною лѣтъ царевичъ продолжалъ оставаться на рукахъ своей мамы Леонтьевой и только въ концѣ 1679 г. перешелъ подъ надзоръ Род. Стрѣшнева.

Разумѣется, для такого утвержденія еще недостаточно опереться на форму выраженія въ словахъ Котошихина: *лѣтъ пяти*, форму, допускающую нѣкоторую растяжимость хронологическихъ предѣловъ. Для рѣшенія вопроса было бы гораздо существеннѣе опредѣлить точное время назначенія дядекъ къ другимъ царевичамъ: но, къ сожалѣнію, наши матеріалы не позволяютъ этого сдѣлать. Хотя по отношенію къ царевичу Ивану мы и въ состояніи констатировать фактъ, что съ восьми лѣтъ у него уже былъ дядька, кн. П. И. Прозоровскій ³⁾; но въ данномъ случаѣ это мало подвигаетъ насъ впередъ.

Съ новаго 7183 года составитель камеръ-фурьерскаго журнала при дворѣ царя Алексѣя Михайловича завелъ было прекрасный обычай отмѣчать при всякомъ „*походѣ*“, государя, то-есть, при всякомъ выѣздѣ его изъ Кремля, кто изъ членовъ царской семьи оставался дома, царю не сопутствовалъ, и при имени каждаго остававшагося въ Кремлѣ отмѣчалъ по именамъ дворецкихъ и дядекъ, состоявшихъ въ его штатѣ. Поэтому можно только сожалѣть, что такой приемъ практиковался въ теченіе очень короткаго промежутка времени, съ конца 1674 г. по смерть царя Алексѣя, но не ранѣе и не позже ⁴⁾— иначе мы несомнѣнно могли бы хотя съ приблизительной точностью опредѣлить время появленія при томъ или иномъ царевичѣ его дядьки

¹⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 10.

²⁾ Петръ Великій, послѣдній царь московскій, 6.

³⁾ Двор. Разр., III, 987, 1013, 1034 и др.

⁴⁾ Раньше и позже Дворцовые Разряды отмѣчали лишь имена тѣхъ, кого „въ Верху“ или „на Москва“ государь оставлялъ на время своего отсутствія. Сравни. III, 744, 755, 760, 763, 778, 803, 913 и IV, 11, 19, 42—43, 44 и др.

и наставника. Теперь же, слѣдя за тѣмъ, что намъ даютъ наличные матеріалы, мы убѣждаемся въ томъ, что за указанный періодъ отдѣльные штаты были у царицы Натальи, царевича Ѳедора, царевича Ивана, у „царевенъ большихъ“, у „царевенъ меньшихъ“; но ни разу ¹⁾ въ этихъ случаяхъ не было упомянуто имени Петра. Мало того. Когда 13-го февраля 1675 г. царица отправилась виѣстѣ съ сыномъ и младшимъ пасынкомъ Иваномъ по монастырямъ: въ Чудовъ, Вознесенскій, и въ Архангельскій соборъ, то за обими царевичами былъ дядька старшаго, Прозоровскій, „да его государевы столники“, то-есть, все того же Ивана ²⁾. Перѣздъ изъ Преображенскаго въ с. Воробьево, 28-го іюня 1675 г., Петръ совершилъ „въ своей каретѣ“, но съ нимъ сѣдѣли: бабка и тетка Нарышкины, другая тетка, жена дяди Ивана Кирилловича, да боярыня М. Р. Леонтьева—все женщины ³⁾. Такимъ образомъ и эти данныя лишь подтверждаютъ то, что никѣмъ и не оспаривалось: при жизни отца у Петра дядекъ еще не было.

Зато болѣе дѣйствительную помощь въ выясненіи интересующаго вопроса окажутъ намъ матеріалы Есинова. Изъ нихъ мы убѣждаемся, что Леонтьева, мама царевича, долгое еще время и послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, виѣстѣ съ своей помощницею, Блюхиной, находятся подлѣ Петра: въ матеріалахъ Есинова, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о приобрѣтеніи вещей для царевича, заготовкѣ платья, бѣлья, покупкѣ игрушекъ—всюду до конца 1679 г. упоминаются обѣ онѣ, особенно первая ⁴⁾. Скрыть ли царевичу Петру потѣшное знамя, 11-го марта 1678 г., или северги къ потѣшнымъ лукамъ изготовить, 5-го ноября того же года, — приказываетъ Ле-

¹⁾ А такихъ случаевъ съ 1-го сентября 1674 г. по смерть царя Алексѣя не считается до сорока.

²⁾ Дворц. Разр., III, 1236; сравн. 1253.

³⁾ Ibidem, III, 1489.

⁴⁾ „Приказываетъ“ и „принимаетъ“ для царевича также и бояринъ Б. М. Хитрово; но одному, но два раза въ этой же роли на страницахъ Есиновскаго „Сборника“ являлись и Арт. Сер. Матаѣевъ, кн. П. П. Прозоровскій; но все это почти исключительно еще при жизни царя Алексѣя (до конца 1676 г.), когда самая близость названныхъ лицъ къ царскимъ покоямъ—Прозоровскаго, по званию дядьки царевича Ивана, а тѣхъ двухъ, какъ лично близкихъ къ государю—естественно, давала имъ многократные случаи становиться въ положеніе вѣстниковъ государственной воли. Съ такимъ же характеромъ однажды, 15-го мая 1679 г., выступаетъ и Ѳ. П. Соковининъ. (См. *Есинов.*, первые 20 страницъ перваго тома). Этотъ Соковининъ съ сентября 1677 г. завідывалъ Мастерской палатой царицы Натальи. *Др. Росс. Вислюв.*, XX, 334.

онтьева; надо ли взять изъ Мастерской палаты сукна багрецу на „колыбель“ (кровать) царевичу, 30-го апрѣля 1679 г. — принимаетъ она же, равно какъ тогда же, 24-го мая, „завѣсь дарагиной алой да желтой яскиныхъ дарагъ, а сказала: быть де тому завѣсу въ предѣлѣ собора Рождества Пресвятыя Богородицы у Никиты Переславскаго Чудотворца, для выхода государя царевича“ ¹⁾ — въ данномъ случаѣ, очевидно, имѣлось въ виду, что царевичъ пойдетъ въ церковь и, по обычаю, онъ долженъ былъ стоять, невидимый народомъ, а самая забота объ этомъ возложена на его маму. Въ августѣ и сентябрѣ 1679 г. мы видимъ подлѣ Петра „робятокъ“: ихъ обшиваютъ кафтанами, кушаками и шапками — и этимъ опять завѣдуетъ Леонтьева ²⁾.

Но стоило 30-го ноября 1679 г. боярину Родіону Стрѣшневу распорядиться изготовленіемъ „потѣшныхъ сабель, палашей и канчѣровъ и топорковъ“ ³⁾, чтобъ имя его съ тѣхъ поръ ⁴⁾ стало постоянно встрѣчаться на страницахъ Есиповскаго „Сборника“. Теперь „принимаетъ“ и „приказываетъ“ уже онъ — и матерію на кафтаны кармазъ, и на занавѣсы къ дверямъ, и на потѣшные пранорцы, на полотѣнца, и на обивку кресель; онъ же и „у кроенья“ самъ стоитъ; онъ же и игрушки теперь покупаетъ ⁵⁾, — то-есть, отправляетъ какъ разъ тѣ самыя функціи, что раньше были возложены на Леонтьеву. Эта же послѣдняя, еще успѣвъ въ одинъ день съ появленіемъ Стрѣшнева, 30-го ноября 1679 г., принять изъ Мастерской палаты сукна полукармазину на кафтанчикъ Петру ⁶⁾, съ этой минуты какъ бы пропадаетъ для комнатъ царевича: ея служба сосредоточивается на приемѣ преимущественно крупныхъ суммъ на расходы царицы Натальи Кирилловны ⁷⁾ и только развѣ изрѣдка и случайно мы видимъ ее въ сферѣ прежней дѣятельности ⁸⁾. Не безъ соотвѣтствія съ сказаннымъ и аналогичная бѣдность данныхъ „Сборника“ относительно

¹⁾ *Есиповъ*, I, 218, 19, 224.

²⁾ *Есиповъ*, I, 226—227.

³⁾ *Есиповъ*, I, 21.

⁴⁾ А Тихона Стрѣшнева—съ іюня 1682 г. *Есиповъ*, I, 233.

⁵⁾ *Есиповъ*, I, 21, 228—230.

⁶⁾ *Есиповъ*, I, 228.

⁷⁾ Уже по воцареніи Петра. *Есиповъ*, I, 25, 26, 30, 32, 47, 263.

⁸⁾ Три раза: 10-го іюня 1680 г.—приняла дараги цѣлѣ желтыя яскины, для харты; 31-го декабря 1684 г.—приняла шелкъ; 10-го марта 1687—выдала чашку для образца заказанныхъ двухъ новыхъ. *Есиповъ*, I, 231, 270, 78.

Блохиной: онъ перестаетъ упоминать о ней приблизительно съ этого же времени ¹⁾).

Чѣмъ бы ни было вызвано столь, повидимому, мало сбѣчное по своей продолжительности оставленіе царевича на попеченіи женщинъ-боярынь,—сказалась ли тутъ утрата Натальею Кирилловною въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича прежняго вліянія и помѣха со стороны Милославскихъ, быть можетъ, намѣренно тормозившихъ образованіе особаго штата и тѣмъ самымъ желавшихъ лишній разъ уколоть ненавистную царицу; или, наоборотъ, ревнивое чувство матери долго боролось съ мыслью о необходимости раздѣлить вліяніе и заботу о дорогомъ дѣтищѣ съ постороннимъ человѣкомъ; тревожная ли недовѣрчивость, легко объяснимая въ положеніи человѣка, окруженнаго тайными врагами, погубившими его близкихъ, встерзавшими его сердце; наконецъ, просто ли материнское нежеланіе выпускать сына изъ-подъ своего крыла—какъ бы ни было, но во всякомъ случаѣ конецъ 1679 г., какъ время перехода царевича на попеченіе Род. Стрѣшневъ, подтверждается еще и съ другой стороны.

Стрѣшневъ, царемъ Ѳедоромъ возведенный въ бояре, въ теченіе 1676—1679 гг. служить не только при „Дворѣ“, но и непосредственно въ штатѣ новаго государя, участвуя между прочимъ и въ его „походахъ“. Въ теченіе 1676 г. ѣдетъ ли государь въ ближнія подмосковныя села Коломенское, Покровское, или въ болѣе отдаленныя монастыри, Звенигородскій и Троице-Сергіевъ, на пять, на десять дней—всюду, въ числѣ другихъ, сопровождаетъ его и Стрѣшневъ ²⁾). Данныя „Дворцовыхъ Разрядовъ“ о свитѣ государя за 1678 г. ³⁾, къ сожалѣнію, значительно бѣднѣе и ограничиваются зачастую общими указаніемъ на „бояръ, окольничихъ, стольниковъ и стряпчихъ по ростиси“, и имя Родіона встрѣчается значительно рѣже: наприимѣръ, въ Звенигородскій монастырь въ этомъ году царь, очевидно, ѣздилъ безъ него ⁴⁾; въ Ивановскій дѣвичій монастырь ходилъ тоже не съ нимъ ⁵⁾; но зато ко всенощной въ монастырь Новодѣвичій, 23-го іюля, и къ литургии, тамъ же, 28-го іюля, Стрѣшневъ государя сопрово-

¹⁾ Въ послѣдній разъ о ней—5-го февраля 1679 г. *Бѣсмолъ*, I, 223.

²⁾ 9-го сентября, 28-го октября, съ 19-го ноября по 1-ое декабря, съ 7-го по 12-ое декабря 1676 г. Дворцовые Разряды, IV, 1, 10—15, 20, 24.

³⁾ Разрядовъ за 1677 годъ не сохранилось.

⁴⁾ Дворц. Разр., IV, 62—63.

⁵⁾ Дворц. Разр., IV, 42.

ждалъ ¹⁾; а въ 1679 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, обычныя поѣздки царя въ Саввинъ Сторожевскій и Троице-Сергіевъ монастыри опять не обходятся безъ Стрѣшнева ²⁾).

Сопровожденіе государя въ походы, длившіеся иногда недѣлю и болѣе, едва ли были совмѣстимы съ обязанностями дядьки. Знаменательно и то, что „Дворцовые Разряды“ упоминаютъ имя Родіона въ свитѣ Федора Алексѣевича въ послѣдній разъ въ сентябрѣ 1679 г. — и сколько потомъ ни выѣзжалъ государь изъ Москвы — а такихъ выѣздовъ было довольно ³⁾— всѣ они обходятся уже безъ Стрѣшнева, — и это, конечно, потому что съ осени 1679 г. Стрѣшневъ былъ уже приставленъ къ царевичу Петру.

Х.

Преображенское и Кремль въ жизни царевича Петра (до 1682 г.).

Къ числу не совсѣмъ правильныхъ представленій о событіяхъ ранняго дѣтства Петра Великаго слѣдуетъ отнести и сбивчивость въ пониманіи того, гдѣ собственно, въ какихъ мѣстахъ проводилъ царевичъ эти годы, выѣзжалъ ли куда изъ Кремля и какъ часто. Касательно самыхъ раннихъ лѣтъ жизни, когда ребенокъ находился подъ надзоромъ не только матери, но еще и отца, высказано два мнѣнія; но ни то, ни другое не можетъ быть принято.

Слова Погодина: „отецъ и мать брали, кажется, вездѣ свое дорогое дитя съ собою“ и слѣдующее черезъ страницу указаніе на разнообразіе царской жизни, доставляемое путешествіями по селамъ дворцовымъ: Преображенскому, Измайлову и Воробьеву, а также „отдаленнымъ богомольямъ къ Троицѣ-Сергію, въ Саввинъ монастырь, къ Іосифу Волоколамскому, къ Шафнутію Боровскому, на Пѣсноши, на Угрѣшу“ ⁴⁾ — могутъ навести на ложную мысль, будто бы царевичъ Петръ еще при жизни отца посѣщалъ эти четыре послѣднихъ обители, чего на самомъ дѣлѣ не было. Съ другой стороны, если Погодинъ слишкомъ расширяетъ рамки пребыванія Петра, то Устряловъ, повидимому, готовъ былъ слишкомъ ссузить ихъ: „Первые годы младенчества“ — говоритъ онъ — „Петръ провелъ большею частію въ

¹⁾ Дворц. Разр., IV, 54—55.

²⁾ Дворц. Разр., IV, 95, 105.

³⁾ Дворц. Разр., IV, 105—192.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 13, 15.

подгородномъ селѣ Преображенскомъ¹⁾, что придаетъ всему заявленію нѣкоторую исключительность и односторонность. Въ томъ же духѣ высказываются и болѣе поздніе изъ нашихъ историковъ, говоря, что „первые годы младенчества Петръ провелъ большею частью въ Преображенскомъ, гдѣ родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петровой, и Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу“²⁾.

Что же касается до времени, непосредственно слѣдовавшаго за смертію царя Алексѣя, то-есть до періода царствованія Федора Алексѣевича, то тутъ наша литература представляетъ гораздо болѣшую согласованность мнѣній, — именно преобладаетъ взглядъ, будто бы царица Наталья Кирилловна съ сыномъ пришлось, подъ давленіемъ господствовавшей партіи Милославскихъ, чуть не покинуть Кремль и уединиться все въ то же Преображенское. Такъ, Устряловъ говоритъ: „Удаляясь придворныхъ крамолъ и дерзкаго властолюбія царской няньки, Наталья Кирилловна жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ“³⁾; Погодинъ, сообщая о ссылкѣ Матвѣева въ Пустозерскъ, выражается: „ужасное извѣстіе должно было усилить горестъ обитателей Преображенскаго“⁴⁾ и въ другомъ мѣстѣ: „ей самой съ сыномъ жить въ совершенномъ одиночествѣ стало не совѣмъ приятно“⁵⁾. Новѣйшій авторъ труда, посвященнаго специально описанію Преображенскаго, говоритъ: „Царица Наталья и ея родственники, удалившись отъ придворныхъ крамолъ, жили большею частью въ селѣ Преображенскомъ съ малолѣтнимъ Петромъ“⁶⁾. Даже Соловьевъ⁷⁾ косвенно позволяетъ указанному мнѣнію искать у него поддержки: „мачиха была удалена“, замѣчаетъ онъ по поводу обстановки, при какой произошло воцареніе Федора; и развѣ только у И. Е. Забѣлина можно найти, но тоже только косвенное, указаніе, что объ эту пору постояннымъ пребываніемъ Наталья Кирилловны было не Преображенское, а Кремль: говоря, что Кремлевскій дворецъ съ наступленіемъ XVIII вѣка былъ покинутъ вмѣстѣ со всею старинною царской жизни, знаменитый знатокъ нашей московской старины замѣчаетъ при этомъ:

¹⁾ Исторія царствованія императора Петра Великаго, I, 10.

²⁾ *Смннчннъ*, Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. М. 1896, стр. 17.

³⁾ Исторія царствованія императора Петра Великаго, I, 13.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, 18.

⁵⁾ *Ibidem*, вслѣдованія, 106.

⁶⁾ *Смннчннъ*, 18.

⁷⁾ Исторія Россіи, XIII, 220.

„Петръ оставилъ дворець еще отрокомъ, вскорѣ послѣ перваго бунта стрѣльцовъ. Онъ переселился тогда съ своими потѣхами въ Преображенское, которое съ того времени сдѣлалось его резиденціею“¹⁾. И, дѣйствительно, подобно тому какъ неправильно было бы представлять Преображенское главной резиденціей царевича въ періодъ 1672—1676 гг., столь же ошибочно будетъ приурочиваніе къ этому мѣсту его постоянного житья-бытья и въ 1676—1682 гг.

Извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ любилъ свои загородные дворцы и нерѣдко наѣзжалъ туда; извѣстно также, съ какой благочестивою ревностію совершалъ онъ ежегодныя богомолья въ болѣе отдаленные монастыри, въ дни ихъ престольныхъ праздниковъ. До конца жизни не отступая отъ этого какъ бы разъ навсегда установленнаго порядка, онъ, однако, послѣ вторичной женитьбы, повидимому, гораздо чаще, а главное на болѣе долгіе сроки сталъ гостить въ подмосковныхъ селахъ, проводя тамъ со своей семьей цѣлыя недѣли, а иногда даже и мѣсяцы. При этомъ Воробьевы горы служили обыкновенно лѣтнею резиденціею; въ Коломенскомъ чаще гостили наѣдомъ, приурочивая свои посѣщенія къ опредѣленнымъ днямъ: въ Преображенскомъ дворцѣ пережидали осеннюю непогоду и находили удовольствіе встрѣчать въ немъ и зимній первоутокъ. Въ этихъ-то подмосковныхъ селахъ, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, былъ гостемъ и Петръ; изъ дальнихъ же монастырей онъ ѣздилъ за это время лишь въ Троице-Сергіевъ и Саввинъ-Звенигородскій²⁾.

Первымъ выѣдомъ для Петра за черту города Москвы была едва ли не поѣздка въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ октябрѣ 1673 г. Здоровье государыни, должно быть, еще не успѣвшей вполне оправиться послѣ рожденія дочери Натальи³⁾, помѣшало царскому семейству приурочить свое богомолье въ знаменитую обитель къ главному церковному празднику—къ 25-му сентября: лишь 5-го октября государь отправился туда, по выраженію современнаго свидѣтельства, „съ го-

¹⁾ Домашній бытъ русскихъ царей, изд. 3-е, стр. 110.

²⁾ Показаніе Погодина о монастыряхъ Волоколамскомъ, Николо-Иѣсношскомъ, Пафнутіево-Боровскомъ и Николо-Угрѣйскомъ въ примѣненіи къ Петру Великому придется отвергнуть не только потому, что Дворцовые Разряды 1672—1676 гг. молчатъ о посѣщеніи ихъ царскою семьей, но и потому, что поѣздки туда, хотя бы даже по одному разу, оказались бы довольно затруднительными и въ общемъ довольно частыми, въ виду той медленности, съ какою совершались „походы“ царскаго Двора къ отдаленнымъ монастырямъ, и сложности обстановки, требующей многосотенной свиты и громадныхъ перевозочныхъ средствъ.

³⁾ Царевна Наталья родилась 22-го августа 1673 г. *Туманскій*, V, 138.

сударынею царицею, и съ царевичами, и съ царевнами¹⁾. Путешествіе длилось три недѣли и закончилось тоже трехнедѣльнымъ пребываніемъ въ Преображенскомъ. Возвращеніе въ Москву послѣдовало 14-го ноября¹⁾.

И въ слѣдующемъ, 1674 году, переѣздъ за городъ начался предварительно съ благочестиваго подвига — съ богомолья въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Обитель преп. Саввы, ученика многопреславнаго Сергія Радонежскаго, уже въ силу своей духовной связи съ Троицкой обителью, пользовалась въ XVII столѣтіи большимъ уваженіемъ. Еще осенью, привезя жену и дѣтей изъ Преображенскаго, государь съ старшимъ сыномъ ѣздилъ туда ко дню памяти препод. Саввы²⁾; но теперь, 14-го мая 1674 г., онъ отправился туда „со всѣмъ своимъ государскимъ домою“, подобно прошлогодней поѣздкѣ къ Сергію. Передвиженіе и на этотъ разъ совершалось очень медленно: царская свита была громадныхъ размѣровъ: однихъ дворянъ за царицею ѣхала цѣлая сотня. Изъ монастыря царская семья проѣхала прямо на Воробьевы горы и жила тутъ до начала іюля³⁾.

Позднею осенью и въ началѣ зимы 1674 г. мы застаемъ царскую семью снова въ Преображенскомъ. Поѣздку къ Троицѣ, къ 25-му сен-

¹⁾ Къ Троицѣ прибылъ 16-го октября вечеромъ. обратно выѣхали 17-го, въ Преображенское „совсѣмъ“ пришелъ 26-го. 14-го ноября царица съ дѣтьми и съ царевнами „пришла изъ с. Преображенскаго къ Москвѣ“, а царь, не забывая въ столицу, проѣхалъ одинъ на нѣсколько дней въ Коломенское. Дворц. Разр. III, 906—908. *Строевъ*, Выходы, 563.

²⁾ Дворц. Разр., III, 913.

³⁾ Остановки на пути были устроены въ с. Хорошовѣ, Костяниѣ, Павловскѣ и въ самомъ монастырѣ. Прямыхъ указаній на то, куда именно вернулась царская семья изъ Звенигорода, не имѣется; но за Воробьево говорятъ: поѣздка отсюда государя въ Москву въ теченіе іюня и указаніе, что онъ „со всѣмъ своимъ государскимъ домою“ пріѣхалъ отсюда же въ столицу 7-го іюля (Дворц. Разр. III, 956—960; *Строевъ*, Выходы, 574—577). Избѣгая возможнаго недоразумѣнія, считаемъ необходимымъ предупредить, что содержаніе главы XXXIII „Выходовъ“ Строева, на стр. 562—577, мы относимъ не къ 7181 году, какъ тамъ показано, а къ 7182-му. Въ этомъ убѣждаютъ: а) несовпаденія хронологическія: напримѣръ, „маія въ 14 день, въ четвергъ“ не могло прійтись въ 1673, а только въ 1674 г.; б) тожество событій, отмѣченныхъ подъ соответственными числами, въ Дворц. Разрѣдахъ за 1674 годъ. Сравни 14, 21-го мая, 23-го іюня, 7-го іюля (Выходы, 574—577; Дворц. Разр. III, 956—960). Ошибка, допущенная Строевымъ, ввела въ заблужденіе и Устрялова, который говоритъ, что „осенніе мѣсяцы 1673 г. утрачены“ (Ист. п. Петра Великаго I, 262). Устрялову слѣдуетъ и Погодинъ (Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 236, примѣч. 19).

тября, въ этомъ году царь совершилъ одинъ, безъ семьи ¹⁾; но зато 25-го октября онъ опять „со всѣмъ своимъ государскимъ домою“ изволилъ идти въ село Преображенское ²⁾. На этотъ разъ государь переѣзжалъ надолго; членамъ боярской думы было приказано съѣзжаться изъ Москвы по четыре раза въ недѣлю „для сидѣнья“ и подачи челобитень ³⁾. Правда, живя въ загородномъ дворцѣ, Алексѣй Михайловичъ неоднократно навѣщалъ столицу, но всегда одинъ, точно также одинъ съѣзжалъ онъ изъ Преображенскаго и въ Саввинъ монастырь ⁴⁾; совмѣстныхъ же выѣздовъ „съ государынею царицею, и съ государя царевичи и государыни царевны“ за это время было лишь два, 7 и 8-го декабря: въ село Измайловское—„тѣшиться и всякаго строенья смотрѣть“, и въ село Алексѣевское—просто „тѣшиться“, то-есть, на охоту ⁵⁾. Возвращеніе въ Москву на зимнее пребываніе состоялось 13-го декабря ⁶⁾.

Зима съ ея рождественскими праздниками, шумной масляницей, великимъ постомъ и Пасхою, столь богатая сложными обрядами и обязанностями, свято чтимыми обитателями Кремля, проводилась исключительно въ столицѣ ⁷⁾; но съ наступленіемъ постоянного тепла и съ приближеніемъ лѣта государя снова тянуло на деревенскій просторъ. На этотъ разъ внѣ Москвы провели все лѣто 1675 г., съ конца мая вплоть до половины сентября. Начали съ Воробьевыхъ горъ, а черезъ мѣсяць перекочевали въ Преображенское, гдѣ гостили однако всего одну недѣлю, да и ту раздѣливъ съ Измайловымъ, куда успѣли заглянуть дважды, и снова вернулись на Горы праздновать именины царевича Петра. Отсюда царь Алексѣй, страстный охотникъ, однажды повезъ на соколиную охоту, подъ Новодѣвичій монастырь, не только старшаго, но и младшаго сына съ матерью. Дѣлались также поѣздки и въ Коломенское. Здѣсь, въ своемъ затѣйливо построенномъ дворцѣ, 2-го сентября, царь Алексѣй давалъ аудіенцію цесарскому послу Боттони, при чемъ произошелъ тотъ общезвѣст-

¹⁾ Дворц. Разр., III, 1088 слѣд.

²⁾ *Отрогъ*, 587; Дворц. Разр., III, 1089.

³⁾ Дворц. Разр., III, 1095.

⁴⁾ Дворц. Разр., III, 1096—1125.

⁵⁾ Дворц. Разр., III, 1128—1130.

⁶⁾ Дворц. Разр., III, 1135—1136; *Отрогъ*, 559.

⁷⁾ Иарѣдка, впрочемъ, царь выѣзжалъ изъ столицы, но всегда одинъ и на короткое время, быть можетъ, даже иногда съ ночевой. Дв. Разр. III, 1183, 1200, 1289, 1378, 1388.

ный случай, приведенный у Лизека ¹⁾, когда нетерпѣливое или неразсчитанное движеніе маленькаго Петра, открывшаго дверь, за которою мать его наблюдала эту аудіенцію, дало возможность послу и его свитѣ увидѣть царицу — случай, кстати замѣтить, нашими историками слипкомъ ужъ подчеркиваемый, въ силу, можетъ быть, излишняго рвенія даже въ случайныхъ фактахъ находить выраженіе живаго и подвижнаго характера Петра ²⁾.

¹⁾ Любопытно, что самъ Боттони, сообщая вѣнскому двору о своей аудіенціи, тамъ, гдѣ онъ касается этого эпизода, передаетъ его далеко несходно съ Лизекомъ. Вотъ его слова: „Ex binis portis, quae ab utroque throni latere rannis ex viridi holloserico pendulis parce tegebantur, vidimus furtive quasi prospicientes cum matre filios filiasque scari“. (Возможностью пользоваться донесеніемъ Боттони, хранящимся въ Вѣнскомъ Тайномъ архивѣ, мы обязаны любезному содѣйствію Э. Э. Фере).

²⁾ 24-го мая 1675 г. переѣздъ всей семьи изъ Москвы въ Воробьево (*Строевъ*, 598; Дв. Р., III, 1406); 19-го іюня—переѣздъ изъ Воробьева въ Преображенское и на другой день прогулка („гѣшиться“) большей части членовъ семьи (въ томъ числѣ и Петра) въ с. Измайлово, откуда вернулись 2 часа спустя послѣ заката солнца (Дв. Р., III, 1471—1475). Въ Измайлово же ѣздили и 26-го іюня (*ibid.*, 1488—1484); хотя Петръ на этотъ разъ и не упомянутъ, но его нѣтъ и въ числѣ оставшихся въ Преображенскомъ, — не упомянуть же его „Дворцовые Разряды“ едва ли могли, если 20-го іюня отмѣтили у себя даже его младшихъ сестеръ, въ этотъ день, по приѣздѣ съ Воробьевыхъ горъ, оставшихся въ Преображенскомъ и вмѣстѣ съ другими не поѣхавшихъ въ Измайлово. 28-го іюня—возвращеніе на Воробьевы горы (*ibid.*, 1487). 1-го іюля „гѣшится великій государь подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ лугахъ и на водахъ, съ соколами и гречатами и съ ястребами“ вмѣстѣ съ царицей, старшими и младшими сыновьями (*ibid.* 1501—1502). 14-го іюля—переѣздъ всѣхъ съ Воробьевыхъ горъ въ Коломенское; обратно на Воробьево — 26-го іюля (*ibid.* 1536, 1557. *Строевъ*, 600); опять съ Воробьевыхъ въ Коломенское всѣмъ домою—29-го августа (*Строевъ*, 603. Умалчивая о 29-мъ августа, „Дворц. Разряды“ указываютъ (III, 1618), въ противоположность Строеву, на 26-е августа, какъ на день переѣзда; между тѣмъ, судя по „Выходамъ“, 602, дни 26 и 27-го царь съ царевичемъ провели на Воробьевыхъ, слушая литургію въ тамошней полотняной церкви; да и всенощную (то-есть, раннимъ утромъ) 29-го августа царь слушалъ въ Воробьевѣ же. Въ пользу отнесенія переѣзда именно къ этому дню говоритъ и слѣдующее мѣсто Дв. Разрядовъ, III, 1630: „Августа въ 29 день праздновалъ великій государь ангелу г. ц. и в. кн. Ивана Алексѣевича въ селѣ на Воробьевой горѣ. И былъ в. г-рю выходъ къ обѣднѣ къ празднику къ Ивану Предтечи въ селѣ къ Коломенскому“. Изъ *Есмюса*, I, 15, 209 видно, что 30-го августа и 1-го сентября царевичъ Петръ находился въ Коломенскомъ. Объ аудіенціи 2-го сентября послу Боттони см. Сказаніе Лизека, *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1887, № 11, стр. 356. Въ Коломенскомъ пробыли недолго, потому что уже 12-го сентября состоялось возвращеніе Двора въ Москву изъ Воробьева (*Строевъ*, 605).

Во второй половинѣ сентября 1675 г. весь Дворъ отправился на обычное церковное торжество къ Троицѣ ¹⁾; но окончаніи паломничества государь еще разъ провелъ со всей семьей нѣсколько недѣль въ Преображенскомъ (съ 9-го ноября по 15-е декабря) ²⁾, но это былъ уже его послѣдній „походъ“: черезъ полтора мѣсяца Алексѣя Михайловича не стало ³⁾.

Съ воцареніемъ Θεодора, съ изгнаніемъ Матвѣева для Натальи Кирилловны, а значить и для Петра, прекратились ихъ прежніе выѣзды въ загородные дворцы—о прежнихъ гостинахъ подолгу въ Преображенскомъ или на Воробьевыхъ не было теперь и помину. Данные, заключающіяся въ „Сборникѣ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, Есипова, и въ „Описаніи записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ“, Викторова, даютъ право утверждать, что Кремль сталъ теперь постояннымъ пребываніемъ вдовы царя Алексѣя. Въ дворцовыхъ записяхъ того времени, при взносѣ въ царскіе покои той или иной вещи обыкновенно довольно тщательно обозначалось, куда именно эта вещь подается: „въ походъ“ или „въ хоромы“,—при чемъ „походъ“ означалъ всегда тотъ загородный дворецъ или окрестный монастырь, гдѣ въ данную минуту находился государь или одинъ изъ членовъ его семьи, „хоромы“ же безъ спеціальнаго указанія—всегда дворецъ Кремлевскій. Вотъ эти-то хоромы почти исключительно и упоминаются въ названныхъ сборникахъ ⁴⁾ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о царицѣ Натальѣ или о Петрѣ. Можно лишь сожалѣть, что подобныя отмѣтки

Дни обычныхъ посѣщеній царемъ Алексѣемъ с. Коломенскаго см. у *Корсакова*, Село Коломенское. М. 1870, стр. 16.

¹⁾ Съ 19-го сентября по 3-е октября. Объ участіи въ этомъ походѣ *есей* царской семьи имѣется свидѣтельство лишь одного *Лизека*, стр. 362—371; „Выходы“ (606, 608) говорятъ лишь о царѣ и его старшемъ сынѣ, а „Дв. Разряды“ за эти числа утрачены.

²⁾ *Строевъ*, 609—611.

³⁾ Что до *способовъ* передвиженія, то 25-го октября 1674 г. Петръ сидѣлъ въ коляскаѣ съ матерью, сестрами, мамами, бабкой и теткой, состоявшими въ ближнихъ у царицы (Дв. Разр. III, 1091); 19-го іюня 1675 г. изъ Воробьева въ Преображенское съ отцомъ, матерью и братомъ Θεодоромъ, 20-го іюня 1675 г. изъ Преображенскаго въ Измайлово—имѣлъ съ отцомъ и старшимъ братомъ (*ibid.*, 1474), 28-го іюня 1675 г. въ Воробьево, „въ своей каретѣ“—опять на пошеченіи женщннъ: мамы, бабки и двухъ тетокъ (*ib.*, 1489), а 19-го сентября 1675 г. къ Троицѣ—одинъ въ каретѣ, подаренной ему Матвѣевымъ (описаніе ея *ibid.*, 1419).

⁴⁾ Нѣсколько однородныхъ данныхъ можно найти и въ приложеніяхъ къ „Домашнему быту русскихъ царей“ г. *Забѣлина*.

дѣлались не безусловно каждый разъ, при всякой выдачѣ—иначе мы были бы въ состояніи прослѣдить чуть не недѣля за недѣлей мѣсто-пробываніе Петра—но и наличныхъ указаній, думается, достаточно, чтобы признать московскій Кремль не только постоянною, но почти исключительною резиденціею царевича и его матери за время 1676—1682 гг.

Ровно черезъ два мѣсяца по смерти царя Алексѣя, 29-ю марта 1676 г., отданъ приказъ возможно скорѣе устроить въ хоромахъ царевича оконницу, „такъ чтобъ изъ хоромъ въ сквозе видно было, а съ надворья въ хоромы чтобъ не видно было“¹⁾; 10-ю апрѣля велѣно дѣлать въ серебряной палатѣ обонихъ царевичамъ, Ивану и Петру, по рукоионнику да по лоханѣ²⁾,—надо думать, по связи съ предстоящимъ коронованіемъ новаго царя³⁾; 5-ю мая мама царевича Петра, боярыня Леонтьева, выдаетъ изъ хоромъ его икону для починки⁴⁾. Такимъ образомъ, въ первые мѣсяцы по воцареніи Фелора не только имѣтъ рѣчи объ „удаленіи“ Натальи Кирилловны, но принимаются мѣры для лучшаго устройства въ кремлевскомъ помѣщеніи ея сына, отдаются распоряженія, показывающія, что его обитатели живутъ и сидятъ тамъ крѣпко.

Но, можетъ быть, это продолжалось только до поры до времени, до ссылки боярыня Матвѣева? Однако, и въ теченіе всего послѣдующаго лѣта, 2-ю и 20-ю июня, 11-ю и 27-ю июля, 31-ю августа изъ хоромъ шлются въ Мастерскую палату заказы разнаго рода игрушекъ для ребенка⁵⁾. За послѣднюю треть 1676 года свѣдѣнія наши скуднѣе; но и тѣ, какія имѣются, — 29-ю и 30-ю сентября, 20-ю и 23-ю декабря—тоже приурочены исключительно къ хоромамъ, а не къ „походу“⁶⁾.

За первую половину 1677 г. снова имѣемъ длинный рядъ указаній на разнаго рода платье, скроенное для царевича, или на куски матеріи, предназначенные для комнатныхъ надобностей и поданные въ тѣ же хоромы: 4-ю 5-ю и 17-ю января; 22-ю февраля; 7-ю марта; 8-ю и 13-ю апрѣля; 8-ю и 22-ю мая⁷⁾; 1-ю, 6-ю, 11-ю, 18-ю, 19-ю

¹⁾ Есиповъ, I, 16.

²⁾ Викторовъ, II, 517.

³⁾ Забелинъ, Бытъ царей, изд. 3-е, стр. 678—674.

⁴⁾ Викторовъ, II, 517.

⁵⁾ Есиповъ, I, 17—18.

⁶⁾ Есиповъ, I, 18; Викторовъ, II, 444.

⁷⁾ „Въ средніе сѣни на полъ 3 половинки сукна“.

я, наконецъ, 29-го *июня*, когда, очевидно, по поводу именинъ пятилѣтняго ребенка, столъ въ его комнатахъ покрытъ былъ повою суконною скатертью, а наканунѣ кресла обиты рудожелтымъ бархатомъ съ широкимъ золотнымъ галуномъ¹⁾. Еще за двѣ недѣли передъ этимъ молодой царь, будучи въ Измайловскомъ на Запасномъ дворѣ, раздавалъ лицамъ своей свиты посуду, выдѣлывающуюся на тамошнемъ стеклянномъ заводѣ, устроенномъ еще покойнымъ государемъ. Вѣроятно, по приказу, а, можетъ быть, и по личному выбору Федора, на другой день, 14-го *июня*, былъ отправленъ цѣлый ассортиментъ стекла, совмѣстно съ однородной посылкой царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, Натальѣ Кирилловнѣ въ ея „хоромы“, — конечно, все тѣ же кремлевскія²⁾. Кажется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что лѣто 1676 г. царевичъ Петръ оставался въ Москвѣ, никуда не выѣзжая. 11-го *июля*, когда ребенку сдѣлали потѣшныя поля, по домыслу И. Е. Забѣлина³⁾, „вѣроятно, къ маленькимъ шатрамъ“, — намъ всего естественнѣе было бы ожидать встрѣтить эти шатры за городомъ, на вольномъ воздухѣ и просторѣ полей, — но таковыя ожиданія остались бы напрасными; очевидно, даже и жаркую июльскую пору царица проводила въ столицѣ, и мальчикъ долженъ былъ довольствоваться той *потѣшной* площадкой, что была расположена недалеко отъ хоромъ⁴⁾, — и характерно, что царевичъ сидѣлъ въ Москвѣ какъ разъ въ тѣ дни, когда старшій братъ, царь, тѣшился, съ 3-го по 21-е *июля*, охотою за Ваганьковымъ, подѣ Воробьевымъ, въ селѣ Покровскомъ, Преображенскомъ и Соловецкой пустынѣ⁵⁾.

Мы далеки отъ мысли заключать отсюда, что если не Преображенское, то Кремль сталъ мѣстомъ невольнаго уединенія вдовствующей царицы: сидѣнье тамъ складывалось само собою, помимо личныхъ отношеній къ Федору и его сестрамъ и теткамъ. Смерть Алексѣя Михайловича разрушила *единство семьи*, которую тотъ объединялъ въ своемъ лицѣ, и потому-то, даже помимо какихъ-либо „интригъ“, выѣзды Федора совершались теперь самостоятельно, отъ его собственнаго имени и независимо отъ выѣздовъ мачихи; положеніе же послѣдней, какъ вдовы, сокращало ея собственные выѣзды до минимума. Конечно, нелады между двумя дворами съ своей стороны еще болѣе

¹⁾ *Евсиновъ*, I, 211—214.

²⁾ *Забѣлинъ*, Бытъ царей, изд. 3-е, стр. 548.

³⁾ *Опытъ*, I, 17.

⁴⁾ *Забѣлинъ*, Бытъ царей, изд. 3-е, стр. 79.

⁵⁾ *Викторскъ*, II, 446.

содѣйствовали замкнутости жизни царицы и они-то, главнымъ образомъ, придали видъ „невольнаго уединенія“ и даже „изгнанія“ тому, что выросло изъ условій гораздо болѣе нормальныхъ и неизбѣжныхъ. Съ другой стороны мы далеки и отъ мысли въ молчаніи источниковъ о посѣщеніи царицею загородныхъ дворцовъ видѣть непремѣнное доказательство полнаго ея тамъ отсутствія: для насъ важно подчеркнуть иное: чѣмъ чаще встрѣчаются указанія на пребываніе царицы въ Кремлевскомъ дворцѣ, тѣмъ менѣе вѣроятности допустить частое и долговременное появленіе ея въ дворцахъ подмосковныхъ.

27-ю іюля 1677 г. въ хоромахъ царевича обшиваются грядки въ передней; 25-ю августа изготовлены три шапки суконныхъ съ соболями, да тѣлогрѣя холодная ¹⁾, — повидному, приготовленіе къ выѣзду, который, дѣйствительно, наши источники и упоминаютъ *случае*: дни 29-ю, 30-ю и 31-ю августа показаны „въ походѣ въ селѣ Коломенскомъ“ ²⁾ — побывать тамъ около новаго года было заведеннымъ обычаемъ для царской семьи еще со времени покойнаго государя ³⁾. Въ теченіе послѣдующихъ двѣнадцати мѣсяцевъ наши матеріалы, въ данномъ случаѣ „Книга кроельная платью в. г. царевича Петра Алексѣевича на 186 годъ“, подробно отмѣчая каждую выдачу, къ сожалѣнію, одинъ только разъ, именно 5-ю августа 1678 г., говорить опредѣленно о „хоромахъ“ ⁴⁾; но именно потому, что „Книга“ совершенно молчитъ о „походахъ“, бывшихъ, съ ея точки зрѣнія, менѣе обычнымъ явленіемъ, мы въ правѣ заключать, что и за это время не загородные дворцы, а стѣны Кремля видѣли внутри себя Петра съ его матерью. Недаромъ же и счетъ, поданный 13-ю іюля 1678 г. на заказанные и изготовленные для Двора „всякіе государевы скорые верховые дѣла“, въ числѣ многихъ другихъ предметовъ, упоминаетъ и о ларцѣ аспидномъ зеленомъ „въ хоромы къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ“ ⁵⁾.

22-ю августа 1678 г. встрѣчаемъ *историческое* указаніе на Коломенскій походъ ⁶⁾, — и это, конечно, опять-таки по связи съ обычной поѣздкою туда около Новаго года. 13-ю и 14-ю сентября царевичъ безспорно снова въ Кремлѣ; о томъ же свидѣтельствуютъ и данныя

¹⁾ *Есимовъ* I, 215.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ Сравни. *Корсаковъ*, Село Коломенское. М. 1870, стр. 16.

⁴⁾ *Есимовъ*, I, 220.

⁵⁾ *Забѣлины*, Быть царей, изд. 8-е, стр. 676.

⁶⁾ *Есимовъ*, I, 221.

въ матеріалахъ Есипова подъ 24-мъ октября, 23-мъ и 25-мъ ноября, 17-мъ и 25-мъ декабря 1678 г., 18-мъ января, 5-мъ и 24-мъ февраля, 28-мъ марта, 18-мъ июня, 2-мъ, 5-мъ, 7-мъ и 18-мъ августа, 8-мъ, 26-мъ и 29-мъ сентября, 30-мъ ноября, 2-мъ, 13-мъ и 22-мъ декабря 1679 года,—ни разу за весь этотъ почти полуторагодовой періодъ времени не обмолвись о „походѣ“¹⁾.

За 1680 годъ имѣемъ указанія на 15-е²⁾ и 20-е января, 12-е и 17-е февраля, 24-е марта, 2-е и 9-е апреля, 8-е и 10-е июня³⁾. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія отмѣтки становятся крайне скудны: 1681 годъ вообще, безъ всякаго отношенія къ его содержанию, въ матеріалахъ Есипова, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ⁴⁾; при всемъ томъ нѣкоторую нить можно найти и за послѣдніе полтора года до воцаренія Петра: 23-го сентября 1680 г. обиваются „новыя хоромы“ царевича одновременно съ верхними и нижними хоромами царевенъ⁵⁾, а 24-го декабря того же года, къ рождественскимъ праздникамъ, лавки и полавочки въ крестовой царицы Натальи покрываются новымъ сукномъ, одновременно съ тѣмъ, какъ тѣмъ же сукномъ настилаютъ полы у царевенъ⁶⁾. Изъ „Записной книги указовъ и памятей приказа Большаго Дворца объ отпускѣ лѣсныхъ запасовъ къ дворцовымъ и церковнымъ постройкамъ въ Москвѣ и въ дворцовыхъ селахъ“ явствуетъ, что ремонтъ помѣщеній, гдѣ жилъ царевичъ въ Москвѣ, между прочимъ, лѣстницъ, „гдѣ всходятъ съ кушаньемъ ко государыни царицы Натальи Кирилловны и государя царевича и в. кн. Петра Алексѣевича“, производился (26-го декабря 1680 г.; ср. 30-го октября) наравнѣ съ починкою другихъ отдѣленій Кремлевскаго дворца, вмѣщавшихъ въ себѣ покой остальныхъ членовъ царской фамиліи,—и видно, что эти „хоромы“ не были какой-либо запасной половиной, на случай пріѣзда, но мѣстомъ, дѣйстви-

¹⁾ Есиповъ, I, 221—224; 20—21; 226—228.

²⁾ Скромныя „въ хоромы къ двери на завѣсь сукна червчатаго авбургскаго полтрети аршина, да засѣсь же кумачный, въ вышину полтрети аршина, въ ширину 2 аршина, который дѣланъ съ походъ“ (Есиповъ, I, 228)—можетъ быть, по образу того, который тогда шился?

³⁾ Есиповъ, I, 228—231; 21—22; Викторовъ, II, 448.

⁴⁾ Страницы 22—23 составляютъ исключеніе слишкомъ незначительное, къ тому же отношенія къ рассматриваемому въ этой главѣ вопросу все же не имѣютъ никакого.

⁵⁾ Забелинъ, Бытъ царей, 647.

⁶⁾ Ibidem.

тельно, занимаемымъ и обитаемымъ ¹⁾). Подъ 20-мъ января 1681 г. названная „Книга указовъ“ упоминаетъ о постройкѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ „мыленки“ для царевича Ивана—о постройкѣ тамъ же „мыленки“ и для царевича Петра идетъ рѣчь и 8-ю сентября 1681 г. ²⁾. 18-ю сентября того же 1681 г. куплена въ „хоромы“ царевичу „шкатуня осьмерикъ“ ³⁾, а 23-ю марта и 13-ю апрѣля 1682 г. поданы ему туда же потѣшные барабаны, присланные въ починку тоже изъ хоромъ ⁴⁾.

Вообще въ то время какъ, даже при бѣгломъ перелистываніи „Сборника“ Есипова за 1674—1675 гг., почти на каждой страницѣ встрѣчаешь по нѣскольку разъ упоминаніе о Преображенскомъ или Воробьевыхъ горахъ, какъ о мѣстѣ „похода“—за все царствованіе Федора Алексѣевича такихъ указаній, какъ мы имѣли случай сейчасъ убѣдиться, нашлось всего два или три,—не болѣе. Легенда о Преображенскомъ, какъ мѣстѣ, куда будто бы царица Наталья Кирилловна съ сыномъ Петромъ была удалена при жизни своего пасынка, должна быть оставлена и лишена права претендовать на значеніе историческаго факта.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Викторозъ, II, 524.

²⁾ Ibidem, 524—525.

³⁾ Ibidem, 528.

⁴⁾ Есиповъ, I, 24.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХІ.

1900.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 96.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату	79
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы	125
IV. Министерскія распоряженія	133
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	149
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	156
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	157
Открытіе училищъ	—
V. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго земледѣлія. 2.	225
И. И. Соловейчикъ. Исслѣдованія о надписи Мини. I—VI (съ ри- сункомъ)	274
Е. Ф. Шиурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XI (продолженіе)	335
И. А. Водуанъ-де-Куртена. Лингвистическія замѣтки	367
Г. Н. Шмелевъ. Объ источникахъ Соборнаго Уложенія 1649 г.	375

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. И. Лапшинъ. С. Аскольдовъ. Основныя проблемы теоріи позна- нія и онтологіи. С.-Пб. 1900	388
Я. Н. Колубовскій. <i>Meil. Enzyklopädisches Handbuch des Blinden- wesens</i>	400
Ф. А. Витбергъ. Н. Абрамовъ. Словарь русскіхъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій	406
— Книжныя новости	418

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н. Каргезъ. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ	9
Н. Каргезъ. Учебная книга новой исторіи	—
Александръ П. Стефановъ. Уроки латинскаго языка.	15
S. Arsenieff und A. Blomerius. Anfangsstufe des methodisch-praktischen deutschen Sprach-Unterrichts	16
A. Blomerius. Mittlere Stufe des methodisch-praktischen deutschen Sprach-Unterrichts	—
К. Я. Бялицкій. Учебникъ нѣмецкаго языка	19
— Краткая нѣмецкая грамматика	—
— Нѣмецкая хрестоматія	—
Е. Воскресенскій. Языкъ важнѣйшихъ привведеній русской словесности XI—XIX вѣковъ	22
Н. Изюмковъ. Краткій курсъ естественной исторіи	23
А. Малининъ. Руководство прямолинейной тригонометріи для гимназій и реальныхъ училищъ	24
А. И. Георгіевскій. Въ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	25

(См. 3-ю стр. обложки).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

XI.

„Замыслы“ боярина А. С. Матвѣева.

Смерть царя Алексѣя Михайловича и послѣдовавшее за нею воцареніе Ѳедора Алексѣевича связаны, въ жизни Петра Великаго, съ рассказомъ о попыткѣ боярина А. С. Матвѣева, отстранивъ Ѳедора, посадить на престолъ его младшаго брата, сына Натальи Кирилловны Нарышкиной. Въ русскихъ памятникахъ объ этомъ событіи нигдѣ не говорится ни слова, не сохранилось никакого упоминанія, даже намека, и самымъ рассказомъ мы обязаны свидѣтельствамъ иноземнаго, и при томъ едва ли не исключительно польскаго, происхожденія. Таковы показанія епископа Залускаго, Таннера и анонимныхъ авторовъ двухъ рассказовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ, одинъ—*Diariusz rabbystwa tyrańskiego*, другой—*Narratio rerum*.

Полное отсутствіе русскихъ свидѣтельствъ о событіи столь выдающемся давно уже вызывало справедливое сомнѣніе въ достовѣрности самаго факта. Еще Г. Ф. Миллеръ указывалъ на несоотвѣтствіе показаній Залускаго съ обстоятельствами, изложенными въ описаніи путешествія и посольства Кленка ²⁾; съ своей стороны Устряловъ обратилъ вниманіе на ошибочность дать у Залускаго и абсолютное молчаніе Матвѣева въ позднѣйшихъ его челобитныхъ изъ Пустозерска ³⁾; Соловьевъ, не вдаваясь въ оцѣнку самыхъ сви-

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

²⁾ Воспитаніе госуд. импер. Петра Великаго. *Туманскій*, V, 188—186.

³⁾ I, 11—12; 263—264.

дѣтельство, сообщаемый ими фактъ считалъ невѣроятнымъ, „потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда давали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться, въ это время не слышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больного Феодора присягнуть маленькому Петру“¹⁾; наконецъ, Замысловскій, всецѣло усвоивъ объясненіе Соловьева, въ добавленіе обращалъ вниманіе на противорѣчія, замѣченныя имъ въ названныхъ иностранныхъ свидѣтельствахъ, и на несовѣстимость рассказываемаго событія съ тѣмъ, что говорится въ описаніи путешествія Кленка и въ *Theatrum Europaeum*²⁾).

Никто однако изъ перечисленныхъ историковъ не далъ обстоятельнаго анализа ни одного изъ четырехъ названныхъ показаній, и каждый, въ предѣлахъ своей главной темы, лишь мимоходомъ коснулся этого вопроса. Гораздо больше вниманія удѣлилъ ему Погодинъ, но его выводы оказались совсѣмъ иного рода, чѣмъ Устрялова и Соловьева. Погодинъ высказалъ убѣжденіе, ничѣмъ впрочемъ не обставленное, что царь Алексѣй, „вѣроятно, думалъ, желалъ, надѣялся“ имѣть своимъ наследникомъ младшаго сына, тѣлесная крѣпость котораго, въ противоположность остальнымъ двумъ сыновьямъ, естественно укрѣпляла въ мысли, что онъ переживетъ и Феодора, и Ивана. Кого бы впрочемъ ни намѣчалъ царь въ свои преемники, онъ, по мнѣнію Погодина, не успѣлъ назначить ни того, ни другого. „Можетъ быть, всѣ дѣти были подведены подъ благословеніе умиравшаго отца, начиная, разумѣется, съ старшаго сына“. Никто спорить при этомъ съ царевнами и ихъ родственниками не могъ, „не имѣя никакихъ основательныхъ возраженій, или не смѣя произнести ихъ. Еслибъ даже отецъ упоминалъ о Петрѣ, то и такія слова могли быть заматы. Царица Наталія Кирилловна въ самую минуту кончины при умирающемъ не было“.

Партія Петра сперва не могла принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, а послѣ не могла помѣшать объявленію Феодора послѣдникомъ. „Но безъ всякаго сомнѣнія, это объявленіе, это событіе имъ было противно, и они вѣрно не только думали и желали, но и обнаруживали свои мысли, можетъ быть, что-нибудь даже дѣлали, напримѣръ, подговаривали кого-нибудь изъ близкихъ къ себѣ бояръ, разсуждали

¹⁾ XIII, изд. 3-е, стр. 220.

²⁾ Царствованіе Феодора Алексѣевича, 215.

явно о положеніи дѣлъ, выражали опасенія о болѣзненномъ состояніи Оедора, и вообще поступали неосторожно, заявляя себя противъ братьевъ въ пользу меньшаго Петра. Польскій референтъ приписываетъ Матвѣеву болѣе явныя дѣйствія. Это и дало поводъ къ слухамъ, переданнымъ иностранцами, и вмѣстѣ дало причину, предлогъ партіи Милославскихъ къ осужденію и наказанію Матвѣева и Нарышкиныхъ, которые сдѣлались ненавистны для нихъ еще со второго брака Алексѣева⁴. Соловьевъ оспариваетъ существованіе замысла позднѣйшимъ отсутствіемъ какихъ-либо обвиненій Матвѣева въ этомъ; но, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, — еще Берхъ, „при всей ограниченности критическаго своего образованія, замѣтилъ, что это отнюдь ничего не доказываетъ: основательнѣе будетъ, говорятъ онъ, «допустить то, что слѣдователи искали извѣстныхъ имъ актовъ (записи въ пользу Петрову) и, не желая объявить прямого ихъ значенія, прикрывали намѣреніе свое отравой и кабалистикою». Да, торжествующая партія сочла неприличнымъ или вреднымъ для себя наводить мысль о возможности быть Петру на престолѣ и накликать такого рода дѣйствія. Такъ точно послѣ, въ осужденіяхъ князя В. В. Голицына и Л. В. Неплюева, другою партіей не выставлены были настоящія ихъ вины, то-есть сообщничество съ царевною Софіей. Вотъ почему новое правительство заблагоразсудило употребить лучше нелѣпость для обвиненія, чѣмъ настоящую правду или подозрѣніе. Еслибъ, наоборотъ, было сочтено полезнымъ обвинить Матвѣева въ преступныхъ покушеніяхъ, то оно не остановило бы ихъ выдумать, какъ это часто въ подобныхъ обстоятельствахъ случалось и случается вездѣ. Главное—Матвѣевъ, по мнѣнію партіи, захватившей власть, былъ сосланъ, какъ человекъ всѣхъ болѣе для нея опасный. Сочинить приговоръ, подобрать вины—дѣло дяковокъ¹⁾.

Мы привели дословно и почти полностью соображенія Погодина, какъ потому, что взглядъ его самый послѣдній по времени изъ всѣхъ высказанныхъ по данному вопросу, такъ и потому, что самый вопросъ этотъ сколько-нибудь подробно и обстоятельно затронуть въ сущности однимъ только авторомъ „Семнадцати первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“—и уже по одному этому съ нимъ необходимо считаться.

На чьей же сторонѣ правда, чье мнѣніе должно быть признано

¹⁾ Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, изслѣдованія, стр. 102—104.

болѣе близкимъ къ истинѣ? Ознакомимся сначала съ источниками интересующаго насъ вопроса.

Епископъ Залускій, въ письмѣ отъ 1-го іюня 1676 г., описывая испанскому нунцію Марескотти коронацію Яна Собѣскаго и засѣданія открывшагося затѣмъ сейма, коснулся при этомъ отношеній Польши къ Турціи и Москвѣ и сообщилъ, по связи съ упомянутой имъ смертью царя Алексѣя Михайловича, о томъ, какъ царица Наталья замыслила было возвести на престолъ своего сына, склонивъ къ тому и Матвѣева; какъ послѣдній охотно ухватился за это предложеніе, въ расчетѣ на управленіе государствомъ до совершеннолѣтія Петра, совѣтуя, однако, не показывать умирающему ребенка и вообще не просить за него, изъ опасенія возбудить въ другихъ мысль о его кандидатурѣ, а, слѣдовательно, и породить опасность противодѣйствія. Но въ рѣшительную минуту, когда царь находился при послѣднемъ издыханіи, подлѣ него случайно не было ни царицы, ни Матвѣева, а одни лишь сторонники Федора. Пользуясь минутой, они уговорили умирающаго назначить своимъ наследникомъ старшаго сына. Когда Наталья вбѣжала въ комнату—было уже поздно; бояре допустили ее къ постели не прежде, чѣмъ на ней лежалъ одинъ бездыханный трупъ. Вступленіе Федора на престолъ было знакомъ къ паденію Матвѣева. Новый царь вернулъ своего дѣда изъ ссылки, въ которую нѣкогда заточилъ было его Матвѣевъ, теперь такая же точно участь ожидала самого Матвѣева ¹⁾.

Такъ называемое *Narratio rerum* является донесеніемъ неизвѣстнаго автора о стрѣльцкомъ бунтѣ въ маѣ 1682 г.; донесеніе это послано изъ Москвы въ Варшаву въ октябрѣ того же года польскому нунцію Мартелли. Первые строки носятъ характеръ вступленія и посвящены событіямъ предшествующихъ лѣтъ, со смерти царя Алексѣя Михайловича. Авторъ рисуетъ Матвѣева, какъ личность, завоевавшую довѣріе государя своими дарованіями; по его совѣту, царь, овдовѣвъ, выбралъ себѣ второю супругою Нарышкину, что возстановило противъ Матвѣева остальныхъ бояръ. Въ противоположность версін Залускаго, Матвѣевъ не только не молчалъ передъ царемъ о кандидатурѣ Петра, но усиленно пропагандировалъ ее, тѣмъ болѣе что самъ царь будто бы обратился къ нему за совѣтомъ,—бояринъ мотивировалъ предпочтеніе Петра болѣзненностью обеихъ старшихъ царевичей.

¹⁾ *A. Chr. Załuski, Epistolae historico-familiares, tom. I, pars I (Brunsbergae 1709), pag. 600—601.*

Но, узнавъ объ этомъ проектѣ, члены царской семьи, особенно тетки и сестры Ѳедора, немедленно созвали Одоевскаго, Милославскаго и другихъ на совѣтъ; съ воплями и жалобными рыданіями встрѣчаетъ ихъ царица Софья; бояре, и безъ того негодовавшіе на Матвѣева, входятъ въ спальню царя, уже кончающагося, и молятъ его тутъ же, сейчасъ благословить старшаго сына на царство. На половину уже потерявъ сознаніе (*semelanimis*), царь исполнилъ ихъ настоянія и передалъ власть Ѳедору. Черезъ 4 дня послѣ смерти отца, Ѳедоръ вступилъ на престолъ, а на пятый Матвѣевъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности, имѣніе его конфисковано и самъ онъ отправленъ въ ссылку ¹⁾.

Diariusz zabóuystwa tyrańského, подобно *Narratio rerum*, тоже посвященъ описанію майскихъ волненій 1682 г. и тоже на первыхъ страницахъ предварительно излагаетъ событія предыдущихъ лѣтъ ²⁾. Вотъ начальныя строки этого повѣствованія:

Въ царствованіе прежняго государя Алексѣя Михайловича царскимъ дворомъ управлялъ начальникъ посольскаго приказа Артамонъ Сергѣевичъ. По смерти царицы Маріи Ильиничны, изъ рода Милославскихъ, этотъ Артамонъ началъ сильно преслѣдовать оставшихся послѣ нея двухъ сыновей и шестерыхъ дочерей, усиливъ свою неприязнь особенно съ той поры, какъ царь вступилъ во второй бракъ съ его родственницей, Натальей, дочерью стрѣльческаго капитана въ Смоленскѣ, Кирилла Нарышкина, — въ бракъ, подарившій Алексѣя сыномъ Петромъ. Находясь на смертномъ одрѣ, царь благословилъ на царство старшаго своего сына Ѳедора, въ ту пору лежавшаго въ

¹⁾ *Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mickalowicz Russorum Imperatoris etc. etc. etc. gestae sunt Moschuae XI Kal. Octobris an. 1682 missa ex urbe Moschua ad Archiep. Corinthi Franciscum Martelli florentium Nuntinum Apostolicum apud Ioannem III regem Polonia, reperta ex autographo ad verbum scripta et in lucem edita a Sob Ciampi. Florentiae 1829, позже имъ же вторично переизданная въ Ciampi, Bibliografia Critica (Firenze 1884), tom. I, p. 75—79. Русскій переводъ, подъ ред. Погодина, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1835, № 1, стр. 69—82.*

²⁾ *„Diariusz zabóuystwa tyrańského senatorów moskiewskich w stolicu roku 1682“. Рукопись Имп. Публ. Библ. IV. Q. № 8, составлена въ 1683 г. Не совсѣмъ точный и не ведѣ полный переводъ ея напечатанъ, безъ указанія мѣста изданія, подъ названіемъ: „Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste moscovitische Herren in der Stadt Moscow Anno 1682 jämmerlich seyn niedergehauen, und die bey den Printzen Iohannes und Petrus zu Zaren erwehlet worden. 1686“. Объ Диаріусѣ см. ниже, главу XIII настоящахъ „Критическѣхъ замѣтокъ“.*

постели, опекуномъ же къ нему приставилъ князя Юрія Долгорукаго. У москвитянъ существуетъ старинный обычай выбирать преемника царю въ самый день его кончины; но Артамонъ пока утаилъ смерть царя и подкупилъ стрѣльцовъ, чтобы тѣ за одно съ нимъ содѣйствовали избранію Петра, но не Ѳедора, хотя Петръ былъ еще совсѣмъ ребенокъ, Ѳедоръ же получилъ благословеніе отца на царство. Лишь въ глухую полночь оповѣстилъ Артамонъ вельможъ о смерти Алексѣя Михайловича и, посадивъ на тронъ малютку-царевича, уговаривалъ бояръ не противодействовать ему, а признать Петра государемъ, такъ какъ Ѳедоръ страдаетъ водянкой, лежитъ больной, безъ надежды на выздоровленіе и на то, чтобы когда-нибудь царствовать самостоятельно и вести борьбу съ иноземными врагами.

Однако бояре, узнавъ отъ патріарха, присутствовавшего при смерти царя, что послѣдній передалъ престолъ не Петру, а Ѳедору, и что Долгорукій назначенъ къ нему опекуномъ, остереглись послѣдовать примѣру Матвѣева, поджидая, когда явится князь Юрій. Этотъ, придя во дворецъ, и какъ волъ рыча отъ скорби, спросилъ патріарха: кому оставилъ покойный государь свое царство? и получилъ въ отвѣтъ: царевичу Ѳедору. Тогда, не обращая вниманія на убѣжденія Артамона, Долгорукій съ главнѣйшими изъ бояръ направился къ Ѳедору и, такъ какъ двери въ комнату царевича оказались не только заперты, но и заложены крѣпкимъ запоромъ, то онъ велѣлъ ихъ выломать; съ рыданіемъ и въ слезахъ вошли бояре къ царевичу, радостно понесли его на рукахъ, такъ какъ самъ онъ не могъ ступить на ноги, посадили на тронъ и стали подходить къ рукѣ, выражая новому государю свои пожеланія благоденствія на престолѣ.

Тогда мать Петра и Артамонъ, вида, что имъ ничего не подѣлать противъ Долгорукаго, опирающагося на такую сильную партію, скрылись и держали съ своими единомышленниками тайный совѣтъ. На слѣдующій день, въ воскресенье, царя Алексѣя похоронили, а послѣ похоронъ царю Ѳедору стало много легче; онъ оставался окруженный попеченіями трехъ своихъ тетокъ и шести сестеръ, по матери Малославскихъ. Выздоровѣвъ ко времени своей коронаціи, Ѳедоръ не забылъ о нерасположеніи къ себѣ Артамона. Обвиненный въ чернокнижіи и въ тайныхъ сношеніяхъ съ нечистою силой (въ чемъ убѣдили допросъ и пытка его слугъ и карлы), Артамонъ былъ сосланъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ заточеніе въ Верхотурье, на границу Китайской имперіи; здѣсь вынужденное пребываніе въ теченіе долгихъ лѣтъ, от-

даленность мѣста и бдительный надзоръ лишили его какой-либо возможности возстановить свою партію ¹⁾).

Таковъ рассказъ анонимнаго автора. Послѣдній изъ названныхъ нами источниковъ—„Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году“, составленное Таннеромъ и изданное въ 1689 г. ²⁾. Въ концѣ книги, въ видѣ „добавленія“, авторъ сообщаетъ „о недавнемъ бунтѣ въ Москвѣ“ 15—17-го мая 1682 г. ³⁾, на основаніи извѣстій, посланныхъ ему съ мѣста происшествія. Сообщеніе корреспондента авторъ обставилъ „своими примѣчаніями“, въ числѣ которыхъ находимъ нѣсколько строкъ о томъ, какъ послѣ смерти царя Алексѣя любимецъ его Матвѣевъ, „самый умный“ изъ вельможъ, „при помощи многихъ приверженцевъ хотѣлъ было младшаго (изъ братьевъ) возвести на престолъ: по ихъ мнѣнію, онъ былъ умнѣе брата своего Феодора. Долгорукій съ приверженцами стоялъ за старѣйшаго—средняго брата ⁴⁾ Феодора; долго они спорили, въ спорахъ принялъ участіе народъ и рѣшилъ—быть царемъ Феодору“ ⁵⁾.

При анализѣ всѣхъ этихъ извѣстій, наше вниманіе прежде всего останавливается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ четыре источника сравнительно *поздно происхожденія и несовременны событію*. Таннеръ, хотя и былъ въ Россіи въ 1678 г., въ самомъ описаніи своего путешествія не упоминаетъ ни словомъ о попыткѣ Матвѣева и только касается этого событія въ видѣ бѣглыхъ замѣчаній. Къ тому же сочиненіе его вышло много лѣтъ спустя, и мы не знаемъ, когда составилъ онъ свои „замѣчанія“: тотчасъ ли послѣ письма своего московскаго корреспондента или непосредственно передъ выпускомъ книги? Разницу же межъ 1678 и 1682 г. (если ужъ не 1689 г.) не бесполезно имѣть въ виду, такъ какъ иные, повидимому, сознаютъ ее не достаточно ясно ⁶⁾. *Narratio rerum*, по времени составленія, отстаетъ отъ нашего событія слишкомъ на шесть лѣтъ, *Diariusz* на всѣ семь лѣтъ.

Одинъ только Залускій категорически датируетъ свое письмо 1-мъ іюня 1676 г. Но еще Устряловъ заподозрилъ правильность этой

¹⁾ *Diariusz zabdystwa*, т. 1—3.

²⁾ Русскій переводъ, М. 1891.

³⁾ Русскій переводъ, стр. 126—129.

⁴⁾ Такъ говоритъ Таннеръ.

⁵⁾ Русскій переводъ, стр. 127.;

⁶⁾ Сравни *Аристова*, Московскія смуты, стр. III, прим. 12, и *Устрялова*, I, 263.

даты ¹⁾; къ сожалѣнію, онъ не туда направилъ остріе своего критическаго пера и, въ сущности, только поставилъ вопросъ, не разрѣшивъ его. Вотъ его слова: „По всей вѣроятности, число этого письма невѣрно, какъ и во многихъ другихъ письмахъ его; напримѣръ, на стр. 988, подъ годомъ 1686, помѣщено письмо Залускаго къ Малаховскому отъ 24-го февраля о прибытіи во Львовъ русскихъ пословъ Шереметева и Никанора, и о подтвержденіи королемъ заключеннаго въ Москвѣ польскими послами трактата: этотъ трактатъ подписанъ 26-го апрѣля 1686 юда; Шереметевъ прибылъ во Львовъ 26-го сентября, трактатъ ратификованъ королемъ 12-го декабря. Слѣдовательно, Залускій могъ писать отъ 24-го февраля не 1686, а 1687 года. Такая же, вѣроятно, ошибка издателя въ годѣ и въ письмѣ его о Матвѣевѣ“ ²⁾).

На самомъ дѣлѣ письмо, помѣщенное на стр. 988 слѣд., и самимъ Залускимъ отнесено не къ 1686, а къ 1687 г., въ чемъ не трудно убѣдиться, обративъ вниманіе на годы, проставленные вверху каждой страницы ³⁾. Нѣтъ, ошибка не въ датѣ, и письмо 1-го іюня, согласно манерѣ Залускаго, отнесено къ 1676 г. вполне правильно,—но все дѣло въ этой самой манерѣ. *Epistolae historico-familiares* не суть письма въ собственномъ значеніи этого слова, а изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ событій политической жизни тогдашней Польши, при чемъ авторъ не только черпалъ обильный матеріалъ для своего повѣствованія изъ правительственныхъ бумагъ и всякаго рода официальныхъ донесеній, грамотъ, указовъ и прочаго рода документовъ, но въ обиліи прилагалъ ихъ полностью и къ самымъ „письмамъ“ ⁴⁾. Иныя страницы прямо представляютъ искусственныя „excerpta ex literis ad diversos scriptis“ или „ad varios scriptis“, „excerptum ex certis literis“ и т. п. ⁵⁾. Письма въ собственномъ смыслѣ этого слова, будучи написаны, обыкновенно тотчасъ же и отправляются по адресу; въ изданіи же Залускаго даже и таковыя предварительно отдачи въ

¹⁾ Тоже и *Аристотель*, стр. III, прим. 12.

²⁾ *Исторія царствованія Петра Великаго*, I, 264.

³⁾ 1686-й годъ обозначенъ на одной лишь 988 стр., и въ зависимости не отъ начала находящагося тамъ письма 24-го февраля, а отъ окончанія пришедшаго на этой страницѣ документа, дѣйствительно, къ этому, 1686-му, принадлежащаго,—не даромъ на стр. 989 слѣд. проставленъ не какой иной, а именно 1687-й годъ.

⁴⁾ Не даромъ и самое заглавіе книги предупреждаетъ читателя, что передъ нимъ „*Epistolarum... tomus... acta continens*“.

⁵⁾ *Epistolae*, I, 508, 1007, 1088.

печатъ пересматривались, передѣлывались, дополнялись или сокращались. Очевидно, при такихъ условіяхъ дата отступаетъ на задній планъ и теряетъ свое буквальное значеніе,—подъ ея флагомъ могутъ комбинироваться факты и событія, не всегда соотвѣтствующіе указанному времени.

То, что обыкновенно называютъ „письмомъ 1-го іюня 1676 г.“¹⁾, не болѣе какъ „relatio comitiorum coronationis Ioannis III. et funeralium Ioannis Casimiri et Michaelis regum“,—описаніе похоронныхъ и коронаціонныхъ торжествъ и слѣдовавшихъ за ними засѣданій сейма, которыя продолжались съ февраля 1676 г. вплоть до Пасхи. Коснувшись распространившихся было въ эту пору слуховъ о намѣреніи Польши заключить миръ съ турками, составитель реляціи касается и политики Московскаго государства въ турецкихъ дѣлахъ, чѣмъ собственно и заканчивается „письмо“, потому что дальнѣйшія строки, содержащія разсказъ о попыткѣ Матвѣева, составляютъ *придатокъ*, внутренней связи съ цѣлымъ не имѣющій никакой и къ тому же составленный *позже*, такъ какъ 1-го іюня 1676 г. никонимъ образомъ нельзя еще было говорить: „scepтрis sic mutatis“ (то-есть съ восшествіемъ на престолъ, по смерти царя Алексѣя Михайловича, сына его Федора) Artemonis fortuna pessum ijt. Dux novus avum ab Artemone mulctantum exilio revocat, et Artemonem pari fortuna damnat; triste variantis fortunae exemplum—къ этому времени въ Краковѣ еще не могло въ достаточной степени опредѣлиться положеніе Ивана Михайловича Милославскаго, тѣмъ менѣе можно было говорить о „паденіи“ Матвѣева.

Таковъ нашъ первый выводъ—несовременность свидѣтельствъ описываемому событію. Дальнѣйшій анализъ даетъ намъ право выставить и другое положеніе: *это не первоисточники, а пересказъ съ чужого юлоса*, и при томъ гдѣ съ обиліемъ прямыхъ ошибокъ, гдѣ съ окраской, обусловленной событіями болѣе поздняго времени.

Въ названныхъ памятникахъ Замысловскій отыскивалъ противорѣчія, казавшіяся ему въ иныхъ мѣстахъ даже „слишкомъ рѣзкими“ для того, чтобы допустить существованіе одного общаго для всѣхъ ихъ источника. Противорѣчія, дѣйствительно, существуютъ: ихъ видно съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, кому же собственно принадлежала инициатива заговора—царицѣ Натальѣ или Матвѣеву? Обходилъ ли послѣдній въ бесѣдахъ съ умирающимъ царемъ вопросъ о

¹⁾ Epistolae, I, 592—601.

Петръ или, наоборотъ, тщательно пропагандировалъ его кандидатуру? Скрывалъ ли онъ до поры до времени смерть Алексѣя Михайловича (и, слѣдовательно, была ли Наталья въ минуту кончины въ комнатѣ умирающаго) или нѣтъ? Происходила ли борьба, хотя бы только словесная, съ Долгорукимъ и сажали ли Петра на тронъ, или Федоръ вступилъ на престолъ безъ активной контръ-мѣры со стороны все того же Матвѣева?.. Несогласія въ показаніяхъ подобнаго рода являются однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ того, что свѣдѣнія черпались въ значительной степени изъ ходячихъ слуховъ, непровѣренныхъ и, вѣроятно, иной разъ Богъ знаетъ на чемъ основанныхъ. Историческое событіе, разъ оно таковое, можетъ облекаться въ фантастическую одежду, искажаться наслоеніями разнаго рода; но и въ этомъ видѣ зерно основной правды будетъ всегда болѣе или менѣе чувствоваться. Въ данномъ же случаѣ замѣчается полное отсутствіе основнаго источника: въ области *факта* его не отыскать, а это безусловно заставляетъ съ недовѣрчивостью относиться къ каждой изъ высказанныхъ версій. Такого рода противорѣчивыя наслоенія порождаются только слухами. Слухъ, разъ пущенный въ оборотъ, имѣетъ обычную тенденцію все болѣе и болѣе принимать фантастическіе размѣры и увѣренно выдавать за факты то, что менѣе всего позволительно отнести къ этой категоріи понятій. Индивидуальность въ передачѣ слуха приводитъ къ тому, что въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи онъ совершенно выводитъ насъ изъ области достовѣрнаго. Напримѣръ, личное пребываніе Таннера въ Москвѣ въ 1678 г. и непосредственное знакомство съ тогдашнимъ правительственнымъ и придворнымъ кругомъ лицъ не спасли его теперь отъ самыхъ грубыхъ ошибокъ, вродѣ побасенки о томъ, какимъ способомъ кн. Мих. Юр. Долгорукій получалъ свой княжескій титулъ, или вродѣ заявленія, будто бы по паденіи Матвѣева „младшій братъ царя во избѣжаніе неприятностей удалился въ свое дальнее помѣстье и жилъ тамъ, какъ частное лицо“; что царевичъ былъ вторымъ сыномъ царя Алексѣя, старшій же (онъ не названъ по имени, но рѣчь идетъ, конечно, объ Иванѣ) „былъ очень убогъ и жилъ постоянно въ монастырѣ“; что Нарышкины при Федорѣ занимали разныя должности, между прочимъ главнаго конюшаго и т. п. Въ свою очередь Залускій, видимо, совсѣмъ не замѣчаетъ внутренней неправды и неосуществимости предложенія Матвѣева не показывать ребенка въ предсмертные часы умирающему отцу; еще менѣе чувствительна къ этой правдѣ польская рукопись, допустившая возможность

для Матвѣева скрыть смерть царя, возможность отсутствія Долгорукаго изъ дворца, запертыхъ дверей...

Замысловскій подчеркивалъ *противорѣчiя*, какъ бы желая въ нихъ отыскать одно изъ доказательствъ недостовѣрности; но не меньшую услугу могутъ оказать также и черты *сходства*, какія въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчаются въ разбираемыхъ памятникахъ,—опять-таки въ силу отсутствія въ нихъ чего-либо такого, что вывело бы насъ на дорогу фактической достовѣрности. Сходныя черты особенно бросаются въ глаза при сопоставленіи извѣстій Таннера съ *Diariuшемъ*: первый вкратцѣ повторяетъ то, что болѣе подробно изложено во второмъ, заимствованіе легко объяснимое, если вспомнить время появленія того и другого памятника. Далѣе, Залускій и *Narratio* оба указываютъ на болѣзнь глазъ Ивана ¹⁾; о Кир. Пол. Нарышкинѣ, какъ о капитанѣ стрѣльцкомъ въ Смоленскѣ, упоминаетъ и *Diariusz*, и *Narratio*; ошибка, допущенная *Narratio*, будто бы царевичъ Иванъ былъ Петру единоутробнымъ братомъ, спутала, надо думать, Таннера, на этой ошибкѣ построеннаго новую и изобразившаго Федора не старшимъ, а среднимъ изъ трехъ оставшихся послѣ царя Алексѣя сыновей. По Залускому и *Narratio* Милославскіе умоляютъ царя назначить наслѣдникомъ Федора; *Diariusz* и *Narratio* выдвигаютъ на сцену тетокъ и сестеръ; Таннеръ и *Narratio* оба положительнымъ образомъ аттестуютъ умъ и способности Матвѣева...

Что же всѣмъ этимъ доказывается? То, что слухи передавались изъ устъ въ уста, перекрещивались, заимствовались, но не дали ни одного существеннаго факта, который создалъ бы твердую точку опоры въ рѣшеніи даннаго вопроса. Самое рѣшеніе, то-есть подборъ, а главное концепція данныхъ слагались въ сильной зависимости отъ позднѣйшихъ впечатлѣній, окрасившихъ собою нѣкоторыя частности описываемаго событія.

Таково приписываемое Матвѣеву преслѣдованіе дѣтей царицы Марьи Ильиничны; противопоставленіе болѣзненному Федору трехлѣтняго Петра, уже въ ту пору будто бы выдѣлявшагося своими физическими совершенствами; таково и упоминаніе о теткахъ и сестрахъ, особенно царевны Софіи, которая уже теперь выдѣлена среди остальныхъ царевенъ и играетъ ту же передовую роль, какъ и шесть лѣтъ спустя. Наконецъ, уже и теперь взаимныя отношенія

¹⁾ *Narratio*, 76: *distortis oculis; infirmus oculis et curto viso; Zal. I, 601: medium vero natu Joannem a gubernaculis removit natura, quem visu orbaverat.*

обѣихъ сторонъ изображаются, какъ *активная* борьба одной партіи противъ другой; уже и теперь народъ принимаетъ непосредственное участіе въ рѣшеніи вопроса—все это несомнѣнно слѣды впечатлѣній отъ событій не 1676, а 1682 г.

Сказаннаго, конечно, было бы еще недостаточно, чтобъ признать недостовернымъ самый фактъ попытки Матвѣева посадить Петра, обходя старшаго брата Федора; но сомнительность нашихъ матеріаловъ возрастаетъ въ значительной степени при сопоставленіи ихъ съ другими источниками, особенно болѣе *ранними* и *современными* воцаренію Федора: тамъ мы ни слова не найдемъ о замыслахъ въ пользу Петра.

Мы уже видѣли, что Таннеръ ничего не знаетъ о нихъ ¹⁾ въ свой прѣздъ въ Москву: ни словомъ не коснулся ихъ и обвинительный актъ противъ Матвѣева, равно и оправдательныя челобитныя послѣдняго изъ Пустозерска; Рейтенфельсъ, жившій въ Россіи въ 1671—1678 гг. и составившій свое описаніе въ 1676 г., рассказывая про погребеніе царя Алексѣя, тоже не даетъ никакого указанія или хотя бы намека ²⁾. О кончинѣ царя онъ сообщалъ съ чужихъ словъ—почему же эти „чужія слова“ умолчали о заговорѣ? Не потому ли, что сами они впервые получили свое распространеніе лишь съ 1682 года, книга же Рейтенфельса появилась двумя годами ранѣе?

Въ самый годъ смерти царя Алексѣя Михайловича, всего вѣроятно уже въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Германіи отпечатанъ былъ летучій листокъ, подъ названіемъ: „Bericht von dem todlichen Hintritt und Begräbnüss des moscovitischen Czaren Alexii Michaelidis, wie auch die Inthronisirung desselben Sohns, Fedor Alexewitsch, zum Käyser und Gross-Fürsten aller Reussen, etc. etc. Gedruckt im Jahr 1676“ ³⁾. Назначеніе этого листка было однородно съ тѣмъ, какое нынѣ выполняетъ номеръ ежедневной газеты; въ немъ было помѣщено нѣ-

¹⁾ Могутъ возразить: у Таннера не было вѣшняго повода касаться этого событія; но трудно допустить, чтобъ человекъ, взявшійся за перо съ цѣлью описать путешествіе посольства и воспользовавшійся этимъ, чтобъ за одно остановиться на многихъ очень разнообразныхъ явленіяхъ жизни тогдашняго русскаго общества,—чтобы онъ сознательно обошелъ вопросъ самъ по себѣ уже очень яркій, и притомъ касавшійся какъ разъ тѣхъ самыхъ лицъ и явленій, въ кругу которыхъ дѣйствовало и посольство, не говоря уже про общегосударственное значеніе этого факта.

²⁾ Русскій перев. Рейтенфельса, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889, № 7, стр. 17—18.

³⁾ 4 стран. въ мал. 8°, безъ указанія мѣста печати.

сколько корреспонденцій¹⁾, сообщавшихъ о смерти и похоронахъ царя Алексѣя; двѣ изъ Москвы отъ 1/11 и 12-го февраля, одна изъ Пскова отъ 7-го февраля—заговора онѣ тоже не знаютъ. Псковскій корреспондентъ лишь говоритъ про Ѳедора: „der älteste Printz Foedor Alexovvletz, im 16-ten Jahr seines Alters auff den Thron erhoben und gekröhnet worden ist. Zu welcher Gross-Fürstlichen Dignität man ihn schon drey Stunde vor des Czaaren tödtlichen Hintritt beruffen und eingesetzt“. Впослѣдствіи *Theatrum Europaeum*, выйдя въ 1682 г. XI-мъ томомъ, въ которомъ собраны данныя за 1672—1679 гг.; воспользовалось *Bericht*'омъ и, сведя всѣ три корреспонденціи, пересказало ихъ своими словами, при чемъ вышеприведенная фраза передана была въ такой формѣ: „Dieser Gross-Hertzog hat sich sehr christlich zu seinem Tod bereitet, und seinen Sohn 3 Stunde vor seinem Absterben zu seinem Nachfolger gegen die Bojarn erkläret“²⁾.

Если въ дальнѣйшемъ *Theatrum Europaeum* и сообщаетъ, подъ 1677 г., о ссылкѣ Матвѣева и заговорѣ противъ царя³⁾, то, очевидно, на почвѣ обвиненія и казанія, которое стряслось надъ Матвѣевымъ дѣйствительно, но уже позже—да и на этотъ разъ изданіе далеко отъ мысли связывать самую „измѣну“ съ попыткой расчислѣть мѣсто малолѣтнему Петру.

Однако самую главную опору въ опроверженіи Залускаго, Діаріуша и др. находимъ мы въ описаніи голландскаго посольства Кленка, составленномъ однимъ изъ членовъ посольской свиты⁴⁾. Хотя любопытный памятникъ этотъ историкамъ нашимъ и извѣстенъ, но до сихъ поръ имъ пользовались скорѣе мимоходомъ, останавливаясь едва ли не больше всего на отдѣльныхъ фразахъ, безъ подробнаго изученія самого содержанія въ его цѣломъ и безъ достаточнаго вниманія къ внутреннему соотношенію отдѣльныхъ частей повѣствованія⁵⁾. А между тѣмъ „Путешествіе Кленка“, по крайней мѣрѣ въ

¹⁾ Всего числомъ пять; но двѣ послѣднихъ изъ Стокгольма выходили совершенно за программу, намѣченную заглавнымъ названіемъ листа.

²⁾ XI, 928—929.

³⁾ Unter den Grossen grosse Uneinigkeit und eine grausame Verrätherey wider den Czaar entdeckt. *Theatr. Europaeum*, XI, 1050.

⁴⁾ Historisch Verhael, of Beschryving van de voyage, gedaen onder de suite van den Heere Koenraad van Klenk... door een van Stijn Excellencies suite. t'Amsterdam 1677. 214 стр. 8°.

⁵⁾ Торопливое чтеніе обусловило кромѣ того и ошибки. „19-го января была во дворцѣ комедія съ музыкою; царь чувствовалъ себя уже нездоровымъ, какъ свидѣтельствуетъ Кленкъ“—такъ говоритъ Устряловъ (I, 262). Между тѣмъ пред-

интересахъ затропутой на этихъ страницахъ темы, стоитъ того, чтобъ на немъ остановиться подольше.

Во главѣ большой свиты Кленкъ отплылъ изъ Голландіи, въ послѣднихъ числахъ іюля 1675 года, и среди зимы, на рождественскихъ праздникахъ, прибылъ въ Москву. Торжественный въѣздъ его въ столицу состоялся 11-го января ¹⁾ 1676 г., а 17 и 19-го января посольскій нѣмль двѣ послѣдовательныхъ аудіенціи у царя Алексѣя ²⁾. Въ пятницу 28-го января Кленкъ узналъ, что государь при смерти, а главные бояре уже нѣсколько сутокъ, днемъ и ночью, находятся при немъ. Болѣзнь могла показаться тѣмъ неожиданнѣе, что, повидимому, ничто не предвѣщало ея появленія. Еще 19-го января, во время второй аудіенціи, государь казался совершенно бодримъ и свѣжимъ (*frisch en gezont*); но уже на другой день, 20-го, ему стало нездоровиться, хотя и тутъ еще болѣзнь, по выраженію голландскаго автора, „нѣкоторое время ничѣмъ себя не проявляла“ ³⁾, — чему тѣмъ охотнѣе вѣришь, что именно въ этотъ день, 20-го, царь съ царицею и приближенными забавлялись, слушая игру одного пажа изъ посольской свиты, оказавшагося большимъ мастеромъ въ игрѣ на разныхъ инструментахъ. Представленіе прошло очень весело, и музыкантъ-любитель доставилъ собравшемуся обществу не мало пріятныхъ ми-

ставленіе состоялось не 19-го, а 20-го, при чемъ едва ли государь могъ „чувствовать себя“ нездоровымъ, такъ какъ болѣзнь въ этотъ день еще не успѣла проявиться наружу (*Verhael*, 96); наконецъ, выраженіе: „ja hy had noch in de volhende dag de kleine staatjongen van zijn Excell. die op verscheide instrumenten Kunstiglijk spelen kon, ontboden, en, in tegenwoordigheid van de Kaizerin, en van de Grooten, die 'er tegenwoordigh waren, groot vermaak in des selfs gespeel getoont, gelijk ook in eenige spelen, die in zijn tegenwoordigheid vertoont wierden“ (стр. 96)—едва ли дастъ право говорить о комедіи; менѣе ошибочнымъ будетъ признать въ этотъ день одно только музыкальное представленіе и, можетъ быть, съ присоединеніемъ какихъ-нибудь еще фокусовъ, наисмичества и т. п. Сказанное Устряловымъ повторено и Погодинымъ (Семнадцать лѣтъ, 14). Даже Замысловскій не избѣгъ ошибки, дважды помѣтивъ день выѣзда Кленка изъ Москвы 10-мъ іюня 1676 г. вмѣсто 11-го. (Царств. Феод. Ал., 204). „Въ одномъ мѣстѣ дневника“—замѣчаетъ Замысловскій (204)—„авторъ его говоритъ о себѣ“, именно на стр. 45;—но такихъ мѣстъ значительно больше. Сравни. стр. 26, 27, 28, 98, 118, 122, 132, 149. Все это, разумѣется, мелочи, сами по себѣ не имѣющія значенія; но онѣ вскрываютъ приемы пользованія изданіемъ.

¹⁾ Старого стиля; у Кленка, конечно, всюду новый стиль, опережавшій изъ XVII столѣтія старшій на десять дней.

²⁾ *Verhael*, 72, 80, 86—89.

³⁾ *Hu was een dag naer de tweede audientie ziek geworden, en zijn ziekte weird eenige tijd verborgen gehouden* (стр. 96).

нуть. Однако въ субботу, 22-го, болѣзнь приняла уже несомнѣнныя формы. Должно быть, это было еще утромъ, такъ какъ авторъ говоритъ, что Кленкъ узналъ о нездоровьи государя, будучи еще въ Кремлѣ (посл теп Нове), гдѣ держалъ въ этотъ день въ посольской избѣ второй „разговоръ“. Болѣзнь стала такъ быстро развиваться, что въ печальномъ исходѣ, повидимому, не могло оставаться никакого сомнѣнія; по крайней мѣрѣ нашли нужнымъ уже отдать приказъ объ освобожденіи изъ тюремъ тѣхъ, за кѣмъ числились казенныя недомки, а это обыкновенно дѣлалось въ силу давняго благочестиваго обычая, только при рожденіи и при смерти государя,—и такихъ долговъ, насчитываетъ спутникъ Кленка, было прощено на нѣсколько сотенъ тысячъ гульденовъ.

Врачи утверждали, что смерть произошла отъ цынги, — болѣзни очень распространенной тогда на Руси, и отъ водянки, которою царь, и безъ того уже довольно тучный и ожирѣвшій, страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, упорно отказываясь бороться съ нею при помощи предписываемыхъ медицинскихъ средствъ. Вдобавокъ государь немного простудился и вмѣстѣ съ простудой схватилъ лихорадку, которая, увеличиваясь со дня на день, приводила врачей въ отчаяніе. При чрезвычайно возвышенной температурѣ тѣла, больной все время жадно глоталъ замороженный квасъ, отъ холода превратившійся чуть не въ ледяную массу ¹⁾, обложилъ себя льдомъ, держалъ его въ рукахъ. Такое безумство, конечно, болѣзнь лишь усилило; и когда всякая надежда на счастливый исходъ исчезла, умирающаго, въ присутствіи патріарха, миропомазали и причастили ²⁾. Царь прожилъ еще сутки и испустилъ духъ 29-го января, около 7 часовъ вечера ³⁾, передавъ

¹⁾ 't welk van koude byna stijf bevroren was, en daar af hy het ys geheel inzwolg (стр. 97).

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ голландскій текстъ выражается иначе: wierden des avonts, de zevende, de ceremonien, en plechtelikheden, die de Grieksche Kerk gemenelijk aan stervende menschen gebruikt (97); но раньше указано вполне опредѣленно, въ чемъ именно состояли эти „ceremonien“: In dezen dagh (въ пятницу, 7-го февраля нов. ст.) wierd de leste plicht van Olysel en Sacrament aan zijn Majesteit bewezen (96).

³⁾ Des avonts omtrent zeven uren, — что вполне согласуется съ показаніемъ Др. Росс. Визлїонки, XI, 202, относящей моментъ смерти къ „января въ 29 день съ субботы на воскресенье, въ четвертомъ часу ночи въ первой четверти“ — такимъ образомъ разница, быть можетъ, въ какомъ-нибудь полчаса.

вмѣстѣ съ скипетромъ въ руки старшаго сына все свое царство и власть ¹⁾.

Какъ только умеръ Алексѣй Михайловичъ, бояре, присутствовавшіе при кончинѣ, вывели старшаго сына Федора въ залу, облачили въ царское одѣяніе, посадили на царскій тронъ ²⁾ и цѣловали крестъ на вѣрность. Боярь приводилъ къ присягѣ самъ патриархъ, а вслѣдъ за боярами ко кресту привели и дворянъ, стольниковъ, вообще всѣхъ, состоявшихъ на придворной службѣ, не исключая и иноземныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновъ: эти, призванные въ Кремль около 11 часовъ вечера, присягали у настояровъ реформатскаго и лютеранскаго. Тогда же во всѣ концы государства были отпращены гонцы съ извѣстіемъ о совершившейся перемѣнѣ. На другой день раннимъ утромъ, еще до начала похоронъ, которыя начались около 11 часовъ утра; младшіе офицеры и всѣ, не успѣвшіе въ истекшую ночь изъ-за многолюдства, равно и простой народъ, наполнивъ все внутреннее пространство Кремлевскаго двора, отъ покоевъ патриарха до царскихъ палатъ, присягали подъ открытымъ небомъ. Прочій служилый людъ (d'andere Officieren en dienagen) присягалъ по приказамъ, а народъ по главнымъ церквямъ ³⁾.

Не трудно видѣть, что разсказъ спутника Кленка отличается не однимъ содержаніемъ отъ повѣствованія Залускаго, Таннера, Діаріуша и *Narratio rerum*. Насколько эти, если можно такъ выразиться, стилизованы ⁴⁾; насколько факты и освѣщеніе потеряли тутъ свою индивидуальность, точно скроенные подъ одну мѣрку; насколько и само освѣщеніе этихъ фактовъ обусловлено здѣсь (допустимъ, что и безсознательно) предвзятымъ взглядомъ — настолько же *Historisch Verhael* свидѣтельствуетъ о свѣжести и яркости непосредственныхъ впечатлѣній, показывая въ авторѣ въ иныхъ случаяхъ очевидца описываемыхъ событій, въ другихъ же—лицо, имѣвшее возможность освѣдомиться о нихъ изъ близкихъ и достовѣрныхъ источниковъ. Все, что онъ передаетъ, такъ близко русскимъ обычаямъ и понятіямъ

¹⁾ Met het overleveren van zijn Scepter, in handen van de Prins, zijn oudste Zoon, alle zijn Zaareshappen, Heereshappen en Landen aan hem overgedragen, en verscheide andere zaken, tot de welstant van dat Rijk streckende, afgerecht had (97).

²⁾ In een groote Zaal geleid, en, met de keizerlijke Verclerselen bekleed, op de keizerlijke Throon gezet (97).

³⁾ Verhael, 96—97.

⁴⁾ Я говорю о тѣхъ страницахъ, гдѣ рѣчь идетъ о попыткѣ Матвѣева.

XVII вѣка, — и этотъ квась, и дарованіе свободы неаккуратнымъ должникамъ, причащеніе умирающаго, присяга царю, кстати сказать, происходившая совершенно подобно тому, какъ присягали и шесть лѣтъ спустя, при воцареніи Петра, — сходство тѣмъ болѣе цѣнное, что въ данномъ случаѣ оно опирается на источники домашняго происхожденія ¹⁾.

На ряду съ показаніями „Путешествія Кленка“ несообразности позднѣйшихъ писателей выступаютъ еще рѣзче. *Narratio rerum* возводитъ царевича Ѳедора на престоль черезъ четыре дня по смерти Алексѣя Михайловича; Діаріушъ запираетъ двери въ комнату Ѳедора крѣпкимъ засовомъ, не догадываясь, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы поставить тамъ и людей, чтобъ помѣшать Долгорукому войти. *Verhael*, напримѣръ, говорятъ, что при умирающемъ день и ночь находились бояре, а по Діаріушу не было Долгорукаго, по Залускому — царицы Натальи и Матвѣева. Кто же тогда былъ тамъ? Второстепенныя лица?.. „Случайно“ (*fortuito*) царица, разумѣется, могла почему либо отсутствовать, но вопросъ о наследникѣ, если только онъ вообще ставился, — рѣшался не за минуту, не за полчаса до кончины, а по крайней мѣрѣ еще въ пятницу, одновременно или немногимъ развѣ позже акта миропомазанія и причащенія, когда стало ясно, что впереди не остается ничего иного, какъ только молиться за умирающаго. Но если такъ, то неужели царицу не допускали до государя цѣлыя сутки?

Въ разсказѣ голландскаго автора наше вниманіе останавливаетъ описаніе воцаренія Ѳедора. Авторъ совершенно далекъ отъ мысли о чемъ-либо подобномъ тому, что находимъ у Залускаго и др. Престоль переходитъ къ Ѳедору въ силу естественнаго права старшинства, всѣми признаннаго, никѣмъ неоспариваемаго. „Передача скипетра въ руки царевича“ (*overleveren van zijn Scepter, in handen*

¹⁾ „И оной (кн. Б. А. Голицынъ), съ патриархомъ Іоакимомъ, вывелъ въ Крестовую царевича Петра Алексѣевича къ боярамъ и проклемовали, и крестъ цѣловали. Также бояринъ кн. Ю. Ал. Долгорукой съ сномъ, княземъ Михайломъ Юрьевичемъ, и весь ихъ родъ линіи Ѳедоровичевъ Долгорукихъ. Также князь Гр. Гр. Ромодановской и другіе многіе и знатныхъ и плещадныхъ.... И въ Крестовой, и у Спаса начали крестъ цѣловати, также и въ соборѣ и на площади шляхетство и народъ, а на Красномъ крыльцѣ гвардія стоящая того дня“ (Архивъ кн. Куракина, I, 43, 44). „Книга Записная 190 г.“ мѣста присяги показываетъ „въ хоромахъ деревянныхъ, гдѣ Великаго Государя не стало“, „у Спаса въ верху“, „въ соборной Апостольской церкви“, „въ Посольскомъ приказѣ“, „у Рождества на дворцѣ“, „въ олтекѣ“ и по стрѣлецкимъ полкамъ“ (*Соловецъ*, XIII, 395).

van de Prins) — выраженіе, конечно, фигуральное и въ буквальномъ смыслѣ понимаемо быть не должно. Другое выраженіе подлинника: *op de Keizerlijke Throon gezet* мы перевели словами „посадили на царскій тронъ“. Гдѣ же произошло это посаженіе, если на этотъ разъ понимать приведенныя слова непремѣнно буквально, а не фигурально?

Царскій тронъ во дворцѣ стоялъ въ Грановитой палатѣ, которая безъ труда подойдетъ подъ опредѣленіе „een groote Zaal“: но при всей естественности такой знаменательный актъ, какъ провозглашеніе новаго государя, произвестн при обстановкѣ наиболѣе торжественной, — все же, думается, шествіе въ Грановитую палату, при данныхъ условіяхъ, едва ли могло состояться. Грановитая обусловливала собою болѣе сложную процедуру, болѣе медленность въ самомъ совершеніи обряда, что мало подходило къ тому нервному напряженію, въ какое повергла всю родню и приближенныхъ смерть царя Алексѣя Михайловича. Когда 6 лѣтъ спустя умеръ и царь Ѳеодоръ, то князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ патриархомъ Іоакимомъ, провозгласивши Петра государемъ, вывели его въ *Крестовую* и здѣсь стали присягать ему ¹⁾. Крестовая это то же, что *Передняя* или приемная въ покояхъ царскихъ ²⁾. А царь Ѳеодоръ жилъ тамъ же, гдѣ до него и царь Алексѣй ³⁾. Вотъ въ эту то Переднюю или Крестовую (комнату во всякомъ случаѣ не „малую“), за три комнаты отъ той, гдѣ лежалъ бездыханный трупъ Тишайшаго царя, и выведенъ былъ новый государь. Конечно, не стоя принималъ онъ присягу, не стоя жаловалъ къ своей рукѣ—его посадили на то кресло, гдѣ обычно до сихъ поръ сиживалъ царь Алексѣй, принимая явившихся къ нему — это и былъ тотъ „тронъ“, на которомъ *посадили* (понимая буквально) или *утвердили* (фигурально) Ѳеодора.

Послѣднимъ теперь дальше за изложеніемъ „Путешествія Кленка“.

31-го января Матвѣевъ, въ глубокомъ траурѣ, заѣхалъ къ Кленку (98), а 1-го февраля посланцы послѣдняго явились къ боярину на домъ и застали его и многихъ другихъ совѣтъ подавленными отъ горя, вызваннаго смертью государя. Матвѣевъ не могъ удержать своихъ слезъ; онъ завѣрилъ, что смерть царя не внесетъ никакой перемѣны, что тѣ же лица останутся на своихъ прежнихъ мѣстахъ; отличіе отъ стараго будетъ лишь въ томъ, что за малолѣтствомъ по-

¹⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 44. См. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ *Забѣлины*, Домъ бытъ русск. царей, изд. 8-е, стр. 77.

³⁾ *Ibidem*, 63.

ваго государя управленіе перейдетъ въ руки четырехъ знатнѣйшихъ бояръ. Далѣе онъ авторитетно обѣщаль, что дѣло, ради котораго пріѣхалъ въ Москву посоль, будетъ идти прежнимъ порядкомъ, и снабдежилъ въ быстромъ и желательномъ исходѣ его (99). 15-го февраля возобновились совѣщанія въ посольской избѣ (104 — 105), а мѣсяцъ спустя, 17-го марта, на запросъ посла, будетъ ли государь участвовать въ Вербное воскресенье въ церемоніи шествія на осляти, чтобы выяснитъ, съ какого мѣста могъ бы онъ, Кленкъ, смотрѣть на процессію, былъ полученъ отвѣтъ, что назначеніе мѣста зависитъ отъ Матвѣева (119). Царя на этой церемоніи замѣнялъ князь Иванъ Алек. Воротынский, ведшій въ поводахъ патриаршаго осля; но голландское посольство все же присутствовало и наблюдало своеобразный обрядъ, и на другой день Кленкъ специально командировалъ двухъ лицъ изъ своей свиты благодарить Матвѣева, а за одно пожаловаться и на поступки шведскихъ купцовъ (121 — 122). 12-го апрѣля посоль поѣхалъ на охоту въ Марьину рощу, и Матвѣевъ озаботился тамъ объ его удобствахъ (131). На слѣдующій день, 13-го, Кленкъ посылалъ отъ себя поздравить боярина съ днемъ его ангела (132); 14-го царь Федоръ принималъ посла въ аудіенціи, и Матвѣевъ отправлялъ при этомъ свои обычныя обязанности ¹⁾. Описывая въ главѣ 83-й порядокъ и строй русскаго государства, авторъ „Путешествія“ въ перечнѣ бояръ упоминаетъ и Матвѣева (136).

Съ весны начались пожары: 22-го марта сгорѣло 300 домовъ (128), 5-го апрѣля выгорѣло двѣ улицы и на нихъ 200 дворовъ (125), 10-го горѣло Замоскворѣчье (126); 16-го апрѣля начались поджоги и пожары вспыхивали ежедневно въ нѣсколькихъ мѣстахъ заразъ (144). Когда пожаръ въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля грозилъ помѣщенію, занятому посольствомъ, то именно Матвѣевъ пріѣхалъ и распорядился перевозкою вещей въ безопасное отъ огня мѣсто (145). „Путешествіе“ отмѣчаетъ цѣлый рядъ еще другихъ пожаровъ ²⁾; изъ конхъ самымъ ужаснымъ по продолжительности и разрушительному дѣйствию былъ пожаръ 9-го іюня: онъ охватилъ громадное пространство отъ

¹⁾ Toen dit van de Heer Winus in de Slavoonsche taal aan zijn Zaarsche Majesteit vertaalt was, leverde zijn Excell. de brieven over aan zijn Zaarsche Majesteit; en de Bojaar Artemon Sergewits nam hen toen zijn Majesteit hen aangeraakt had, en lag hen wech (Verhael, стр. 183).

²⁾ 2-го мая сгорѣло 800 домовъ (148); 15-го мая — пожаръ въ Замоскворѣчьи (152); 7-го іюня — снова вблизи посольскаго дома, на погорѣвшемъ и только что отстроенномъ мѣстѣ (156).

Петровскихъ воротъ до Вѣлаго города, перебросился по другую сторону стѣны (van de Petrovke Poort binnen de witte muur, tot aan d'andere wal uitstrecte) и поглотилъ цѣлыхъ 3.000 домовъ (Huisen en Hoven). Въ этомъ пожарѣ погибла масса народа, отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ, которыхъ на другой же день закопали въ могилы (156). Всѣ эти пожары даже для Москвы, привыкшей къ такого рода бѣдствіямъ, выходили изъ ряда обыкновенныхъ ¹⁾, можетъ быть даже вызвали панику, и для насъ въ данномъ случаѣ существенно отмѣтить, что Матвѣевъ, повидимому, принималъ не послѣднее участіе въ борьбѣ съ беспощадной стихіей. Не даромъ позже, изъ Пустозерска, онъ подчеркиваетъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ услуги, оказанныя имъ въ это время городу ²⁾.

26-го апрѣля Кленкъ совместно съ датскимъ резидентомъ были въ гостяхъ на парадномъ обѣдѣ у князя Юрія Алекс. Долгорукаго, и третьимъ приглашеннымъ оказался бояринъ Матвѣевъ, занимавшій самое почетное мѣсто ³⁾. Прощальная аудіенція состоялась 1-го мая, и на ней снова присутствовалъ Матвѣевъ, черезъ котораго царь между прочимъ приказываетъ передать свой поклонъ Господамъ Статамъ (148). 6-го мая былъ наказанъ одинъ изъ спальниковъ (? een Jongen), поддѣлавшій подпись Матвѣева (149). Дѣлая прощальные визиты, Кленкъ не объѣзжаетъ и Матвѣева. Изъ „Путешествія“ читатель неоднократно имѣлъ случай убѣждаться, что въ служебной іерархіи князь Юрій Алекс. Долгорукій стоялъ впереди Матвѣева. Еще при жизни царя Алексѣя, по дорогѣ въ Москву, на официальныхъ обѣдахъ здоровье Долгорукаго, при этомъ обычно величаемаго голландскимъ путешественникомъ именемъ de groote Veltheer, пьется раньше здоровья Мат-

¹⁾ Изъ отмѣтокъ и въ заграничной печати въ *Theatrum Europaeum*, XI, 1006, гдѣ однако нѣтъ цифръ и подробности: zu Ausgang dieses Monats ist zu Moscau ein grosser Brand entstanden, so dass ein grosser Theil dieser Stadt, und zwar sonderlich der Marckplatz, in die Asche gelegt worden. Den 12 Junii darauf sind daselbsten abermalen 5.000 Häuser, und in etlichen Tagen hernach wieder 6.000 Häuser, mit 5 Czaris. Cantzleyen, und vielen Menschen, nebenst vielen Ammunition verbronnen, also dass bey dem ersten Brand 644 Menschen umkommen. Dieser unsäglicher Schaden ist von den Mordbrennern geschehen, derer etliche auff frischer That ergriffen, und ins Feuer geworffen worden. Die übrigen, so man in Verhafft genommen, um sie zu examiniren, haben bekannt, dass sie von den Tartarn und Cosacken darzu bestellet worden.

²⁾ Исторія о невномъ заточеніи, стр. 76.

³⁾ De Bojaar knees Jurrie Al. Dolgerucki zette sich toen aan de tafel, en nam zijn Excell. aan zijn zijde, en aan de hooger zijde Artemon Sergewitz (стр. 146

тѣва ¹⁾. Приѣхавъ въ Москву, Кленкъ именно въ такомъ же порядкѣ дѣлаетъ и свои визиты, именно раньше къ Долгорукому (91—92). Этому порядку слѣдуетъ онъ и теперь, готовясь въ обратный путь: 1-го іюня онъ посѣтилъ Долгорукаго, а потомъ уже, 3-го іюня, Матвѣва. Визиту въ домъ послѣдняго предшествовала посылка двухъ большихъ ящиковъ съ разными сластями и надѣлими въ формѣ пирамиды—для сына боярина; самъ Кленкъ со своей святой былъ принять хозяиномъ и широко угощаемъ, одаренъ дорогою саблей, двумя горностаевыми мѣхами, парой кусковъ персидской материн и другими вещами; маленькій же Андрей (de jonge Heer) подарилъ сына посла лукомъ, стрѣлами и колчаномъ въ богатой серебряной оправѣ (155). На другой день посолъ въ свою очередь отдалъ Матвѣва 4 оксофтами французскаго и испанскаго вина (156). 11-го іюня 1676 г. Кленкъ навсегда покинулъ Москву, наканунѣ отправивъ по парѣ воровныхъ упряжныхъ лошадей сыну Долгорукаго, князю Михаилу, и самому боярину Матвѣву (197) ²⁾.

Весь этотъ рядъ фактовъ, извлеченныхъ изъ книги голландскаго автора, наглядно свидѣтельствуетъ, что Матвѣвъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ по смерти царя Алексѣя продолжалъ оставаться въ тѣхъ же должностяхъ, съ тѣмъ же почетомъ и положеніемъ, какъ и прежде. Внимательный иностранецъ, старательно заносившій въ свой дневникъ детали придворной и политической жизни, ничего не говоритъ объ устраненіи Матвѣва отъ Аптекарскаго приказа, тѣмъ самымъ косвенно свидѣтельствуя, что эта отставка отнюдь не имѣла крупнаго значенія, въ глаза не бросалась и „положенія“ боярина не мѣняла. Въ то же время онъ положительно не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что онъ знаетъ или по крайней мѣрѣ скрываетъ существованіе факта, который не могъ въ глазахъ любого современника носить иного характера, какъ политическаго преступленія. Съ другой стороны было бы большою натяжкой предполагать, что люди, взявшіе при Фѣдорѣ верхъ, сознательно до поры до времени закрывали глаза и дѣлали видъ, что игнорируютъ неудавшуюся попытку: человекъ, открыто злоумышлявшій на своего государя, не могъ оставаться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ положеніи его

¹⁾ Verhael, 37, 44. Сравни. 29.

²⁾ Еще 15-го іюня Матвѣвъ объявлялъ полковнику фонъ-Фростену поставленіе по его дѣлу (*Устреловъ* I, 264).

довѣреннаго лица — это значило бы дискредитировать и оскорблять самого государя.

Какъ ни условны формы письма, особенно просительнаго, но передъ кѣмъ же игралъ комедію Матвѣевъ, когда впоследствии изъ Пустозерска писалъ князю Юрію Алек. Долгорукому въ такихъ выраженіяхъ: „Вы же мнѣ обѣщавше милость, любовь содержать?“¹⁾ Смѣшно было бы говорить это человѣку, если неудачная схватка именно съ нимъ въ ночь съ 29-го на 30-е января 1676 г. повлекла за собою тяжелую ссылку. Конечно, обѣщаніе Долгорукаго могло быть пустою фразою, но бывають положенія, когда нельзя бросать и пустыхъ фразъ.

Намъ могутъ возразить, что однако управленіе Аптекарскимъ приказомъ все же было у Матвѣева отнято, и при томъ уже 9-го февраля 1676 г.²⁾ Но именно въ этомъ-то фактѣ мы и находимъ новое подтвержденіе своей мысли: борьба партіи Милославскихъ съ Матвѣевымъ велась исключительно на почвѣ медицинской, изъ-за недостаточно заботливой охраны государева здоровья, и надо признать, что парировать взведенное на него обвиненіе Матвѣеву было не такъ легко. Выше мы имѣли возможность прослѣдить за ходомъ болѣзни царя Алексѣя. Ея никто не ожидалъ, она подкралась совѣмъ незамѣтно; опасность сразу обнаружилась; окружающіе царя, видимо, растерялись. Докторамъ-иноземцамъ не вѣрили³⁾ и, вѣроятно, метались изъ стороны въ сторону. То хватались за лѣкарства, указанныя медиками, то давали больному холодный квасъ, обкладывали его льдомъ. Среди всеобщаго хаоса и смущенія не слышно было твердаго рѣшительнаго голоса; а таковой, при данныхъ обстоятельствахъ, когда умиралъ не только государь, но и глава обширной семьи, окруженный рыдающей женою и дѣтьми, могъ раздаться со стороны одного лишь Матвѣева, довѣреннаго лица одинаково и въ правительственномъ совѣтѣ, и въ семейной обстановкѣ. Чѣмъ меньше довѣряли иноземцамъ-докторамъ, тѣмъ большая поэтому отвѣтственность возлагалась на Матвѣева, бывшаго къ тому же и начальникомъ царской аптеки, — да и самая аптека заведена была чуть ли не по его мысли⁴⁾. Эпоха, столь легко сближавшая медицинскую науку съ чернокнижіемъ и колдовствомъ, одинаково допуская въ ней и силу

¹⁾ Исторія о невинномъ заточеніи, 312.

²⁾ *Замисловскій*, Царствованіе Феодора Алексѣевича, стр. 160.

³⁾ Исторія невиннаго заточенія, стр. 7 слѣд.; *Historisch Verhael*, 143—144.

⁴⁾ Исторія невиннаго заточенія, 72.

цѣлебную, и темныя убійственныя чары, тѣмъ недобѣрчивѣе присматривалась къ каждому ея проявленію.

Аптеку отняли у Матвѣева, потому что онъ оказался не на высотѣ своей задачи. Новый царь тоже былъ недуженъ, „скорбѣлъ ножками“, у него объявилась та же цынга, что и у покойнаго родителя ¹⁾),—и возможно ли было, послѣ всего происшедшаго, оставить главное наблюденіе надъ лѣченіемъ царственнаго больнаго въ рукахъ того, кто уже доказалъ свою неспособность къ выполненію столь важной обязанности? Нѣтъ, необходимъ былъ человѣкъ съ болѣе безупречной репутаціей, который бы лучше гарантировалъ всѣмъ строемъ своихъ мыслей, характеромъ поведенія. Матвѣева коснулось зловредное вліяніе иноземныхъ обычаевъ ²⁾)—надо взять человѣка старыхъ устоевъ,—и таковой нашелся въ лицѣ маститаго 88-лѣтняго старца, убѣжденнаго сѣдинами, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ— князя Никиты Ивановича Одоевскаго ³⁾). Матвѣева удалили 9-го февраля, а 14-го уже созывается консилиумъ докторовъ для опредѣленія здоровья царя Ѳедора и мѣръ лѣченія. Прежніе порядки рушатся; годъ спустя завели даже особую аптеку специально для составленія лѣкарствъ про великаго государя ⁴⁾).

Однако отъ передачи аптекарскаго приказа въ другія руки до ссылки на холодные и пустынные берега Ледовитаго океана, даже до назначенія на верхотурское воеводство разстояніе было еще большее. Это потому, что минута для нападенія пока не настала. Недостаточно было желать—требовалось также умѣнье осуществить свое желаніе. Самый умный и энергичный изъ враговъ Матвѣева, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, не успѣлъ еще вернуться съ астраханскаго воеводства, гдѣ онъ проводилъ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича ⁵⁾); Богданъ Матвѣевичъ Хитрово въ дѣлѣ активной борьбы, повидному, стоялъ всегда на второмъ планѣ, къ тому же одно время онъ былъ опасно боленъ и находился при смерти ⁶⁾);

¹⁾ *Замисловскій*, приложенія, стр. I.

²⁾ Недаромъ паденіе Матвѣева отозвалось и на положеніи въ Москвѣ иноземцевъ (Teutschen), съ которыми стали теперь обращаться много хуже прежняго (*Rinhuber*, Relation du voyage en Russie, p. 187).

³⁾ *Rinhuber*, 169—170; *Замисловскій*, приложенія, стр. I слѣд.

⁴⁾ *Замисловскій*, приложенія, стр. I—V.

⁵⁾ Онъ назначенъ былъ туда 2 февраля 1674 г. (Дв. Разр. 919). Соображенія о продолжительности пребыванія Милославскаго высказаны у *Замисловскаго*, стр. 08, примѣчаніе.

⁶⁾ *Historisch Verbael*, стр. 125, подъ 18 (8) апрѣля.

а видѣвшій по положенію бояринъ, князь Юр. Ал. Долгорукій, по свидѣтельству Рингубера, былъ человѣкъ крайне невѣжественный, едва умѣвшій писать, пьяница, натура совсѣмъ грязная и дикая, со звѣрскими инстинктами ¹⁾,—съ такими качествами едва ли можно было достигнуть чего-либо положительнаго тамъ, гдѣ требовалась не одна только грубая сила. Кромѣ того раздѣливаться съ соперникомъ было пока неудобно и по внѣшнимъ соображеніямъ: въ теченіе четырехъ слишкомъ мѣсяцевъ дворъ носилъ трауръ: коронаціе новаго государя состоялось лишь 18-го іюня ²⁾; кромѣ того велись переговоры съ чрезвычайнымъ посольствомъ голландскимъ, а оно покинуло столицу только за семь дней до коронаціи.

Однако „случай“, и прекрасный, вскорѣ нашелся: датскій резидентъ Монсъ Гей ³⁾ уѣзжалъ влѣдъ за Кленкомъ и съ дороги ⁴⁾ послалъ на Матвѣева жалобу въ недоплатѣ ему 500 руб. за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, при чемъ въ отвѣтъ „на его требованіе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку“ ⁵⁾. Деньги резиденту московское правительство уплатить не замедлило, но карьера Матвѣева была рѣшена: враги жадно ухватились за обвиненіе, провѣрить которое, можетъ быть, слѣдовало хотя бы потому, что Гей, по словамъ Матвѣева, былъ человѣкъ беспорядочной жизни, сильно пьянствовавшій: съ начальникомъ Посольскаго приказа у него были и личныя столкновенія ⁶⁾. Находясь

¹⁾ *Rinhuber*, 191. На жестокость характера и сходство съ „Катилиной“ указываетъ и другой современникъ иностранецъ (Характеры вельможъ и знатныхъ людей въ царств. Алексѣя Михайловича. *Очерткы Архивъ*. 1826, ч. 17, № XX, стр. 308).

²⁾ Полн. Собр. Зак. II, 42, № 647; сравн. № 649, стр. 68.

³⁾ *Historisch Verhael* называетъ его *Magnus Gise* (стр. 85).

⁴⁾ Гей нагналъ Кленка въ Архангельскъ 20-го августа (*Histor. Verhael*, 211; въ текстѣ показано: сентября, но это опечатка). Самъ Кленкъ пріѣхалъ въ этотъ городъ 28-го іюля (2-го августа н. ст.) (стр. 209), то-есть находился въ пути, съ 11-го іюня, 42 дня; по этому расчету Гей могъ выѣхать изъ столицы 9-го іюля. Но если опираться на Соловьева (XIII, 221: „уѣзжалъ изъ Москвы, прислалъ жалобу“), выѣздъ Гей вѣроятно отнеси ранѣе 4-го іюля, дня паденія Матвѣева; однако Матвѣевъ категорически показывалъ, что Гей „письмо съ дороге отписавъ прислалъ“ (Ист. невинн. заточ., 163).

⁵⁾ *Соловьевъ*, XIII, 221.

⁶⁾ „Меня, холопа твоего, пріѣхавъ ко мнѣ въ домишко, обезчестилъ и перепросилъ, чтобы я тебѣ в. г-рю на него не билъ челомъ, и многія многія нестроенія зазорныя чинилъ... Многія лѣта жилъ на Москвѣ, ничего на меня не навѣщаль. А какъ по твоему в. г-рю указу отпущенъ съ Москвы и отъѣхалъ далеко

въ Москвѣ, Гей не рѣшался еще затрагивать врага и рассчитывалъ, что съ дороги его возвращать не стануть, а это и самого его забыть отъ неприятнаго допроса и очной ставки ¹⁾.

Гей не ошибся. Жалоба, безъ дальнѣйшей провѣрки, получила значеніе безспорнаго доказательства, и Матвѣева отрѣшили отъ управленія Посольскимъ приказомъ: 4-го іюля бояринъ Род. Матв. Стрѣшневъ вынесъ ему царскій приказъ ѣхать въ Верхотурье на воеводство ²⁾. Не даромъ Матвѣевъ позже сѣтовалъ на то, что ему „не дали отпустить посланника польскаго Чихровскаго“ ³⁾, который имѣлъ прощальную аудіенцію у государя 28-го іюля ⁴⁾.

Дѣйствительно, обстоятельное разслѣдованіе отнюдь не входило въ интересы враговъ бывшаго любимца царя Алексѣя. Чѣмъ серьезнѣе вина, чѣмъ больше количество проступковъ, тѣмъ проще и легче освободиться отъ ненавистнаго соперника. Отъѣздъ Матвѣева изъ Москвы открылъ широкое поле дѣйствія. Нечего и говорить, что у бывшаго начальника Посольскаго приказа насчитывалось не мало враговъ, не одинъ Милославскій. Хитрово или Долгорукій; но раньше, когда Матвѣевъ сидѣлъ еще крѣпко, трогать его боялись; зато теперь всѣ зашевелились, увѣренные, что дѣйствуютъ навѣрняка. „Вину“ опальнаго боярина охотно преувеличивали, раздували. Если онъ не радѣлъ о здоровьи царя Алексѣя, своего благодѣтеля, то тѣмъ легче было допустить сознательное преступленіе, прямой умыселъ на жизнь молодого Ѳедора, при которомъ, по родству его съ Милославскими, соперниками Нарышкиныхъ, Матвѣевъ, конечно, не могъ надѣяться сохранить прежняго положенія. Нашлись услужливые люди, охотно распространявшіе это обвиненіе, не говоря уже про то, что теперь, съ пріѣздомъ Ивана Мих. Милославскаго, имъ могли и прямо подсказать такую мысль. Впрочемъ, даже и допуская подобное „подсказываніе“, не слѣдуетъ его преувеличивать: увѣрять въ злодѣйскій „замыселъ“ Матвѣева было легко не только тѣмъ, кому это говорилось, но даже и тѣмъ, кто самъ это говорилъ: врачебная наука, да еще въ рукахъ иновѣрнаго чужеземца, по воззрѣніямъ русскихъ лю-

---

въ путь, сталъ ядъ испущати по наученью за злобу свою, что я ему въ дѣлѣхъ его неподобныхъ не молчалъ“ (Истор. невнн. заточ., 126, 127).

¹⁾ Ibidem, 124—127, 154, 163.

²⁾ Др. Росс. Вивл. XX, 370; Истор. невнн. заточ., 201.

³⁾ Ист. невнн. заточ., 154.

⁴⁾ Бантыши-Камenskій, Обзоръ внѣшн. снош. Россіи, III, стр. 149.

дей того времени, была сродни дьяволу, и потому нагѣйшая ошибка медика понималась, какъ намѣренное преступленіе ¹⁾).

Вѣсть съ тѣмъ достаточно было утѣрвать въ „умиселъ“, чтобы стали ясны и его „мотивы“: устраненіе Федора дѣлалось въ интересахъ Петра. Такое объясненіе напрашивалось само собою, и въ этой мотивировкѣ основной узелъ позднѣйшихъ разсказовъ, слуховъ и пересудовъ. Для чего бы иначе и колдовать?.. *Попытка отстраненія Федора и воцаренія Петра была логическимъ выводомъ изъ обвиненія въ чернокнижии, въ опоганеніяхъ съ нечистою силою и въ уклоненіи отъ возложенной обязанности выпивать остатки лѣкарствъ, принимаемыхъ государемъ.*

Матвѣева нагнали въ пути, остановили за Лашевымъ, нарядили слѣдствіе, и съ 25-го ноября 1676 г. начался допросъ ²⁾. Дѣло впрочемъ могло тянуться мѣсяца—приговоръ все равно былъ заранее предрѣшенъ: уже въ декабрѣ того же 1676 года въ Москвѣ открыто толковали о ссылкѣ Матвѣева въ Пустозерскъ и конфискаціи его имущества, какъ о фактѣ состоявшемся. Любопытно, что Рингуберъ, оставившій намъ объ этомъ свидѣтельство, говоритъ при этомъ также и о „замѣслахъ“ опальнаго боярина. Его разсказъ очень типиченъ и достаточно отчетливо вскрываетъ почву, на которой выросли тогдашніе московскіе толки и разговоры объ этомъ событіи.

Пять лѣтъ прошло, замѣчаетъ Рингуберъ, съ тѣхъ поръ какъ фамилія Нарышкиныхъ возвысилась при дворѣ и во главѣ ея Артамонъ Сергѣевичъ, ставшій первымъ въ государствѣ министромъ, если и не по имени, то на дѣлѣ (*ge tamen magis, quam nomine*). Высокомерный и жестокий въ управленіи, этотъ Артамонъ оскорбительно

¹⁾ Сторонники взгляда, будто обвиненіе въ чернокнижии было одною формою, забываютъ слѣдующее: Матвѣеву дали допытъ до Лашева, даже далѣе, задержали здѣсь, вернули въ Казань, вели слѣдствіе болѣе полугода, и только тогда состоялся указъ о ссылкѣ. Странная и сложная комедія! Если не хотѣли разгнѣвать ее въ Москвѣ, то отчего прямо, въ передній путь не остановили Матвѣева въ Казани? Отчего такъ тинули процессъ? Повторяемъ, можно было съ большою радостью ухватиться за обвиненіе, даже преувеличить его, заранее опредѣлить самый приговоръ,—но во всякомъ случаѣ все это продѣлывалось на почвѣ *факта* (дѣйствительнаго или утѣрваннаго — въ данномъ случаѣ безразлично); приказъ о задержаніи Матвѣева посланъ былъ лишь, когда вскрылось его „чернокнижіе“; а что его серьезно допускали, хотя бы нѣкоторые, — доказательствомъ служить продолжительность слѣдствія. Не забудемъ, что колдовству въ концѣ XVII вѣка вѣрили даже такіе высокообразованные люди, какъ князь Вас. Вас. Голицынъ—не чета Долгорукому и Мясоедовскому.

²⁾ Истор. повѣст. заточ., стр. 2, 201.

велъ себя по отношенію придворной и служилой знати. Онъ уже началъ было совсѣмъ властвовать надъ вельможами и боярами, когда скончался царь Алексѣй. Домогаясь стать регентомъ (*impregii tutor*), подобно Борису Годунову, онъ убѣждалъ вельможъ устранить сыновей отъ перваго брака, возведя на престолъ третьяго сына, царевича Петра, по второму браку отъ царицы Натальи. Однако вельможи, уразумѣвъ интриги Матвѣева и его стремленіе властвовать, возвели на престолъ Федора Алексѣевича, какъ старшаго изъ сыновей и законнаго наследника покойнаго государя. Послѣ того Артамонъ былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества, въ нарушеніи клятвы и въ намѣнѣ (*laesae majestatis, perjurii et perduellionis*). Говорили (*dicebatur*), что онъ будто бы хотѣлъ погубить царевичей съ помощью вооруженной толпы народа (*cum solduriiis e medio*), готовый идти на все (*quavis ratione*), лишь бы достичь своей цѣли. Матвѣева сослали въ Пустозерскъ, а сообщники его погибли подъ кнутаомъ, засѣченные до смерти ¹⁾.

Въ этомъ любопытномъ разсказѣ наше вниманіе останавливается прежде всего на полномъ отсутствіи тѣхъ геаліа, какими обставлены у Залускаго, Таннера и др. „замыслы“ Матвѣева: нѣтъ ни борьбы съ Долгорукимъ, ни двукратнаго посаженія на тронъ двухъ царевичей; нѣтъ и запертыхъ дверей въ комнатѣ царевича Ивана, отсутствія царицы у постели умирающаго—вся эта обстановка къ декабрю 1676 г. еще не успѣла сложиться. Зато ярко выступаетъ недовольство бояръ: Матвѣевъ ихъ притѣсняетъ; Матвѣевъ хочетъ надъ ними властвовать. Одного напоминанія имени Бориса Годунова достаточно для того, чтобы вскрыть тѣ карты, какими играли бояре. Характерно, что и эта часть обвиненія въ позднѣйшихъ свѣдѣтельствахъ предстанетъ въ болѣе развитой формѣ: Діаріушъ говорить объ оскорбленіи Матвѣевымъ не бояръ, а уже членовъ царскаго дома. Легенда о провозглашеніи Петра царемъ и посаженіи его на престолъ къ декабрю 1676 г. еще не успѣла сложиться, за то циркулируетъ слухъ о попыткѣ погубить обоихъ царевичей съ помощью вооруженнаго возстанія, однако не приурочивая ее точнѣе къ опредѣленному моменту.

Окраска Рингуберовой записи, несомнѣнно, боярско-придворная. Въ распространеніи подобныхъ слуховъ заинтересованы были прежде всего тѣ, кто погубилъ Матвѣева, потому что вскрывать свои пар-

¹⁾ *Vinlander*, *Relation du voyage en Russie*, p. 166—167.

тѣмъ интересъ имъ, разумѣется, было не для чего. Исторія же русскаго двора знаетъ не одинъ примѣръ наговоровъ подобнаго рода. Вспомнимъ, какъ въ маѣ 1682 г. подняли стрѣльцовъ фальшивымъ слухомъ объ убіеніи царевича Ивана; какъ передъ изложеніемъ царевны Софьи въ 1689 г. также охотно прибѣгали къ подобнымъ приемамъ: то маскировались и продѣлывали разныя безчинства съ цѣлью приписать ихъ враждебной сторонѣ, то распространяли вѣсти объ оскорбленіяхъ, заговорахъ, попыткахъ къ убійству;—да и весь сыръ боръ въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 г. загорѣлся едва ли не главнымъ образомъ изъ-за того, что обѣ партіи преувеличили опасность, возводили на противника рядомъ съ истинными винами кучу излишнихъ и существовавшихъ въ одномъ ихъ воображеніи. Дѣйствующія лица этой трагикомедіи въ концѣ концовъ совершенно запутались въ хаосѣ непримиримыхъ противорѣчій—и кровавое столкновение стало неизбежнымъ.

Что слухъ о замыслахъ Матвѣева былъ пустымъ обвиненіемъ, видно сколь изъ того, что самому обвиняемому его совѣмъ и не предъявляли, столь же и изъ того, что даже теперь, въ декабрѣ 1676 г., объ этомъ замыслѣ говорилось лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, совершенно неопредѣленно, при чемъ самый слухъ уже и теперь началъ облекаться въ формы сомнительныя, обставляться деталями маловѣроятными, вроде „вооруженной толпы“ и „сообщниковъ“.

Единственно серьезное обвиненіе, какое можно было выставить противъ Матвѣева—это нерадѣніе о здоровьи государя; а послѣднее, при желаніи, давало основаніе усомниться и въ вѣрноподданническихъ чувствахъ боярина,—заподозреть, кромѣ небрежности, и злой умыселъ. А такъ какъ начальникъ царской аптеки не могъ дѣйствовать въ одиночку, то опала его неизбежно влекла за собою опалу и тѣхъ докторовъ, что лѣчили государя и готовили про него лѣкарство. Дѣйствительно, послѣ высылки Матвѣева изъ Москвы трое медиковъ, Розенбургъ, Грамонъ и Понтанъ должны были въ зиму 1676—1677 г. поклонуть предѣлы Россіи. У Розенбурга отняли домъ; прежній подарокъ царя; Грамонъ заплатился 300 рублей вынужденный довольствоваться разрѣшеніемъ на свободный выѣздъ за границу ¹⁾. Изъ названныхъ медиковъ двое были докторами, а третій, Понтанъ, аптекаремъ ²⁾, и всѣ служили при дворѣ. Въ сказкѣ апте-

¹⁾ *Rinliber*, 183—184, 192.

²⁾ *Рыттеръ*, Исторія медицины въ Россіи, ч. II, стр. 234, 236, 275.

карскаго приказа 14-го февраля 1676 г., въ спискѣ докторовъ со-
званныхъ на консиліумъ для опредѣленія болѣзни царя Федора, Ро-
зенбургъ названъ первымъ¹⁾; конечно, онъ же лѣчилъ и царя Алек-
сѣя—и на него падало наиболѣе ответственности. На совѣщаніе
14-го февраля былъ приглашенъ и Грамонъ²⁾—трудно думать, что
онъ оставался совершенно въ сторонѣ во время болѣзни и покойнаго
государя. Если вспомнить, что голландецъ Кленкъ часто видался съ
Розенбургомъ во время своего пребыванія въ Москвѣ³⁾, и что выше
приведенный рассказъ „Путешествія Кленка“ о ходѣ болѣзни царя
Алексѣя Михайловича носитъ несомнѣнно оттѣнокъ порицанія прак-
тиковавшагося способа лѣченія, то не будетъ большою натяжкой при-
знать, что этимъ оттѣнкомъ книга обязана именно Розенбургу; что у
постели умирающаго царя боролись двѣ системы: первоначально лѣ-
чилъ по своему Розенбургъ, когда же болѣзнь продолжала не под-
даваться его усиліямъ, то иноземнаго доктора устранили и начали
прибѣгать къ „домашнимъ“ средствамъ, быть можетъ, уже какъ къ
последней мѣрѣ спасенія—къ квасу и ко льду. Мѣра не помогла, и
Матвѣевъ былъ немедленно устранинъ изъ аптеки.

Послѣ всего вышесказаннаго, полагаемъ, нѣтъ надобности слиш-
комъ долго останавливаться на соображеніяхъ Погодина въ пользу
свидѣтельствъ Залускаго, Таннера, Диаріуша и автора *Narratio ge-*
gisch. Говорить о „желаніи, надеждахъ“ самого царя Алексѣя Ми-
хайловича видѣть послѣ себя на престолѣ своего младшаго сына,—
допускать мысль, что онъ „не успѣлъ“ назначить Петра себѣ на-
слѣдникомъ—значитъ, слишкомъ субъективно притягивать объясне-
ніе ради излюбленной мысли и забывать, что для Алексѣя, этого
типичнаго представителя лучшихъ сторонъ русской жизни XVII вѣка,
существовалъ не одинъ Петръ, но и другіе сыновья, къ тому же
имѣвшіе за собой право первородства. Царь Алексѣй слишкомъ до-
рожилъ устоями общественной и государственной жизни, чтобъ самому
же и подкапываться подъ нихъ. Въ указанныхъ словахъ Погодина,
равно какъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что государь „былъ, разу-
мѣется, преданъ совершенно молодой женѣ своей“, невольнo сказалась
дурная привычка нашей исторіографіи переносить на событія ранней

¹⁾ *Замысловскій*, Царствование Федора Алексѣевича, приложеніе, стр. I.
Ср. Исторія невиннаго заключенія, стр. 7.

²⁾ *Ibidem*, стр. III. Здѣсь онъ названъ „докторомъ Михайлоу“; ср. *Ризтеръ*,
loco cit.

³⁾ *Verhael van de voyage*, z. 115, 116, 119, 143.

жизни будущаго великаго императора окраску представленій, связанныхъ съ именемъ и дѣятельностью гениальнаго преобразователя, и событія даже этой поры приурочивать къ нему, какъ своему обязательному центру. Если допустить, что „отецъ упоминалъ о Петрѣ, но такіа слова могли быть заматы“, то странно, почему позже, при избраніи Петра 27-го апрѣля 1682 г., Нарышкины лишили себя прекраснаго случая возстановить ихъ въ памяти и опереться на нихъ?

Точно также допускать „подговариваніе кого-нибудь изъ близкихъ къ себѣ бояръ“, „явное разсужденіе о положеніи дѣлъ“, „неосторожные“ поступки—значило бы тоже выступать на очень скользкую дорожку. Дѣло было не въ „близкихъ“ къ себѣ боярахъ—если Матвѣевъ и толковалъ съ ними, то, конечно, за припертыми дверями, а тѣ изъ чувства самосохраненія сами потомъ не проболтались бы; да близкихъ и подговаривать нечего; вести же переговоры съ Богд. Матв. Хитрово или съ княземъ Юр. Ал. Долгорукиимъ значило разыгрывать слишкомъ наивнаго царедворца. Что же до „явнаго разсужденія“, то именно его-то менѣе всего и возможно допустить: въ подобныхъ случаяхъ *явно* ничего не дѣлаютъ, и именно *дѣлаютъ*, но не *разсуждаютъ*. Въ 1682 г. нарышкинцы идутъ во дворецъ одѣтые въ панцири и готовые на всякую случайность; въ 1725 г. Меншиковъ вводитъ гвардейцевъ въ залу, гдѣ собрались вельможи „разсуждать“ о преемникѣ императору Петру, и возводитъ свою кандидатуку на престолъ не разсужденіемъ, а быстрымъ и рѣшительнымъ дѣйствіемъ.

Погодинъ, ссылаясь на позднѣйшее осужденіе князя В. В. Голицына и Л. В. Неплюева, вину которыхъ не хотѣли вскрывать, полагаетъ, что и въ данномъ случаѣ „торжествующая партія сочла неприличнымъ или вреднымъ для себя наводить мысль о возможности быть Петру на престолѣ и накликать такого рода бѣдствія“. Но поступать такъ, не значило ли копировать страуса, который прячетъ свою голову, воображая, что его никто не видитъ? Правда, немалую роль могли играть соображенія „приличія“, „престижа“, но Погодинъ забываетъ, что одновременно съ этимъ возводя на плаху Шакловитаго, Обросима Петрова и Кузьму Чернаго, отнюдь не женировались истинной мотивировкой ихъ казни—умысломъ на жизнь государя ¹⁾. Софью вѣдь заточить въ монастырь не задумались, а позже такъ и прямо постригли ее. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ руководились совѣмъ не тѣмъ: будь Голицынъ съ Неплюевымъ обвинены въ томъ же, въ

¹⁾ Розыскныя дѣла о Шакловитомъ, I, 271, 275.

чемъ и Шакловитый, имъ грозилъ бы та же плаха; но нашлись лица, захотѣвшія спасти ихъ—и вопросъ о винѣ былъ поставленъ иначе.

Постараемся теперь подвести итоги всему сказанному въ этой главѣ.

Заговора, попытки посадить на престолѣ царевича Петра не было; но неожиданная болѣзнь и быстро послѣдовавшая за нею смерть царя Алексѣя Михайловича, одновременно съ этимъ совпавшая и, повидимому, внушавшая тоже серьезныя опасенія, болѣзнь Ѳедора, положеніе Матвѣева, какъ начальника Аптекарскаго приказа—все это оправдывало подозрительность по отношенію къ любимцу покойнаго государя, давало основаніе къ обвиненіямъ, толкамъ, злобнымъ нападкамъ и пересудамъ. Неожиданная смерть Алексѣя Михайловича была тяжелымъ ударомъ для царицы Натальи, для Нарышкиныхъ вообще и для Матвѣева; они растерялись. Для остальныхъ переменна на престолѣ открывала радужные горизонты—этимъ, наоборотъ, она несла утрату прежняго величія. Чѣмъ неожиданнѣе было паденіе, чѣмъ съ большей высоты приходилось падать, тѣмъ удрученнѣе должны были себя чувствовать вчерашніе господа положенія. Слезь, причитаній всякаго рода—„на кого ты насъ покидаешь... осиротѣли мы“ и т. п.—и передъ постелью умирающаго, и за гробомъ покойника было вдоволь, тѣмъ болѣе что и по формѣ такія причитанія были въ духѣ времени. Скорбь переходила въ страхъ за будущее, въ ужасъ сознанія своей беспомощности, въ недовѣріе къ тѣмъ, отъ кого теперь зависѣло это будущее. И чѣмъ сильнѣе выражалась скорбь Нарышкиныхъ и ихъ недовѣріе къ сторонникамъ Ѳедора, тѣмъ сильнѣе подчеркивалась рознь двухъ партій—*вражда* двухъ несходныхъ интересовъ отливалась въ болѣе отчетливую и яркую форму. Кто *радовался* воцаренію Ѳедора, тѣ никогда не были близки ни къ царицѣ Натальѣ, ни къ Матвѣеву,—наоборотъ; и потому-то тѣмъ охотнѣе подхватывали они ихъ *грусть* и *печаль*, злобно носились съ нею, подчеркивали, преувеличивали, дѣлали темою ехидныхъ пересудовъ. „А, они недовольны! они не хотятъ, не хотѣли видѣть Ѳедора царемъ!..“ Въ Кремлѣ сразу повѣяло раздвоенностью...

Но партія Милославскихъ, захватившая власть, не рѣшалась сразу сломить врага. Отъ Матвѣева отняли Аптекарскій приказъ—на первый разъ важно было и это; къ тому же трудно было что возразить, при данномъ положеніи вещей, противъ этой мѣры. По окончаніи траура и послѣ коронаціи новаго государя, быть можетъ, и по связи съ возвратомъ изъ Астрахани боярина Ив. Мих. Милославскаго, жа-

лоба Гея развязала врагамъ Матвѣева руки. Матвѣевъ былъ дискредитированъ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, и какъ таковой, отрѣшенъ отъ должности, съ назначеніемъ въ Верхотурье на воеводство. Недавній временщикъ, однако, казался опаснымъ и въ Верхотурьѣ. Лишь только Матвѣевъ покинулъ Москву, какъ на него взвели обвиненіе въ умыслѣ на здоровье государя, — обвиненіе, солиднымъ оправданіемъ которому служили печальныя событія истекшаго января. Кто вѣрилъ этому обвиненію, кто поддерживалъ его изъ однихъ личныхъ соображеній; но разъ оно было высказано, то само собою являлся вопросъ: изъ какихъ побужденій злоумышлялъ Матвѣевъ на Ѳедора? и другого отвѣта, какъ: ради Петра, съ цѣлью сдѣлать его царемъ и потомъ отъ его имени править государствомъ—ного отвѣта быть не могло. Тѣ, кто обвинялъ Матвѣева (по убѣжденію или по пристрастію, все равно), должны были теперь поддерживать и эту мотивировку. Слухъ былъ пущенъ въ обращеніе, а извѣстно, что fama stercis eundo; первоначальнымъ ея отголоскомъ былъ Рингуберъ, у котораго „замыселъ“ Матвѣева рисуется пока еще въ общихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ; но время дѣлаетъ свое дѣло, и черезъ нѣсколько лѣтъ въ Narratio regum, въ Діаріушѣ „замыселъ“ получаетъ уже полное развитіе. Толпа особенно жадна до слуховъ, связанныхъ съ жизнью высшихъ сферъ, особенно двора; всякій наблюдавшій современную жизнь, имѣлъ случай убѣждаться, до какихъ нелѣпостей обыкновенно разрастаются эти слухи, а въ представленіи иноземца эти слухи получали еще болѣе искаженную форму: для него русская жизнь и безъ того за семью печатями была. Въ такомъ искаженномъ видѣ эти толки и слухи, закрѣпленные на бумагѣ, дошли до нашего времени.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХVIII.

1901.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	51
II. Высочайшіе приказы	—
III. Приказъ министра народнаго просвѣщенія	64
IV. Министерскія распоряженія	66
V. Опредѣленія ученаго комитета мн. нар. пр.	77
VI. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мн. нар. пр.	85
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мн. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	94
Открытіе училищъ	95

✓ Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XII (продолженіе)	237
В. Ф. Шишмаревъ. Этюды по исторіи повѣстческаго стиля и формъ	250
Е. В. Пѣтуховъ. Дерптскій университетъ въ первый періодъ его существованія (1803—1820)	303
✓ Князь Д. Н. Цертелевъ. Ш. Фурье	364

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. А. Тихомировъ. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и на- стоящемъ. Исслѣдованіе Николая Чернавскаго. Выпускъ первый. Оренбургъ. 1900	421
В. Т. Новое живописаніе Оливера Кромвеля. Историческая моно- графія Джона Морлея. С.-Пб. 1901.	429
А. Л. Погодинъ. Э. Вольтеръ. Литовская хрестоматія. Выпускъ I. С.-Пб. 1901	431
С. Н. Врайловскій. I. Bernstein. Katalog dzieł troszczykiowskiej składającej bibliotekę Ignacego Bernstein. Tom pierwszy, drugi i dodatek. Warszawa. MDCCC	434
Д. И. Абрамовичъ. Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Тео- доровича Миллера, подъ редакціей Н. А. Яичука. М. 1900	437
А. И. Введенскій. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніяхъ къ вопросамъ школьнаго обученія. А. П. Нечаева. С.-Пб. 1901	444
А. И. Соболевскій. Старецъ Елеазарова монастыря Филофей и его посланія. Исслѣдованіе В. Маминна. Кіевъ. 1901	484
А. А. Мушниковъ. Законодѣдвіе въ вѣ военно-учебныхъ заведе- ніяхъ	490
— Книжныя новости	505

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М. Попруженко. Начала космографіи	9
А. Кусовниковъ. Элементарный курсъ русской грамматики	14

(См. 3-ю стр. обложки).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

ХІІ.

„Полкъ Петровъ“ и „наставничество“ Мензѣя.

Съ легкой руки Крекшина въ нашей литературѣ вотъ уже полтора вѣка, какъ обращается легенда о потѣшномъ *Петровомъ полку*, якобы учрежденномъ еще царемъ Алексѣемъ для своего сына. Крекшинъ рассказываетъ, что государь, замѣтя въ царевичѣ воинскія наклонности, приказалъ сорока мальчикамъ („невозрастнымъ“) изъ знатныхъ семей ежедневно являться ко двору, „съ которыми въ непрестанныхъ военныхъ ученіяхъ государь царевичъ забавлялся. И то его были дѣтскія забавы, и игрушки, и увеселенія“. Кроме того, Алексѣй Михайловичъ будто бы „повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ, съ знаменъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ: *Петровъ*. Государя царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ великій государь своею персоною всегда наблюдалъ“ ²⁾.

Нельзя сказать, чтобы эта легенда пользовалась въ исторической литературѣ правомъ полного гражданства; но она все же имѣетъ и нѣкоторыхъ сторонниковъ. Не говоря про чисто компилятивныя и популярныя изданія ³⁾, съ нею все же находятъ нужнымъ считаться

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ.

²⁾ *Крекшинъ*, изд. Сахарова, стр. 18.

³⁾ Ср., напримѣръ *Д. Лебедевъ*, *Жизнь Петра Великаго*. Спб. 1890, стр. 9;

и даже прямо допускаютъ ее въ трудахъ научныхъ и вполне серьезныхъ. Такъ въ этомъ смыслѣ давно уже высказался И. Е. Забѣлинъ ¹⁾. Костомаровъ ²⁾, полковникъ Масловскій ³⁾, а недавно С. О. Платоновъ ⁴⁾. Не защищая разсказа Крекшина полностью, И. Е. Забѣлинъ все же полагаетъ, что сущность его вѣрна и истинна. Авторитетный бытописатель московской старины признаетъ, что „довѣрять запискамъ въ полной мѣрѣ нельзя“; что „старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ посочинительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожь его сочинительство едва-ли простиралось до того, чтобъ выдумывать фактъ: онъ только узанные имъ факты, изъ разсказовъ-ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ разсказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присвокупилъ къ играмъ своего сына—по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живого, какъ говорятъ, затѣйнаго—маленькій полкъ Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту“ ⁵⁾.

Одно неясно у г. Забѣлина. Крекшинъ отчетливо отдѣляетъ „возрастныхъ“, приходившихъ къ царевичу играть въ собственномъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова, отъ „возрастныхъ“, составившихъ полкъ и одѣтыхъ, какъ слѣдуетъ быть, по военному. Между

В. В. Глинскій, Царскія дѣти и ихъ наставники. М. 1899, стр. 11; проф. П. Н. Ковалевскій, Петръ Великій и его геній. Сиб. 1900, стр. 89. То же и въ недавно переизданномъ сочиненіи Н. А. Полевою, Исторія Петра Великаго. М. 1899, стр. 10.

¹⁾ Дѣтскіе годы Петра Великаго. Въ „Опытахъ“, ч. I, стр. 1—50; позже въ брошюрѣ „Преображенское или Преображенскъ“. М. 1883, стр. 19.

²⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, выпускъ шестой. Сиб. 1876, стр. 538.

³⁾ Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. I. Сиб. 1891, стр. 59.

⁴⁾ „Отецъ Петра допустилъ къ нему, какъ говорятъ нѣкоторые современники, военнаго иностранца Менезіуса, который руководилъ его военными забавами. Этотъ Менезіусъ, кажется, былъ дѣйствительнымъ начальникомъ солдатскаго полка, называемаго Петровымъ, по имени своего номинальнаго полковника—Петра“ (Лекціи по русской исторіи. Сиб. 1900, стр. 426).

⁵⁾ Опыты, ч. I, стр. 19—20.

тѣмъ г. Забѣлинъ говорить, и при томъ дважды, о „*маленькомъ* полкѣ Петровомъ“. Что подъ этимъ прилагательнымъ онъ подразумѣваетъ именно возрастъ, а не количество участниковъ, видно изъ другой его фразы, которая будетъ приведена нами ниже и гдѣ рѣчь идетъ уже прямо о *малолѣтнихъ* солдатахъ.

Что заставило г. Забѣлина отступить отъ прямого текста Крекшина, мы не знаемъ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ онъ руководился Голиковымъ, въ передачѣ котораго повѣствованіе Крекшина явилось въ такомъ видѣ: „Великій родитель его собралъ нѣсколько дворянскихъ единопѣтнихъ съ нимъ дѣтей и, сдѣлавъ приличное ихъ возрасту оружіе, велѣлъ ихъ обучить военнымъ выметкамъ“¹⁾. Чувствуя натяжку въ Крекшинѣ, г. Забѣлинъ, видимо, хотѣлъ сгладить его крайности и вмѣсто „возрастныхъ“ записалъ въ „полкъ“ „невозрастныхъ“. Точкой опоры ему служатъ данныя, позже вошедшія въ Есиповскій сборникъ, изъ коихъ онъ выводитъ, будто бы „Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанцовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ робяткохъ. Ровесники-робятки были спальники, столыники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ cadaго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры“²⁾. Но указываемыя авторомъ данныя относятся не только къ 1674—1675, а и къ 1676—1680 гг., т. е. ко времени уже послѣ смерти Алексѣя Михайловича, что въ данномъ случаѣ не одно и то же. О робяткахъ, какъ участникахъ военныхъ игръ царевича, еще можно говорить за время 1676—82 гг.; но трудно допустить какую-либо „систему“, переходъ „простыхъ потѣхъ почти въ школьное ученье“, какъ это думаетъ г. Забѣлинъ³⁾, у трехлѣтняго мальчугана, котораго, можетъ быть, только что передъ этимъ отняли отъ груди⁴⁾. Да и количество оружія, доставленнаго въ 1674—75 гг. Мастерскою Палатою въ царскія хоромы, не таково, чтобъ дозволить подобный выводъ: матеріала хватило бы всего на нѣсколько человекъ, на 4—5 не больше. Да и въ маленькихъ-ли комнаткахъ, по тѣснымъ-ли помѣщеніямъ Кремлевскаго дворца было маршировать и производить свои эволюціи большому (даже только по количеству, а не возрасту) полку?

¹⁾ Дѣянія, I, 189.

²⁾ Опыты, 18.

³⁾ Опыты, 20.

⁴⁾ См. выше гл. IX настоящихъ „Замѣтокъ“.

Разъ только, въ декабрѣ 1675 г., дѣйствительно, заказана была сразу цѣлая партія игрушечнаго оружія; но можно-ли дѣлать заключенія по единичному случаю? Къ тому же и цифра его (29), особенно если принять во вниманіе разнообразіе сортовъ, не представляла ничего особеннаго: отецъ съ матерью просто хотѣли побаловать сына на предстоящихъ праздникахъ. Ни одного оружія не было взято болѣе четырехъ экземпляровъ ¹⁾, какъ разъ на Петра и его карликовъ.

Нѣтъ, воинныя потѣхи, какъ зерно серьезнаго, настоящаго дѣла, еще впереди. Если отецъ при жизни своей и приводилъ къ сыну время отъ времени сверстниковъ (что не только возможно, но и весьма даже вѣроятно), и если дѣти, играя, продѣлывали то, что обыкновенно продѣлываютъ за играми всѣ дѣти трех-четырёхлѣтняго возраста, то отсюда еще далеко до „полка“ и вообще до какой-либо „системы“.

Съ легендой Крекшина И. Е. Забѣлинъ ставитъ въ связь рассказъ Невяля, въ сущности тоже легендарный и маловѣроятный. Французскій путешественникъ, въ своихъ запискахъ о Москвитинѣ 1689 г., между прочимъ сообщаетъ, что царь Алексѣй передъ самою смертію назначилъ Менезія гувернеромъ къ младшему сыну, который и оставался подъ его надзоромъ до венчанія Іоанна Алексѣевича, когда, съ переходомъ власти къ царевнѣ Софьѣ, Менезія удалили въ Смоленскъ ²⁾. Такому тонкому знатоку нашей бытовой старины, какимъ является авторъ „Домашняго быта русскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ“, конечно, не могла не броситься въ глаза полная невоз-

¹⁾ 5 древокъ, 5 прапоровъ, 4 топора круглыхъ, 3 съ обушками, 2 простыхъ, 2 буюдухана, 2 булавы, 4 ножица, 2 пары пистолей и карабиновъ (*Есимоев*, Сборникъ выписокъ, I, 16).

²⁾ Приводимъ это мѣсто записокъ Невяля по оригинальному тексту въ виду существеннаго разногласія его съ существующими переводами: „Ce prince (т. е. царь Алексѣй) ne doutant plus après cela de son affection, le nomma en 1672 pour aller de sa part à Rome, offrir au Pape Clement la réunion de l'église russe à la romaine, à de certaines conditions, d'où étant de retour sans aucun succès, il fut fait general major, et quelque tems après, le czar Alexis Samuel Errich se voyant moribond, le déclara gouverneur du jeune prince Pierre son fils, auprès duquel il a toujours demeuré jusqu' au commencement du règne du czar Jean, et depuis la princesse Sophie et le prince Galischin n'ayant pû luy faire abandonner les intérêts de Pierre, l'ont obligé d'aller demeurer à Smolensko, et de faire la dernière campagne, dans l'esperance qu'il y periroit“ (*Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, à la Haye. M. D. C. XCIX, p. 9—10*).

возможность назначенія иноземца и иновѣрца въ дядьки и воспитатели царскаго сына: въ XVII вѣкѣ достаточно было одного имени католика, латинника, чтобы съ благочестивымъ ужасомъ отвернуться отъ такой мысли и почувствовать себя оскорбленнымъ въ самыхъ святыяхъ своихъ чувствахъ. Корень благочестивѣйшаго православнаго царя поставить подъ начало папешника и, чего добраго, напоить его тлетворнымъ ядомъ нечестія!.. Нѣтъ, заслуги Менезія на поприщѣ военномъ и дипломатическомъ никакъ еще не давали ему права на такую отвѣтственную роль. Сколь ни коснулись новыя вѣянія царя Алексѣя, но самъ онъ всею своею природою глубокими корнями сросся съ устоями общественной и нравственной жизни въ томъ видѣ, какъ понимало ихъ громадное большинство русскихъ людей XVII вѣка, и самъ былъ однимъ изъ прочнѣйшихъ и неколебимѣйшихъ устоевъ этой жизни. Повторяемъ, все это болѣе чѣмъ ясно почтенному историку; но, къ сожалѣнію, его соблазнила мысль допустить Менезія въ качествѣ инструктора и руководителя того полка, о которомъ сейчасъ выше шла рѣчь. Этотъ силлогизмъ впрочемъ неизбѣжно вытекалъ изъ предшествовавшей послылки. Дѣйствительно, „если (какъ самъ говоритъ г. Забѣлинъ) рассказъ Крекшина объ устройствѣ маленькаго полка, съ названіемъ Петрова, справедливъ и если дѣтскій полкъ, вооруженный, обученный, исполнявшій формальности дисциплины, не могъ же образоваться самъ собою, при помощи однихъ дѣтей, а требовалъ руководителя, учителя, фельдфебеля, *то естественно предположить*, что былъ же этотъ учитель, устроившій игру, обучавшій полковымъ дѣйствіямъ и дисциплинѣ не только малолѣтнихъ солдатъ, но и самого трехлѣтняго Петра“ ¹⁾). Такимъ образомъ Невилемъ подтверждался Крекшинъ; а Крекшинъ въ свою очередь послужилъ для подкрѣпленія Невиля.

Критика едва ли удовлетворится такимъ приемомъ. Къ тому же, подобно тому какъ въ толкованіяхъ Крекшина г. Забѣлинъ отступилъ отъ прямого его свидѣтельства, такъ и у Невиля онъ извлекаетъ не совсѣмъ то, что слѣдовало бы. По Невилю, царь Алексѣй назначилъ Менезія гувернеромъ не *незадолго до своей кончины* ²⁾, а во время предсмертной своей болѣзни (*se voyant moribond*); хворалъ же онъ всего десять дней ³⁾. Редакція русскаго перевода ⁴⁾ допускаетъ

¹⁾ Опыты, 21.

²⁾ Опыты, 22.

³⁾ См. выше, главу XI настоящихъ „Замѣтокъ“.

⁴⁾ Г. Забѣлинъ пользовался переводомъ *Русскаго Вѣстника* (1841, № 9,

болѣе растяжимыя понятія о времени и не идетъ въ разрѣзъ съ предположеніемъ, если его сдѣлать, что Менезій былъ приставленъ за нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, даже за полгода и больше до смерти государя (а подобное предположеніе необходимо: надо же дать *время* Менезію на все это обученіе); между тѣмъ текстъ оригинала, наоборотъ, категорично подчеркиваетъ невозможность толковать его въ духѣ г. Забѣлина, потому что если даже и допустить существованіе „Петрова полка“, то не въ теченіе же тѣхъ десяти дней, когда весь Дворъ находился въ нервномъ возбужденіи и со страхомъ ожидалъ разрѣшенія кризиса, училъ Менезій царевича своей маршировкѣ¹⁾?).

Гипотеза г. Забѣлина въ исторической литературѣ имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ. Первые принимаютъ ее впрочемъ голословно, какъ нѣчто готовое, не приводя никакихъ соображеній въ ея пользу.²⁾ и, можетъ быть, даже исходятъ непосредственно изъ

стр. 605), гдѣ сказано: „Возвратясь безъ успѣха (изъ Рима), олъ (т.-е. Менезій) былъ произведенъ въ генераль-маіоры, и немного спустя царь Алексій Михайловичъ, *незадолго до своей кончины*, назначилъ его гувернеромъ къ своему сыну, юному принцу Петру“. Замѣтимъ, что переводъ *Русскаго Вѣстника* сдѣланъ не съ французскаго оригинала, а съ англійскаго перевода, изданнаго въ Лондонѣ въ 1699 г. (*Русскій Вѣстникъ* 1841, № 9, стр. 599, примѣч.). Та же неточность въ передачѣ оригинальнаго текста наблюдается и въ позднѣйшемъ переводѣ г. Браудо („незадолго до своей кончины“. *Русская Старина* 1891, т. 71, № 9, стр. 429), какъ разъ именно въ этомъ мѣстѣ почти дословно сложемъ съ переводомъ *Русскаго Вѣстника*.

¹⁾ Могутъ замѣтить, что выраженіе: *le déclara gouverneur* еще не даетъ права говорить о *назначеніи* или *опредѣленіи* (такъ какъ этому болѣе соотвѣтствовалъ бы глаголъ *postmer*), а только о *заявленіи*, какъ бы публикованіи, признаніи Менезія наставникомъ и что такимъ образомъ „назначеннымъ“ Менезій могъ быть раньше, хотя бы и за полгода до смерти царя, теперь же шла рѣчь лишь о санкціонированіи ранѣ совершившагося факта. Едва ли однако такое толкованіе текста будетъ правильнымъ. Разсказъ Невилля не даетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы авторъ отдѣлялъ моментъ назначенія отъ момента официальнаго заявленія. Невилль совершенно ясно говоритъ: Менезія сдѣлали генераль-маіоромъ, а потомъ, нѣкоторое время спустя, передъ самою смертью государя, назначили (или, если угодно, объявили) наставникомъ. *Declarer* въ данномъ случаѣ употреблено въ смыслѣ *postmer*: назначили, сдѣлали, приставили наставникомъ.

²⁾ За исключеніемъ впрочемъ П. В. Сяницына, доводы котораго однако приняты быть не могутъ. Г. Сяницынъ полагаетъ, что Невилль „не могъ выдумать совершенно безъ основанія“ своего извѣстія; что „нѣтъ причинъ сомнѣваться въ этомъ извѣстіи; если въ дядьки къ царевичу назначали знатнаго боярина, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ за дядьку былъ самъ Матвѣевъ, бывшій Натальѣ Кирьяловнѣ „въ отца мѣсто“ — а могъ ли Матвѣевъ, сторонникъ просвѣ-

самаго Крекшина; въ той формѣ, въ какой выражены ихъ указанія, они становятся выраженіемъ ходячаго мнѣнія — не болѣе ¹⁾). Представители противоположнаго взгляда, наоборотъ, стараются оправдать свои возраженія. Такъ еще раньше появленія статьи г. Забѣлина Устряловъ указывалъ на невозможность въ силу обычаевъ поручить воспитаніе царевича иноземцу ²⁾); Брикнеръ подчеркивалъ вѣроисповѣдную сторону дѣла, какъ главную помѣху для назначенія ³⁾); Погодинъ, оспаривая вообще возможность четырехлѣтнему ребенку, хотя бы наигеніальнѣйшему, сознать значеніе дисциплины, готовъ еще допустить присутствіе Менезія въ 1676—1682 гг., но и тутъ ему странно, что „Менезіусъ не сохранился нигдѣ въ воспоминаніяхъ Петра и что о немъ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій по занятіямъ при Петрѣ“ ⁴⁾); наконецъ, г. Астровъ допускаетъ одно: „Менезіусу случилось, быть можетъ, и не одинъ разъ, будучи во дворцѣ, *видѣть* игры царевича съ робятами и, какъ знакому военное дѣло,

щенія, виновникъ перваго въ Россіи театра,—могъ ли онъ быть противъ обученія царевича свѣтскимъ наукамъ — языкамъ и проч?... Мы считаемъ за фактъ, что Петръ росъ уже по волѣ отца и при надзорѣ Матвѣева, подъ советомъ другихъ, чѣмъ прежніе царевичи, впечатлѣніями, и что первымъ его наставникомъ былъ шотландецъ Менезіусъ, товарищъ и другъ Гордона“ (*Синицынъ*, Преображенское и окружающія его мѣста. М. 1896, стр. 16—17). Такимъ образомъ оказывается, что опору для своего вывода авторъ видитъ въ сочувствіи Матвѣева къ просвѣщенію—что само по себѣ еще ничего не доказываетъ — и въ положеніи Матвѣева при Петрѣ въ званіи дядьки,—чего на дѣлѣ совершенно не было. Говоря, что съ водареніемъ Федора Алексѣевича вмѣстѣ съ Матвѣевымъ удаленъ былъ и Менезіи, авторъ косвенно и не замѣчая того признаетъ, что „наставничество“ шотландскаго офицера (если вспомнить фразу Невилла: *as youant moribond*) сводилось въ сущности къ нулю.

¹⁾ *Вантмиш-Каменскій*, Словарь достопамятныхъ людей. М. 1886, ч. III, стр. 308 („Вскорѣ потомъ, когда скончался Самуилъ Ермакъ, онъ опредѣленъ былъ наставникомъ къ царевичу Петру Алексѣевичу, при которомъ безотлучно находился до вступленія его на престолъ“—такъ понять и передать былъ текстъ Невилла); *Костомаровъ*, Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, выш. шестой. С.-Пб. 1876, стр. 538; *Сборникъ* Имп. Русск. Истор. Общ. т. 62; *Энциклопедическій Словарь* Прохгауза и Ефрона; *Трачевскій*, Учебникъ Русской Исторіи, изд. 2-е, т. II. С.-Пб. 1900, стр. 31; *Глинскій*, Царскія дѣти и ихъ наставники. М. 1899, стр. 11—12; *Лебедевъ*, Жизнь Петра Великаго. С.-Пб. 1890, стр. 9—10; *Платоновъ* (см. выше).

²⁾ Дефоржъ и потѣхи Петра Великаго. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1851, № 1, стр. 41. Позже цѣликомъ вошло въ „Исторію царствованія императора Петра Великаго“, II, 17.

³⁾ Peter der Große, 29.

⁴⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ; изслѣдованія, 73, прим.

довелось дать Петру какія-нибудь указанія, о которыхъ могъ просить его самъ же Петръ, отличавшійся съ ранняго дѣтства бойкостью и беззаастѣнчивостью“,—подъ французскимъ же перомъ все это превратилось въ цѣлое гувернерство ¹⁾).

Всѣ эти возраженія, признаемся, отнюдь нельзя считать окончательными, и вопросъ требуетъ еще дальнѣйшаго пересмотра, возможнаго лишь съ появленіемъ новыхъ данныхъ: мы лишь настаиваемъ на томъ, что не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ „полкѣ Петровомъ“ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а слѣдовательно и о руководствѣ Менезія въ качествѣ инструктора; еще менѣе можно говорить о немъ, какъ о воспитателѣ.

Книга Невилля требуетъ очень осторожнаго къ себѣ отношенія; въ ней много путаннаго и фабульнаго. Авторъ совершенно незнакомъ былъ съ страной, которую описывалъ; свой матеріалъ онъ могъ составить лишь на основаніи видѣннаго, бѣглыхъ вѣдѣній впечатлѣній да сообщеній другихъ лицъ. Говоря о „гувернерствѣ“ Менезія, онъ нѣсколькими строками выше сообщаетъ о попыткѣ къ соединенію церковей, какъ основной цѣли посольства Менезія въ Римъ въ 1672 — 1673 гг.; мы однако знаемъ, какъ далеко все это отъ истины, а потому съ естественной подозрительностью читаемъ и дальнѣйшія строки. Запись Невилля явилась, конечно, результатомъ бесѣды его съ Менезіемъ, и одинаково возможно, что или Менезій ввелъ въ заблужденіе французскаго путешественника, или что этотъ послѣдній не такъ понялъ слова своего собесѣдника. Возможно одновременно и то, и другое.

Вспомнимъ, что Менезій и Невилль именно *бесѣдовали*, а не историческое изслѣдованіе вели,—бесѣдовали, подчеркивая въ разговорѣ

¹⁾ *Астроукъ*, Первое образованіе Петра Великаго. *Русскій Архивъ* 1875, № 8, стр. 479. Легенду о Менезіи еще въ XVIII столѣтіи, и повидимому основывалась на Невиллѣ, распространялъ Мотлей (*John Mottley, The history of the life of Peter I. Vol. I. London 1789, pag. 11*: „...Alexis Michaelowitz, who a little before his death, which was when Peter had scarce arrived at five years of age, declared general Menesius, a scotch-man, his governor... The princess Sophia, who not being able to make Menesius abandon the interest of this her half-brother Peter, forced him to retire“); опираясь на Мотлея, и Головинъ (*J. Golovine. Histoire de Pierre I appelé le Grand. Lpzg. 1861, pag. 15*) называетъ Менезія instituteur de Pierre, замѣчая, что поворная трусость, проявленная имъ во время бунта 15-го мая 1682 г., была причиною его послѣдующаго удаленія отъ Петра. Въ иностранной литературѣ новѣйшаго времени указанная версия о Менезіи подерживается г. Валишевскимъ, *Pierre de Grand, 3-ème edit., pag. 38—34.*

и выпуклѣе изображая то, что ихъ болѣе интересовало въ данную минуту, удерживая въ памяти то, что хотѣлось удержать. На Западѣ во второй половинѣ XVII столѣтія сношеній Рима съ Москвою иначе и не понимали, какъ на почвѣ церковнаго сближенія, и неудвигательно, если бесѣда подчеркивала не политическія *цѣли* повѣдки, — цѣли, осуществлявшіяся формальнымъ путемъ и оставшіяся недостигнутыми — а закулисную сторону пребыванія Менезія въ Вѣчномъ городѣ, *обстановку* его переговоровъ. Прекрасно принятый въ римскомъ обществѣ, сблизившійся съ многими вліятельными лицами папскаго двора ¹⁾, Менезій, разумѣется, не единожды бесѣдовалъ съ ними на тему, столь близкую интересамъ папскаго престола, и теперь, встрѣтя въ глухомъ провинціальномъ городкѣ схизматической Московіи единовѣрнаго и по культурѣ близкаго себѣ человѣка, естественно съ охотой вспоминалъ объ этихъ разговорахъ.

Точно также и „губернерство“ могло сложиться путемъ подобнаго ошибочнаго обобщенія. Царь Алексѣй несомнѣнно жаловалъ Менезія. Связи послѣдняго съ Нарышкиными черезъ шотландку Авдотью Петровну Гамильтонъ дѣлали его близкимъ ко двору, сохраняли и по смерти государя добрыя отношенія къ царицѣ Натальѣ, которая въ царствованіе Федора особенно должна была дорожить преданностью лицъ, не пожелавшихъ перейти въ чужой лагерь. Вѣроятно, что Менезій въ пріѣзды свои въ Москву бывалъ при дворѣ вдовствующей царицы, а въ 1679—81 гг. тамъ уже существовали „робятки“, сверстники игръ Петра, — дѣтская игра въ войну и солдатика началась уже тогда. Менезій могъ, какъ это допускаетъ и г. Астровъ, дѣйствительно, видѣть игры царевича и дать нѣсколько указаній. Теперь, бесѣдуя съ Невилемъ въ 1689 г., когда почти уже готовы были полки Преображенскій и Семеновскій, когда уже обозначились результаты первоначальныхъ дѣтскихъ игръ, — теперь неудвигательно, если Менезій нѣсколько преувеличилъ значеніе своихъ совѣтовъ и рисовалъ ихъ на почвѣ того вниманія и довѣрія, какимъ его чтили царь Алексѣй и его супруга. Въ умѣ слушателя эти совѣты отпечатлѣлись уже, какъ систематическое постоянное руководство, при томъ обусловленное именно довѣріемъ царя Алексѣя, что было тѣмъ легче, такъ какъ въ самомъ вѣдѣ дѣлѣ главнымъ образомъ на этомъ довѣрїи и могли сложиться отношенія (хотя и мимолетныя) Менезія въ 1676—82 гг.

¹⁾ P. Pierling, Saxe et Moscou. Un médecin diplomate, p. 142.

ко двору вдовствующей царицы, если только признавать эти отношения за дѣйствительный фактъ.

Настоящая глава была уже написана, когда въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1900 годъ появилось окончаніе статьи Н. В. Чарыкова, подвергшаго новому пересмотру вопросъ о наставничествѣ Менезія ¹⁾. Авторъ не рѣшается категорически утверждать фактъ наставничества шотландскаго офицера; но все же онъ ему „кажется въ высшей степени вѣроятнымъ“. Новая защита Невилевской версіи не поколебала нашего отрицательнаго къ ней отношенія; но слѣдуетъ признать, что, защищая старое положеніе, г. Чарыковъ подкрѣпилъ его новыми соображеніями, привелъ въ пользу его новые факты, и потому, отставивъ свою точку зрѣнія, мы считаемъ долгомъ выяснитъ, почему эти новые факты, по нашему мнѣнію, все-таки не могутъ служить доказательствомъ того, что Менезій руководилъ занятіями и играми трехлѣтняго Петра.

Основная мысль г. Чарыкова сводится къ слѣдующему: не рѣшаясь говорить о существованіи „полка Петрова“, онъ за то усиленно подчеркиваетъ то, что царевичъ съ раннихъ лѣтъ росъ, окруженный сверстниками, стольниками—робятами, этимъ „кадромъ“ будущаго потѣшнаго войска, и что въ виду заготовленія для Петра лѣтомъ 1675 г. „статей со сто“ разнаго древне-русскаго игрушечнаго оружія, можно-де съ увѣренностью говорить о воинскихъ играхъ со значительной группой сверстниковъ еще при жизни царя Алексѣя. Кромѣ того въ концѣ того же 1675 г. ребенку изготовили двѣ пары пистолей и карабиновъ,—а этотъ родъ оружія былъ новѣйшимъ, занесеннымъ съ Запада; карабинами и пистолетами были вооружены иноземнаго строя рейтарскіе полки, однимъ изъ командировъ котораго былъ никто иной, какъ Менезій. „Такимъ образомъ первое оружіе иноземнаго типа попало въ руки Петра Великаго по распоряженію его отца“. Мамки, на чьихъ рукахъ находился въ ту пору царевичъ, не могли показать ему ни „какъ владѣть пистолетами, или какъ приложиться изъ карабина, ни объяснить устройство и дѣйствіе ружейнаго замка“. Вотъ почему „предусмотрительный“ Алексѣй Михайловичъ, заказавъ для сына рейтарское оружіе, не могъ не озаботиться способомъ ознакомленія ребенка съ новой интересной игрушкой. Въ данномъ случаѣ могъ быть пригоденъ лишь специалистъ военнаго дѣла, таковыми были

---

¹⁾ „Павелъ Менезій, его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Великомъ“.

иноземные офицеры, изъ нихъ же осенью 1675 г. никто не былъ такъ почтенъ царемъ и приближенъ къ его семьѣ, какъ Павелъ Менезій ¹⁾).

Ходъ разсужденія у автора вполне ясенъ и послѣдователенъ. Но если даже и признать правильность его выводовъ изъ сдѣланныхъ посылокъ, то еще вопросъ, насколько правильны самыя послылки? 15-го июня 1675 г., дѣйствительно, велѣно было позолотить „статей со сто“, но, во-первыхъ, онѣ были сдѣланы *про запасъ*, т. е. не для выдачи сразу, а постепенно, соответственно порчѣ игрушекъ; во-вторыхъ, разнообразіе этихъ „запасныхъ статей“ ²⁾ даетъ право думать, что cadaго сорта оружія приходилось среднимъ числомъ по десяти штукъ не болѣе ³⁾, — другими словами (принимая во вниманіе именно запасъ) человекъ на 5, много, много на 6—7. Въ эту же пору при комнатахъ Петра состояло трое карлъ ⁴⁾, и если сотоварищами игръ царевича и не были исключительно они одни, то все же нѣтъ никакихъ основаній полагать, что таковыхъ въ эту пору было непременно много.

Что до пистолей и карабиновъ, то самъ же авторъ признаетъ, что это оружіе вошло у насъ въ употребленіе еще въ концѣ XVI или началѣ XVII стол., и потому трудно допустить, чтобы при дворѣ Алексѣя Михайловича не нашлось никого изъ комнатныхъ бояръ, стольниковъ и пр., кто бы могъ объяснить несложное употребленіе этого оружія. Къ тому же это было совсѣмъ не „настоящее“ оружіе, а вполне игрушечное: карабины и пистолы „золотились“, „расписывались“ „по гульфарбѣ цвѣтно“, подобно тому какъ такую же процедуру продѣлывали одновременно съ топорами, ножиками и булавами ⁵⁾).

Позднѣйшую форму Преображенскаго полка—зеленый мундиръ и желтый кушакъ — г. Чарыковъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, что въ августѣ и сентябрѣ 1679 г. мамка Петра, боярыня Леонтьева, взяла 10 аршинъ темнозеленаго сукна робяткамъ на кафтаны, да 2 аршина желтой тафты на кушаки ⁶⁾; при этомъ авторъ замѣчаетъ, что мамка

¹⁾ *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 951—953.

²⁾ Булавы, буздуханы, ножки, шестоперы, чеканы, топоры посольскіе и простые, молотки, шаржи.

³⁾ *Есимовъ*, I, 15.

⁴⁾ *Есимовъ*, I, 15—16.

⁵⁾ *Есимовъ*, I, 16.

⁶⁾ *Есимовъ*, I, 226—227; *Забѣлинь*, *Опыты*, I, 17.

царевича не могла вводить форменнаго платья: „болѣе вѣроятно, что эта форма была введена мужчиной и, въ частности, офицеромъ. Все вышеназванное указываетъ, что этимъ офицеромъ долженъ былъ быть Павелъ Менезій“¹⁾. Но вѣдь еще надо доказать, что это было форменное платье! Что позднѣйшая форма выросла изъ этого одѣянія робятокъ—едва ли кто станетъ оспаривать; но изъ позднѣйшаго далеко не всегда можно выводить предшествующее. Чѣмъ бы ни руководилась Леонтьева въ выборѣ цвѣта матеріи, но самые кафтаны она шила (или заказывала) царевичу чуть не съ самаго его рожденія; тѣмъ менѣе хитрымъ дѣломъ было опоясать ребенка кушакомъ²⁾.

Очень любопытно извлеченное г. Чарыковымъ изъ архивовъ свидѣтельство объ указѣ царя Алексѣя Михайловича, отъ 26-го октября 1675 года, о выпискѣ изъ Рима картинъ, изображающихъ тамошніе церкви, дворцы и нынѣ достопримѣчательности Вѣчнаго города. Заказъ этотъ г. Чарыковъ сопоставляетъ съ одновременнымъ началомъ обученія Петра грамотѣ и полагаетъ, что римскія „персоны“ предназначались именно для Петра. Съ исполненіемъ заказа торопились; иллюстраціи должны были сопровождаться объяснительнымъ текстомъ, и послѣдній „несомнѣнно“ порученъ былъ Менезію. „Если же „персоны“ и записка предназначались для Петра, то становится вѣроятнымъ, что на Менезія должно было быть возложено, въ дополненіе къ занятіямъ съ царевичемъ воинской „потѣхой“, также нѣкоторое ознакомленіе его съ исторіей и бытомъ Западной Европы, чрезъ демонстраціи римскихъ „персонъ“ и чтеніе разсказа по соотвѣтственному тексту“³⁾.

Прежде всего отмѣтимъ рискованность сопоставленія римскаго заказа съ началомъ ученія Петра около декабря 1675 г. Г. Чарыковъ ссылается на И. Е. Забѣлина и Погодина. Но первый выразилъ лишь догадку, предположеніе и самъ призналъ, что оно „требуется еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ“ считалъ себя вынужденнымъ руководиться показаніемъ Крекшина⁴⁾. Что до Погодина, то онъ лишь повторилъ догадку г. Забѣлина, ничѣмъ ее не подкрѣпивъ⁵⁾.

1) *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 954.

2) Да хватитъ ли двухъ аршинъ тафты на два кушака даже дѣтскихъ?

3) *Историческій Вѣстникъ* 1900, декабрь, 954—955.

4) *Опыты*, I, 34.

5) Семнадцать первыхъ лѣтъ, 17. См. объ этомъ подробнѣе ниже, гл. XIII „Критическихъ Замѣтокъ“.

Отказавшись отъ мысли, что ребенка посадили за грамоту еще при жизни отца, мы легко увидимъ, что нѣтъ никакой надобности и даже возможности связывать заказъ въ Римѣ съ личностью Петра. Можетъ быть, когда будетъ опубликованъ подлинный текстъ доклада 26-го октября 1675 г. и другіе относящіеся къ этому вопросу документы (на что авторъ даетъ надежду), выставленный тезисъ и получить свое обоснованіе, но пока, признаемся, послѣдняго мы не находимъ. Объяснительный текстъ, съ которымъ такъ торопились, долженъ былъ трактовать „о началѣ Рима и обыкности римской“, т. е. содержать историческія свѣдѣнія, описаніе нравовъ и обычаевъ; всѣмъ достопримѣчательностямъ города должно было быть дано обозначеніе ихъ мѣры въ ширину и длину, съ указаніемъ, „въ которомъ году и при которомъ цесарѣ и папѣ костелы и въ костелахъ святыхъ мщци положены“, наконецъ, „съ описаніемъ домовъ прежнихъ цесарей и папъ и иныхъ замѣчательныхъ древностей“—неужели вся эта премудрость предназначалась для трехлѣтняго ребенка?..

Г. Чарыковъ затрудняется допустить, чтобы Алексѣй Михайловичъ заказывалъ картины лично для себя: „Менезій уже полтора года проживалъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Рима, и царь могъ бы гораздо ранѣе потребовать себѣ, если бы пожелалъ, виды и описанія этого города“. Но почему же думать, что такое желаніе, если ему возникнуть, должно было проявиться непремѣнно лишь вслѣдъ за пріѣздомъ Менезія, а не годомъ или двумя позже? Отчего, наконецъ, не допустить, что заказъ дѣлался для наследника престола, 14-лѣтняго царевича Федора, получившаго, какъ извѣстно, тщательное образованіе и которому, по годамъ и по общему уровню знаній, во всякомъ случаѣ естественнѣе было разбираться въ ширинѣ и длинѣ римскихъ зданій, знакомиться съ первоначальной исторіей древняго Рима?..

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХ.

1902.
АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	59
II. Высочайшія награды	—
III. Высочайшіе приказы	60
IV. Приказы министра народнаго просвѣщенія	69
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	71
VI. Положенія о стипендіяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	74
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	83
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	91
IX. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	101
Открытіе училищъ	—
Отъ совѣта общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III	102
Н. Д. Чечулинъ. Объ источникахъ „Наказа“	279
С. Н. Эверлингъ. Новые отрывки евангельскаго текста. I.	321
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинныхъ самоочевидныхъ (<i>продолженіе</i>).	334
В. М. Чулицкій. И. И. Дмитріевъ. VI—XI.	355
А. М. Ону. Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 году. IV (<i>продолженіе</i>)	398
Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XIII	421

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. Г. Виноградовъ. <i>Дмитрій Пеструшевскій</i> . Возстаніе Уота Тайлера. II. Москва. 1901	440
Ю. А. Кулаковскій. Записка Готскаго топарха	449
Н. М. Каринскій. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ шестьдесятъ восьмой. С.-Пб. 1901.	459
М. В. Довнаръ-Запольскій. Записки С. Г. Волконскаго (декабреста).	467
С. И. Кулябка. <i>И. Вороновъ</i> . Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Воронежъ. 1899.— <i>В. Щерба</i> . Сборникъ матеріаловъ и статистическихъ свѣдѣній по народному образованію въ Тамбовской губерніи. Тамбовъ 1901.	482

См. 3-ю стр. обложки.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

XIII.

Начало учебныхъ занятій Петра Великаго.

Крекшинъ свидѣтельствуетъ, что Петръ началъ обучаться грамотѣ на пятомъ году, съ 12-го марта 1677 г.,—дня, когда къ нему представленъ былъ учителемъ дьякъ челобитнаго приказа Пиннта Моисѣвичъ Зотовъ ²⁾. Это показаніе автора „Описанія блаженныхъ дѣлъ великаго государя“ можно считать твердо установленнымъ въ нашей исторической литературѣ: если два главныхъ историка Петра Великаго, Устряловъ и Соловьевъ, и обходятъ данный вопросъ полнымъ молчаніемъ (одинъ, вѣроятно, въ силу общаго недовѣрія къ показаніямъ Крекшина, котораго онъ считалъ прямо „безсовѣстнымъ обманщикомъ“ ³⁾; другой, вѣроятно, за неимѣніемъ времени и по недостатку мѣста для такихъ детальнаго вопросовъ въ трудѣ, посвященномъ исторіи Россіи вообще, а не отдѣльнаго лица въ частности), за то всѣ остальные изслѣдователи и біографы Петра вышеуказанною датою обыкновенно опредѣляютъ начало ученія будущаго императора. Таково мнѣніе Н. Полевого ⁴⁾, И. Е. Забѣлина ⁵⁾, Погодина ⁶⁾, Костомарова ⁷⁾, С. Θ. Платонова ⁸⁾ и др. ⁹⁾.

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

²⁾ Записки русскихъ людей, изд. Сахарова, стр. 20.

³⁾ *Устряловъ*, Исторіи царствованія императора Петра Великаго, I, стр. XIII.

⁴⁾ Исторія Петра Великаго, новое изданіе 1899, стр. 17.

⁵⁾ Дѣтскіе годы Петра Великаго. Опыты, I, 33—34.

⁶⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ, стр. 17.

⁷⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, выпускъ шестой. Спб. 1876, стр. 538.

⁸⁾ Лекціи по русской исторіи. Спб. 1900, стр. 426.

⁹⁾ *Лебедевъ*, Жизнь Петра Великаго, стр. 12; *Синицынъ*, Преображенское и окружающія его мѣста, стр. 18.

Лишь И. Е. Забѣлинъ считаетъ возможнымъ, да и то съ оговоркой, отнести начало ученія къ болѣе раннему сроку. „Изъ расходныхъ книгъ тайнаго приказа,—говоритъ онъ—„узнаемъ, что подъячій тайныхъ дѣлъ Григорій Гавриловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 года, писалъ въ *хоромы* къ государю *азбуку и часословъ*. 26-го ноября, когда, вѣроятно, онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27-го числа въ соборѣ Николы Голстунскаго служили молебень для *многочитаню здравія* царевича Петра Алексѣевича... Известно, что ученье всегда начиналось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученье грамотѣ съ этого времени, то-есть, слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Къ тому же былъ обычай ученье начинать съ пророка Наума, т.-е. съ 1-го декабря“ ¹⁾.

„Впрочемъ“—спѣшитъ оговориться г. Забѣлинъ—„наше предположеніе требуетъ еще болѣе вѣркихъ подтвержденій“, и, не считая возможнымъ настаивать на немъ, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи опирается на рассказъ Крекшина ²⁾. Дѣйствительно, какъ ни соблазнительно совпаденіе по времени молебна, памяти пророка Наума и составленія азбуки, но едва ли бы было осторожно, основываясь на этомъ, предполагать, будто Петръ началъ учиться грамотѣ трехъ съ половиною лѣтъ отъ роду—слишкомъ рано было сажать такого ребенка за книжку.

Дата 12-го марта 1677 года закрѣпилась въ исторической литературѣ, помимо категорическаго заявленія Крекшина, повидимому, также и въ силу сложившагося представленія о томъ, что царскихъ дѣтей въ XVII вѣкѣ обыкновенно начинали обучать грамотѣ съ *пятимы* возраста, при чемъ закрѣпить такое представленіе выпало на долю И. Е. Забѣлина. „Дѣти государя начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ“, такъ заявляетъ онъ въ своемъ „Домашнемъ бытѣ русскихъ царей“ еще первоначальной редакціи ³⁾, тутъ же подтвердивъ

¹⁾ Опыты, I, 34.

²⁾ Не смотря на такую категорическую оговорку, Погодинъ считаетъ началомъ ученія конецъ 1675 г., хотя никакихъ другихъ основаній, кромѣ приведенныхъ г. Забѣлинымъ, не указываетъ (Семнадцать первыхъ лѣтъ, 17). У Дярина, хотя и со ссылкой на Забѣлина и Погодина, новое отступленіе отъ Крекшина, объясняемое, всего вѣроятно, опечаткою или небрежностью: „на *третьемъ* году (т.-е., значить, ранѣе даже трехъ лѣтъ!) начали его учить грамотѣ“ (Исторія Семеновскаго полка, I, 3).

³⁾ *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 92.

свое положеніе словами: „царевичъ Алексѣй Михайловичъ, достигнувъ пятилѣтняго возраста, началъ учиться“ ¹⁾. „Въ царскомъ быту обученіе грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста“, повторилъ онъ нѣсколько позже, говоря специально о „дѣтскихъ годахъ Петра Великаго“ ²⁾ и ставя первый приступъ къ ученю въ связь съ переходомъ царевичей около этого же времени съ рукъ матери на попеченіе дядекъ ³⁾. Это заявленіе авторитетнаго знатока нашей старины съ тѣхъ поръ стало, можно сказать, канопомъ въ исторической литературѣ. На чемъ оно однако основано? Насколько можно судить, г. Забѣлинъ опирался главнымъ образомъ на свидѣтельство Котошихина, привлекая сюда и другіе источники,—даныли о школьныхъ занятіяхъ дѣтой царя Михаила Феодоровича ⁴⁾.

Но вотъ что, однако, говоритъ Котошихинъ: „Да у того жъ царевича, или у царевны, бываютъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянка и иные послужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ, для береженія и наученія, боярина, честию великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища околичаго, или думнаго человѣка; такъ же изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ столники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ пріспѣетъ время учить того царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учитольныхъ людей, тихихъ и по бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческаго, нѣмецкаго, и некоторыхъ, кромѣ рускаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ“ ⁵⁾.

По точному смыслу приведеннаго текста, о „пяти годахъ“, какъ о болѣе или менѣе установленномъ срокѣ, можно говорить только въ примѣненіи къ переходу царевича съ женскихъ рукъ подъ мужской надзоръ—не болѣе. Котошихинъ далекъ отъ мысли утверждать, что именно съ этого же времени, т.-е. съ пятилѣтняго возраста, начиналось и ученье: къ нему приступали, „когда пріспѣетъ время“, а оно могло „пріспѣть“, очевидно, и позже. Дѣйствительно, средняя изъ дочерей Михаила Феодоровича, царевна Анна, родившаяся 14-го іюня 1630 г. ⁶⁾, начала учиться съ 1-го декабря 1636 г., т.-е. *шести* съ

¹⁾ Ibidem, стр. 95.

²⁾ Опыты, I, 33 (статья была написана въ 1857 г.).

³⁾ *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 92.

⁴⁾ Ibidem, стр. 105—106.

⁵⁾ Изд. 3-е, стр. 19.

⁶⁾ *Строевъ*, Выходы, указатель, стр. 6.

половиною лѣтъ отъ роду ¹⁾); вѣроятно, тогда же, т.-е. на половину или на исходъ шестилѣтняго возраста стала учиться и младшая дочь Михаила, царица Татьяна ²⁾). Относительно старшей дочери, Ирины, родившейся 22-го апрѣля 1627 г. ³⁾, сохранилось указаніе, что она стала учить часы въ 1634 г., когда ей было семь или по крайней мѣрѣ истекало шесть лѣтъ ⁴⁾). Часы же въ школьной программѣ XVII вѣка слѣдовали непосредственно за азбукою ⁵⁾). Точно также и царевичъ Алексѣй Михайловичъ (родился 19-го марта 1629 г.) началъ учить часы съ 6-го сентября 1635 г. ⁶⁾, т.-е. шести съ половиною лѣтъ.

Конечно, часы не азбука; система стариннаго обученія держала ученика на азбукѣ довольно долго, тѣмъ болѣе, что эта книжка содержала въ себѣ не только „грамоту“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и общеупотребительныя молитвы, начатки православнаго ученія и, наконецъ, „привѣтства“ къ „родителямъ и благодѣтелямъ“ ⁷⁾). Все это училось наизусть и, понятно, требовало времени. Мы отнюдь не намѣрены отвергать возможности отдѣльныхъ случаевъ, когда въ царскомъ быту ребенка сажали за грамоту ранѣе шести лѣтъ, напримѣръ, очень возможно, что царь Алексѣй Михайловичъ и его старшая сестра Ирина взяли за азбуку именно на шестомъ году; но не видимъ оснований для утвержденія „пяти“ лѣтъ, какъ общей нормы для начала школьнаго періода. Вышеприведенныя данныя относительно царевнъ Анны и Татьяны прямо говорятъ про-

¹⁾ „145 года декабря въ 1 день сѣмъ отласомъ государь пожаловалъ дщерь свою, царевну и вел. княжну Анну Михайловну, какъ она государыня сѣла грамотѣ учитца“ (*Викторовъ*, Описаніе книгъ и бумагъ дворцовыхъ приказовъ, I, 314).

²⁾ Она родилась 5-го января 1636 г. (*Строевъ*, Выходы, указатель, стр. 95), а подъ 22-мъ ноября 1642 г. въ расходныхъ запискахъ Кремлевскаго дворца отиѣчено пожалованіе убруса нѣкоей вдовѣ Марѣ, „что учить грамотѣ царевну и вел. княжну Татьяну Михайловну“. То же и подъ 2-мъ февраля 1643 г. (*Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей. *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 134).

³⁾ *Строевъ*, Выходы, указатель, стр. 32.

⁴⁾ „Изъ двухъ турецкихъ кафтановъ царевны Ирины одинъ подаренъ ей отцомъ— царемъ Михаиломъ въ 1634 году, когда ей было только шесть лѣтъ и въ то время, «какъ она государыня начала учить часы»“. (*Забѣлинъ*, Домашній бытъ. *Отечественныя Записки* 1854, № 6, стр. 61). Къ сожалѣнію, день и мѣсяцъ даренія не указаны; во всякомъ случаѣ дѣвочкѣ было въ это время не менѣе шести лѣтъ и 7—8 мѣсяцевъ, а могло быть и больше.

⁵⁾ *Забѣлинъ*, Домашній бытъ. *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 91, 99.

⁶⁾ *Ibidem*, стр. 133.

⁷⁾ *Ibidem*, стр. 96.

тивъ пятилѣтняго срока; что же до Алексѣя и Ирины, то и тутъ, для того, чтобы чувствовать себя болѣе твердымъ въ отстаиваніи точки зрѣнія г. Забѣлина ¹⁾, необходимо предварительно доказать, что за часословъ принимались не только *посль* азбуки, но и *покончивши* съ нею; между тѣмъ мы знаемъ случаи, когда часословъ появлялся въ рукахъ ребенка значительно прежде, чѣмъ тотъ успѣвалъ окончательно разстаться съ азбукой. Такъ тому же царевичу Алексѣю Михайловичу, который, какъ мы сейчасъ видѣли, началъ съ сентября 1635 г. учиться часамъ, еще въ 1642 г. переплетаютъ азбуку ²⁾. Значить, 13-ти лѣтъ мальчикъ еще нуждается въ ней, а между тѣмъ къ этому времени онъ уже успѣлъ пройти не только часословъ, но и псалтирь (семи лѣтъ), апостольскія дѣянія (семи съ половиною лѣтъ), приступилъ уже къ письму (семи съ половиною лѣтъ), пѣнію октоиха (8-ми съ половиною лѣтъ) и „страшнаго пѣнья“ (9-ти съ четвертью) ³⁾. Подобно этому, и младшій сынъ царя Алексѣя, Петръ, въ возрастѣ 11-ти съ половиною лѣтъ тоже еще не покончилъ всѣхъ счетовъ съ азбукою ⁴⁾.

Въ виду этого позволительно думать, что два момента—начало ученія азбуки и начало ученія часослова нѣтъ необходимости отдѣлять одинъ отъ другого непремѣнно большимъ промежуткомъ времени; и весьма возможно, что и царевичъ Алексѣй съ царвеною Ириною, сѣвшіе за часословъ шести съ половиною лѣтъ, всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до того сѣли и за азбуку. Религіозный характеръ древней нашей школы особенно побуждалъ торопиться съ изученіемъ церковныхъ правилъ и обрядовъ.

²⁾ Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія была послѣдовательно выдержана и проведена. Вотъ что говоритъ г. Забѣлинъ въ другомъ мѣстѣ („Для біографіи С. Медвѣдева“): „Учителю царевича Федора Алексѣевича Аванасью Федосѣеву дано 3-го мая 1667 года, *когда царевичу было шесть лѣтъ* и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а *можетъ быть, только еще садился учиться*, 40 собожей и пр.“ (Опыты, I, 200).

³⁾ Ibidem, 94.

⁴⁾ 21-го февраля 1636 г. дьякъ В. Прокофьевъ „почелъ учить царевичу князю Алексѣю Михайловичу *псалтирь*“; 28-го мая 1636 г. „начелъ учить цар. кн. Алексѣй Михайловичъ *Апостольское Дѣянїе*“; 21-го ноября 1636 г. подъячій Гр. Львовъ „училъ царевича кн. Алексѣя Михайловича *писать*“; 22-го октября 1637 г. пѣвчій дьякъ Л. Ивановъ „началъ учить пѣть царевичу кн. Алексѣю Михайловичу *Озтой*“; 30-го іюня 1638 г. другихъ два дьяка „начали пѣть учить *страшное пѣнье*“ (Отчественныя Записки 1854, № 12, стр. 133—134).

⁴⁾ См. ниже.

„Дѣти обыкновенно лѣтъ семи“—говорить г. Забѣлинъ—„садились учиться писать“¹⁾. Царевичъ Алексѣй Михайловичъ, дѣйствительно, сѣлъ за письмо семи съ половиною лѣтъ²⁾; но зато царевичъ Феодоръ Алексѣевичъ (род. 30-го мая 1661 г.) на два года позже, именно девяти съ половиною лѣтъ³⁾. Такимъ образомъ и здѣсь, по крайней мѣрѣ пока не накопится большого количества соотвѣтственныхъ фактовъ, едва ли будетъ правильно говорить о какомъ-либо точно опредѣленномъ срокѣ.

Конечный выводъ изъ всего сказаннаго является такой: нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что въ царскомъ быту дѣтей начинали учить обыкновенно съ пятилѣтняго возраста; нельзя указать ни на одинъ фактъ, который категорически подтверждалъ бы существованіе такого обычая. Съ другой стороны есть прямые свидѣтельства, что за грамоту садились на седьмомъ году, на исходѣ шестилѣтняго возраста, такъ что если и говорить о срокахъ, то предпочтительнѣе выбрать не ранній, а болѣе поздній.

Съ этой точки зрѣнія крекшинская дата должна показаться слишкомъ раннею: она устанавливаетъ для Петра начало школьнаго періода даже не съ пятилѣтняго возраста: 12-го марта 1677 г. Петру еще цѣлыхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ не хватало до полныхъ пяти лѣтъ. Опираясь на Крекшина, пришлось бы признать, что „школа“ началась для Петра чуть не на два года раньше, чѣмъ для его отца, тетокъ, а можетъ быть, и братьевъ, сестеръ.

Такъ ли это? Обыкновенно говорятъ о живомъ, воспріимчивомъ умѣ Петра, о рано проявившихся способностяхъ гениальнаго ребенка: но все это, при условіяхъ того времени, отнюдь не могло служить ни достаточнымъ основаніемъ, ни даже побужденіемъ засадить ребенка раньше обыкновеннаго. Скорѣе можно указать на обстоятельства, служившія помѣхою. Не говоря о подозрительной точности даты, столь плохо вяжущейся съ легендарнымъ и риторическимъ характеромъ всего разсказа Крекшина о началѣ ученія царевича Петра,—самое положеніе царицы Патали въ эти годы, опальной, безъ вліянія, вынужденной сносить оскорбленія и шпильки временщиковъ, окружавшихъ молодого царя Феодора, мало благоприятствовало нормальной постановкѣ обученія царевича. Школьные занятія Петра нельзя

¹⁾ *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 100.

²⁾ См. выше.

³⁾ *Отечественныя Записки* 1854, № 12, стр. 134; *Забѣлинъ, Опыты*, I, стр. 200.

разсматривать, какъ домашнее, семейное дѣло исключительно одной только царицы Наталіи: въ извѣстномъ смыслѣ это былъ вопросъ, входившій въ кругъ интересовъ, въ сферу вліянія и самого государя, какъ главы царствующаго дома. Малолѣтство и пассивность Оедора лишь развязывали руки тѣмъ, кто желалъ лишній разъ уколоть Наталію. Крекшинъ изображаетъ дѣло въ такомъ видѣ, что самъ Оедоръ озаботился прискаты младшему брату учителя ¹⁾; мы же, наоборотъ, въ силу только-что указаннаго, отнюдь не отрицая самага факта участія старшаго брата въ выборѣ Зотова, не удивились бы, если бы нашлось свидѣтельство о помѣхахъ, которыя ставили Милославскіе Наталіѣ въ дѣлѣ обученія ея сына. Вообще, не рѣшаясь категорически отвергать даты Крекшина, мы гораздо болѣе склонны относить начало ученія Петра къ болѣе позднему сроку, и именно къ концу 1679 года.

На это насъ наводятъ слѣдующіе факты и сопоставленія.

По общему смыслу разсказа Котошихина, обученіе грамотѣ велось уже въ ту пору, когда царевичъ былъ сдапъ съ рукъ мамъ на попеченіе дядекъ,—что и понятно, такъ какъ мама приставлялась для вѣдѣнія ухода, „для досмотру“, какъ выражается Котошихинъ,—она наблюдала за тѣмъ, чтобы ребенокъ былъ накормленъ, вымытъ, не ушибся — дядька же являлся преимущественно въ роли воспитателя, заботясь не только о физическомъ, но и духовномъ развитіи мальчика: „для береженія и наученія“. Между тѣмъ мы уже видѣли (глава IX), что Петръ оставался на рукахъ мамокъ до конца или, точнѣе, до послѣднихъ чиселъ ноября 1679 г. Эта дата приобретаетъ особенную цѣнность, если вспомнить вышеприведенное свидѣтельство г. Забѣлина о существованіи „обычая ученье начинать съ пророка Наума, т.-е., съ 1-го декабря“. Можно именно думать, что перемѣна въ штатѣ царевича не только логически связана была съ началомъ школьныхъ занятій, но и хронологически вполне совпадала съ нимъ.

Характерно также, что и въ матеріалахъ, рисующихъ вѣдѣнію обстановку царевича, не встрѣчается до этого времени никакихъ указаній на школьныя занятія. И. Е. Забѣлинъ подчеркнул было тотъ

---

¹⁾ Участіе Оедора въ томъ видѣ, какъ было сейчасъ указано въ текстѣ, т.-е., поскольку вопросъ этотъ интересовалъ и касался Оедора, какъ главы царствующаго дома,—и мы вполне допускаемъ; сомнительною кажется лишь форма, въ какой, по словамъ Крекшина, проявилось это участіе.

фактъ, что тотчасъ послѣ 12-го марта 1677 г. въ Оружейную палату была отдана (24-го марта) для раскраски и подновленія „Книга царственная въ лицахъ“, и на основаніи этого дѣлаетъ предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ книгъ съ рисунками, какія служили Никитѣ Зотову средствомъ для такъ называемаго нагляднаго обученія. „Нѣтъ сомнѣнія, что это та самая книга, по которой Петръ знакомился съ русскою исторіей и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена Щербатовымъ и издана подъ именемъ лѣтописцевъ“ ¹⁾.

Авторъ повторилъ догадку Щербатова, придавъ ей лишь болшую категоричность ²⁾, но одного совпаденія двухъ датъ еще недостаточно для такого вывода. Книга передана была въ Оружейную палату бояриномъ В. М. Хатрово изъ хоромъ государя, и не видно, чтобы она предназначалась, по возвращеніи изъ палаты, въ какое-либо иное мѣсто ³⁾. Рукопись, снабженная 1072-мя рисунками, сама по себѣ была рѣдкимъ, цѣннымъ и интереснымъ явленіемъ и весьма вѣроятно, что въ рукахъ Петра когда-нибудь она и была; однако не въ пять лѣтъ, а нѣсколько позже, когда мальчикъ подростъ и могъ осмысленнѣе относиться къ такого рода произведеніямъ ⁴⁾.

¹⁾ Опыты, I, 39—40.

²⁾ „Сія сочиненныя съ рисованными картинами книги не для науки ли Петру Великому были употреблены?“ (Царственный лѣтописецъ. СПб. 1772. Предисловіе).

³⁾ *Викторовъ*, Описание книгъ и бумагъ дворцовыхъ приказовъ, II, 445.

⁴⁾ Помимо сказаннаго въ текстѣ, приходится отмѣтить еще слѣдующее: въ „Книгѣ царственной въ лицахъ“, какъ мы сейчасъ видѣли, находится всего лишь 1072 рисунка, между тѣмъ какъ „Царственная книга“ (СПб. 1769), она одна, заключала въ себѣ, по нашему счету, 1273 миниатюры (да кромѣ того еще оставлены были мѣста для 6 другихъ), а въ „Царственномъ лѣтописцѣ“ (СПб. 1772) такихъ же миниатюръ указаво Щербатовымъ 1917. (Впрочемъ одну миниатюру Щербатовъ указаво ошибочно: въ подлинникѣ ея нѣтъ. *Пръсляковъ*, Московская историческая энциклопедія, 34, примѣч.). Въ предисловіи къ „Книгѣ“ издатель свидѣтельствуеъ, что лишь часть картинъ была раскрашена, „а другія только назначены карандашемъ, и иныхъ же и совсѣмъ нѣтъ, но токмо мѣста оставлены“. Между тѣмъ въ „Книгѣ царственной въ лицахъ“ всѣ 1072 рисунка были раскрашены (это можно видѣть уже изъ одного того, что за каждый рисунокъ платилъ по 6 денегъ и вся работа обоилась въ 32 рубля 5 алтынь. *Викторовъ*, II, 445). Кромѣ того Щербатовъ находилъ свои рисунки очень плохо сдѣланными (предисловіе къ „Лѣтописцу“), а въ такомъ видѣ едва-ли они оказались бы пригодными при обученіи (сравн. Нол. Собр. Рус. Лѣт. IX. предисловіе, стр. X). Впрочемъ Буслась признаеъ за ними нѣкоторое изящество (Истор. очерки рус. нар. слов. и искусства, II, 309; здѣсь же и 16 снимковъ съ миниатюръ „Царственной книги“). Кромѣ того замѣтимъ, что въ настоящее время можно считать установленнымъ въ наукѣ взглядъ, относящій „Царственную книгу“

Только начиная съ конца 1679 года, т. е. послѣ того какъ дядьки смѣнили мамъ, въ матеріалахъ, собранныхъ Есиповымъ, Викторовымъ и г. Забѣлинымъ, начинаются встрѣчаться указанія на учебныя занятія Петра. Соберемъ эти указанія въ хронологическомъ порядкѣ, не пренебрегая даже и тѣми, которыя собственно къ „школь“ прямого отношенія, пожалуй, и не имѣютъ.

1) 19-го декабря 1679—„живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ на александрійскомъ листу 12 мѣсяцовъ и бѣги небесныя противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано, въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу“ ¹⁾).

2) 4-го марта 1680—учительный налож царевича оклеенъ червчатымъ атласомъ ²⁾).

3) 15-го марта 1680 — букварь царевича оклеенъ червчатымъ бархатомъ ³⁾).

4) 24-го марта 1680—„иконописецъ Тимошей Рязанецъ писалъ и разивѣчивалъ шафраномъ потѣшныя листы въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу“ ⁴⁾).

5) 2-го апрѣля 1680 — кресла и налож крыты червчатымъ багрецомъ ⁵⁾).

6) 29-го апрѣля 1682 — принято въ хоромы 100 листовъ фряжскихъ ⁶⁾).

7) 7-го іюня 1682—взято червчатого атласу „обивать налож, на которомъ учитца государь грамотъ“ ⁷⁾).

не къ XVII-у, а къ XVI-у вѣку (*Лихачевъ*, Палеограф. значеніе бумажныхъ водныхъ знаковъ. СПб. 1899; т. I, стр. CLIV — CLXXI; *Шахматовъ*, Рецензія этой книги. *Извѣстія отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ*, т. IV, кн. 4, стр. 1482—1484); наконецъ въ ней, вмѣстѣ съ „Царственнымъ лѣтописцемъ“ видятъ лишь части обширнаго историческаго свода, многотомнаго хронографа, задуманнаго и составленнаго въ томъ же XVI-мъ столѣтіи (*Лихачевъ*; назв. соч. т. I, стр. CLXXVII—CLXXXI. *Пръсняковъ*, Московская историческая энциклопедія XVI-го вѣка. *Извѣстія Академіи Наукъ*, т. V, кн. 3, и отд. СПб. 1900, стр. 34, прим. 45 и слѣд. Ср. *Пръсняковъ*, Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. СПб. 1893, стр. 30—36).

¹⁾ *Викторовъ*, Описаніе записныхъ книгъ, II, 448; *Есиповъ*, Сборникъ выписокъ, I, 21. Ср. *Забѣлинь*, Опыты, I, 41—42.

²⁾ *Есиповъ*, Сборникъ, I, 229.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Викторовъ*, II, 448.

⁵⁾ *Есиповъ*, I, 230.

⁶⁾ *Есиповъ*, I, 237.

⁷⁾ Тамъ же.

8) 27-го февраля 1683—изъ библиотеки покойнаго царя Феодора Алексѣевича взято въ хоромы царя Петра Алексѣевича „библія въ лицахъ съ лѣтописцомъ“ ¹⁾).

9) 19-го марта 1683—оттуда же взяты 4 книги: а) „библія въ лицахъ; средніе руки въ зеленомъ пергаментѣ“; б) „о лунѣ и о всѣхъ планетахъ небесныхъ, въ бѣлой кожѣ, съ прыскомъ, по обрѣзу золотомъ“; в) „Матвѣя Стриковскаго, въ бѣлой кожѣ, по обрѣзу прыскомъ“ и г) „персонникъ на латынскомъ языкѣ, въ пергаментѣ бѣломъ“ ²⁾).

10) 1-го апрѣля 1683—П. М. Зотовъ купилъ въ хоромы государя стопу бумаги „добрый“ ³⁾).

11) 29-го октября 1683—изъ библиотеки царя Феодора Алексѣевича взята „книга бесѣды иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго на дѣяніе апостольское, по обрѣзу золотомъ, выходу 132 году“ и, можетъ быть, еще „двѣ книги Миней месечные сентябрь, ноябрь, октябрь мѣсяцы, переплетены въ сафьяны черные, по обрѣзу красною краскою, 185 году“ ⁴⁾).

12) 1-го декабря 1683—уплачено переплетчику Родіону за переплеть азбуки въ пергаментъ зеленый ⁵⁾).

13) 31-го іюля 1684—куплены евангелисты серебряные прорѣзные, золоченые ⁶⁾).

14) 16-го ноября 1684—купленъ 1 арш. бархату золотнаго на евангеліе ⁷⁾).

15) 28-го ноября 1685—заказанъ „налой точеной, мѣрою въ вышину полтора аршина, въ ширину по размѣру“. Столярная работа была закончена 5-го февраля 1686 г., а 8-го февраля „тотъ налой расписанъ по черепашному и поданъ къ нему в. г-рю въ хоромы“ ⁸⁾).

16) 18-го февраля 1686—заказано книжное лагалище, липовое, 6¹/₄ вершк. длины, 5 вершк. ширины и 2¹/₂ вершка вышину ⁹⁾).

¹⁾ *Забѣлинь, Домашній бытъ. Отечественныя Записки 1854, № 12, стр. 130.*

²⁾ Тамъ же, стр. 130, 131.

³⁾ *Есиповъ, I, 256.*

⁴⁾ *Забѣлинь въ Отечественныя Записки 1854, № 12, стр. 127.*

⁵⁾ *Есиповъ, I, 259.*

⁶⁾ *Есиповъ, I, 263.*

⁷⁾ *Есиповъ, I, 269.*

⁸⁾ *Есиповъ, I, 65.*

⁹⁾ *Есиповъ, I, 67.*

17) 2-го іюля 1686—привезена изъ Преображенскаго въ Москву книга огнестрѣльная ¹⁾.

18) 1-го марта 1688—отданъ глобусъ починить заново ²⁾.

Все это, конечно, слишкомъ отрывочныя и неполныя данныя, чтобы возстаповить по нимъ послѣдовательный ходъ занятій царевича; но если мы не имѣемъ права утверждать, что другихъ однородныхъ данныхъ вовсе и не существовало, то и отсутствіе таковыхъ за время до декабря 1679 г. въ свою очередь тоже не можетъ служить къ подтвержденію Крехшинской даты. Что въ 1680 г. и послѣдующихъ годахъ Петръ учился—это несомнѣнно; но о болѣе ранней порѣ ничего положительнаго утверждать невозможно.

Новымъ, хотя тоже лишь косвеннымъ, свидѣтельствомъ въ пользу того, что „школа“ началась для Петра лишь съ конца 1679 г., служатъ и такъ называемыя потѣшныя книги, потѣшныя листы. На нихъ принято указывать, какъ на матеріалъ, ставшій въ рукахъ Зотова средствомъ къ наглядному обученію царственнаго ребенка; любопытно однако, что всѣ указанія на такого рода „потѣхи“ относятся или къ 1673—1676 гг., или ко времени съ декабря 1679 г. по мартъ 1680 г., если не считать еще единичнаго указанія на апрѣль 1682 г. Въ первомъ случаѣ ³⁾ упомянутыя книжки выполняли простую роль забавы, дѣтской игрушки въ тѣсномъ значеніи этого слова; во второмъ случаѣ ⁴⁾ наше вниманіе останавливаетъ нѣсколько иной характеръ „потѣхъ“: это не столько *книги*, сколько *листы*, *тетради*, т.-е., не книги съ иллюстраціями, а сами иллюстраціи, именно тѣ „картинки“, что служили Зотову орудіемъ для нагляднаго обученія. Не даромъ и 29-го апрѣля 1682 г. въ хоромы только что воцарившагося Петра доставлена была громадная пачка (въ 100 листовъ) такихъ картинокъ—фряжскихъ листовъ ⁵⁾.

¹⁾ *Есиповъ*, I, 279.

²⁾ *Есиповъ*, I, 81.

³⁾ 10-го—13-го мая 1673 г. шесть иконописцевъ „писали“ для царевича потѣшную книгу; 16-го мая она была переплетена въ двухъ переплетахъ (*Есиповъ*, I, 5); 8-го января 1675 г. заказана новая книга въ четверть листа (*Есиповъ*, I, 12); 2-го и 20-го іюня 1676 г.—заказано еще по одной книгѣ (*Есиповъ*, I, 17).

⁴⁾ 13-го декабря 1679 г. выдано на расходъ по написанію на александрійскомъ листу 12 мѣсяцевъ и бѣги небесныя (*Есиповъ*, 21); 15-го января и 17-го февраля 1680 г. уплачено за распѣчиваемыя царевичу потѣшныя тетради (ib.); 19-го марта 1680 г.—взято бархату на оклейку потѣшной книжки (ib., 229); 24-го марта 1680 г.—распѣчивались потѣшныя листы (*Викторовъ*, II, 448).

⁵⁾ *Есиповъ*, I, 237.

Обратимъ вниманіе также и на слѣдующее совпаденіе, которое тоже наводитъ на мысль о 1679 годѣ, какъ начальномъ въ школьной жизни ребенка (хотя, конечно, изъ одного этого совпаденія мы еще не рѣшаемся сдѣлать положительныхъ и неоспоримыхъ выводовъ). Какъ извѣстно, Зотовъ выбранъ былъ въ учителя Петру послѣ одобренія его педагогическихъ способностей Симеономъ Полоцкимъ ¹⁾, что даетъ право думать, что и позже приказный дьякъ находился подъ нѣкотораго рода верховнымъ руководствомъ или наблюденіемъ ученаго монаха. Мы знаемъ также, что Полоцкій въ концѣ семидесятыхъ годовъ завелъ при дворѣ такъ называемую верхнюю типографію, въ которой печаталъ книги по своему усмотрѣнію ²⁾. Едва ли не первымъ изданіемъ этой типографіи былъ букварь, выпедшій въ свѣтъ *въ концѣ* 1679 года, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ. Уже одинъ выходъ его изъ верхней типографіи указываетъ, „помимо содержанія книги, на участіе Полоцкаго въ ея составленіи“ ³⁾, и даетъ основаніе предположить, не потому ли и составлена была эта азбука, что она понадобилась въ царскую семью для младшаго царевича? Эта мысль, но безъ соотвѣствующихъ выводовъ, приходила на умъ еще Л. Н. Майкову, который слѣдующимъ образомъ высказалъ ее въ извѣстномъ трудѣ своемъ о Симеонѣ Полоцкомъ: „Когда, въ 1679 году, пришло время обучать царевича Петра, то взятый къ нему учитель, Никита Зотовъ... былъ порученъ надзору Полоцкаго, и подъ наблюденіемъ Симеона изданъ былъ тогда же новый букварь, въ которомъ помѣщены между прочимъ, «привѣтства къ родителю и благодѣтелю» на разные церковные праздники, въ родѣ сочиненныхъ прежде Симеономъ для царевича Алексѣя“: и въ другомъ мѣстѣ: „Букварь 1679 года, очевидно, предназначенный для царевича Петра, которому исполнилось въ то время семь лѣтъ, отличается отъ другихъ, болѣе раннихъ азбукъ московскаго изданія внесеніемъ нѣсколькихъ статей въ стихахъ, между прочимъ похвалы розгѣ, и заимствованіями изъ виленскаго букваря 1596 года“ ⁴⁾.

¹⁾ „Великій государь... повелѣ Зотову писать, я по писаніи честь княги. И призвавъ Симеона Полоцкаго, мужа премудраго въ писаніи, живущаго при великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ, и повелѣ писаніе и чтеніе рассмотреть. Полоцкій, писаніе разсмотря и слушавъ чтеніе, великому государю объявилъ: „яко право того писаніе и глаголь чтенія“ (*Крѣпшиизъ*, изд. Сахарова. 19—20).

²⁾ *Майковъ*, Очерки изъ исторіи русской литературы, стр. 150.

³⁾ Тамъ же, 41, прим.

⁴⁾ Тамъ же, 41, 151. (Ср. *Татарскій*, Симеонъ Полоцкій. *Прибавленія къ творе-*

Данныя о школьныхъ занятіяхъ Петра, сгруппированныя выше въ хронологическомъ порядкѣ, позволяютъ думать, что обученіе приняло болѣе интенсивный и серьезный характеръ въ 1683—1684 г., когда для царевича брались книги религіознаго и историческаго содержанія, также по космографіи. Быть можетъ, не безъ связи съ этимъ и то, что именно за 1683 г. дошло до насъ наиболѣе свѣдѣній объ учителяхъ царевича. Когда бы ни приставленъ былъ къ Петру Зотовъ, но несомнѣнно, что съ августа 1680 г. по іюнь 1681 г. онъ не былъ при немъ, находясь въ крымской посылкѣ на посольствѣ ¹⁾; зато 1-го апрѣля 1683 г., какъ мы сейчасъ видѣли, онъ закупаетъ для царевича бумагу, а 4-го апрѣля, 20-го августа, 23-го октября и 29-го декабря все того же 1683 г. его жалуютъ жалованьемъ: кафтанамъ и разными къ нимъ принадлежностями ²⁾. Какъ разъ въ этомъ же

нѣмъ св. отцовъ, ч. 38, стр. 35). Перечень букварей, издаваемыхъ съ конца XVI столѣтія до начала XVIII столѣтія, начиная съ вилнскаго, 1596 года, см. у *Некарскаго*, Наука и Литература, I, 167—174; добавочный перечень, на основаніи указаній Каратаева и епископа Дамаскина, сдѣланъ *Брайловскимъ*, О. П. Полицарповъ-Орловъ. *Журналъ Министрства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, ноябрь, 61, примѣч. Вотъ какъ описываетъ букварь 1679 года Н. Е. Забѣлинъ: „Вначалѣ, послѣ такъ называемаго *выхода*, т.-е., обозначенія времени изданія книги и послѣ стихотворнаго предисловія, въ ней находятся „благословенія отроковъ во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ“, т.-е., молитвы, которыя давались іереямъ при началѣ ученія, и послѣ которыхъ, по выраженію букваря, „отходитъ съ миромъ отроци во училище; іерей же во своя си“. Потомъ, послѣ буквъ, складовъ и именъ подъ титлами: ангель, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д. слѣдуютъ опять молитвы: Царю небесный, Отче нашъ, псаломъ: Помилуй мя Боже, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ Вѣры и проч. Далѣе „Бесѣда о православной вѣрѣ, краткими вопросами и отвѣтами удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ: странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ“; десять заповѣдей и прочія катехизическія статьи... Молитвы: отъ сна вставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предъ вечерю, по вечери и на ночь. Далѣе знаки ударенія и препинанія; опять молитва: ко Пресвятой Богородицѣ, числа, и наконецъ, *привѣтства* къ родителю и къ благодѣтелю на Рождество Христова, Богоявленіе, Воскресеніе, Сочествіе Св. Духа и на новоо дѣто. Привѣтства эти однакожъ не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать: всѣ они заключаются въ однихъ только риторическихъ фразахъ. Букварь оканчивается *уставнымъ* въ стихахъ о пользѣ наказанія“ (*Отечественныя Записки*, 1854, № 12, стр. 96—97). Другое описаніе букваря 1679 г. см. у *Титарскаго*, въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ*, ч. 38, стр. 34—38.

¹⁾ *Миллеръ*, Воспитаніе государя императора Петра Великаго. *Туманскій*, V, 140.

²⁾ *Есиповъ*, I, 256, 259, 264. 24-го декабря 1684 г., на рождественскіе праздники пожаловано „учителю думному дяку“ Зотову 18 рублей; 20-го января 1685 г.—сторожамъ, „которые живутъ въ полаткѣ у учителя Зотова“; 31-го марта 1685 г. пожаловано Зотову 12 рублей (*Есиповъ*, I, 270, 271, 273).

году, кромѣ Зотова, упоминается еще другой „учитель“ — Аѳанасій Алексѣевичъ Пестеровъ: какъ такового, его тоже жалуютъ кафтанами, нашивками ¹⁾, хотя, повидимому, и въ меньшемъ размѣрѣ. И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что Пестеровъ училъ Петра пѣнію ²⁾; г. Астровъ, готовый вообще отрицать обученіе Петра пѣнію у кого бы то ни было, склоненъ видѣть въ этомъ Пестеровѣ знатока оружейнаго дѣла и руководителя Петра въ его воинскихъ играхъ ³⁾. Точкой опоры въ такомъ домыслѣ ему служитъ догадка, не стольникъ ли былъ Пестеровъ Оружейнаго приказа?—догадка ошибочная, потому что таковымъ стольникомъ въ половинѣ XVII вѣка хотя и былъ, дѣйствительно, Аѳанасій Пестеровъ, но съ инымъ отчествомъ: Ивасовичъ ⁴⁾.

Аѳанасія Алексѣевича Пестерова не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ учителемъ, тоже Аѳанасіемъ, но по отчеству (или по прозванію?) — Осодосѣвичемъ: послѣдній обучалъ царевича Ѳедора Алексѣевича ⁵⁾, продолжая носить званіе учителя и по окончаніи занятій ⁶⁾. Имѣются аналогичные примѣры тому, что званіе учителей сохранялось за царскими преподавателями на всю ихъ жизнь. Такъ, кромѣ только что упомянутаго Аѳанасія Осодосѣва, въ штатѣ царицы Натальи Кирилловны за 1713 (1674—1675) г. показана, въ числѣ другихъ чиновъ, „учительница Авдотья Пыпина, получавшая по деннымъ кормъ паравнѣ съ казначеями, по шести денегъ на день“. Штатъ царевичей Іоанна и Петра, равно и царевнѣ Михайловнѣ и Алексѣевнѣ въ 1713 году существовалъ отдѣльно отъ штата царицы, и, не обучая царскихъ дѣтей, Пыпина, конечно, не обучала въ данную пору и царицу ⁷⁾. Точно также и Пестеровъ, когда Петръ давно уже достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, по прежнему продолжалъ числиться при

¹⁾ 5-го апрѣля, 17-го августа, 1-го и 10-го декабря (*Есимовъ*, I, 36, 43, 258, 259).

²⁾ *Опыты*, I, 37.

³⁾ *Русскій Архивъ* 1875, № 8, стр. 480.

⁴⁾ *Д. Ровинскій*, Исторія русскихъ школъ иконописанія. *Записки Археол. Общества*, т. VIII С.-Пб. 1856, стр. 31, прилѣжч.

⁵⁾ *Забѣлинъ*, Для біографіи Сильвестра Медвѣдева (*Опыты*, I, 200).

⁶⁾ Конечно, этотъ Аѳанасій упоминается, какъ учитель Ѳедора, подъ 15-мъ декабря 1675 г., 6-мъ января 1678 г. и 12-мъ сентября 1681 г. (*Викторовъ*, II, 575, 447, 525). Въ апрѣлѣ 1681 г.: „Полатку Аѳанасія учителя разобрать и мѣсто выровнять и выслать лещадни въ шахматы же“ (*Забѣлинъ*, Домашній бытъ царей. изд. 3-е, стр. 591). Въ 1685 г. упоминается нѣкій „Аѳанасій, словенска писавія учитель“, жившій въ келліяхъ Чудова монастыря (*Смирновъ*, Исторія Москов. Сл.-Гр.-Латинской академіи, 23).

⁷⁾ *Викторовъ*, I, 329.

Дворѣ учителемъ и получалъ время отъ времени государево жалованье: атласъ, сукна, соболей ¹⁾).

Говоря о школьныхъ годахъ Петра, приходится бороться съ довольно закоренѣлымъ предрасудкомъ, согласно которому учебныя занятія царевича, да и вообще вся обстановка его раннихъ дѣтскихъ лѣтъ сильно отличалась отъ того, какъ жили другія царскія дѣти его возраста въ XVII в. Этотъ предрасудокъ опирается въ свою очередь на другіе предрасудки, каковы представленіе о существованіи „полка Петрова“, о томъ, что мальчикъ началъ обучаться съ ноября 1675 г., будучи всего трехъ лѣтъ отъ роду; объ особенномъ значеніи, какое получили потѣшныя книги и фрѣжскіе листы въ рукахъ Зотова. Геніальность великаго преобразователя Россіи невольно побуждала прежнихъ историковъ не только въ любомъ поступкѣ его видѣть проявленіе необычной силы и духовной мощи, но и въ самой ранней порѣ его жизни, когда ни геніальность еще не могла проявиться, ни предвидѣть будущаго величія ребенка не было никакой возможности—искать чего-то необычайнаго и возвышеннаго. Вполнѣ законный интересъ, съ какимъ у насъ слѣдили за ходомъ умственнаго развитія Петра и подмѣчали малѣйшія черты его жизни, къ сожалѣнію, не уберегъ отъ опасности придать имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣчто особенное, дать значеніе гораздо большее, чѣмъ онѣ имѣли. Въ заурядныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ на самомъ дѣлѣ мѣсто по отношенію не къ одному Петру, видѣли явленія болѣе или менѣе спеціальнаго характера. Въ отношеніяхъ царя Алексѣя Михайловича усматривали особую любовь и заботу о сынкѣ, какъ бы выраженіе смутнаго сознанія того, что ждетъ Петра впереди. Въ этомъ отношеніи русская историографія не далеко ушла отъ тѣхъ народныхъ представленій, которыя самое рожденіе Петра обставили трогательными легендами, заставивъ Симеона Полоцкаго—символь мудрости—и нѣкоего безыменнаго блаженнаго—символь божественной прозорливости—составить гороскопъ и заранѣе предсказывать его будущее величіе.

Наша литература недостаточно отгѣнила разницу между первымъ и вторымъ десятилѣтіемъ въ жизни Петра; а между тѣмъ разница эта громадна: съ 11-ти лѣтняго возраста царевичъ, дѣйствительно, живетъ въ условіяхъ исключительныхъ и своеобразныхъ; но раньше онъ росъ совершенно такъ же, какъ и его старшіе братья или даже

¹⁾ Въ 1690—1692 гг. *Еситовъ*, I, 283, 289, 310, 320.

какъ самъ отецъ. Обстановку ребенка-царя смѣшали съ обстановкой ребенка-царевича. Желаніе не упустить ни одного факта, какъ бы мелоченъ самъ по себѣ онъ ни былъ, собрать возможно большее число ихъ, привело къ тому, что *количественная* сторона, повидимому, повліяла на оцѣнку *качественнаго* значенія. Обильныя данныя, извлеченныя изъ архивовъ, о подкладкѣ, какою подбивались сафьянные сапожки, о кафтанчикахъ и одѣялахъ, о разнообразныхъ игрушкахъ, покупавшихся для Петра въ московскихъ лавкахъ или специально приготовлявшихся въ царской мастерской палатѣ, выросли въ событіе особенной важности. Забыли, что если соотвѣтственныхъ фактовъ нельзя въ такомъ же размѣрѣ *документально* приурочить къ дѣтству отца, старшихъ братьевъ, то, можетъ быть, только потому что ихъ и не искали, что таковыя могли не дойти до насъ [на самомъ же дѣлѣ и они имѣются на лицо] ¹⁾; впечатлѣніе же, произведенное Петромъ, съ раннихъ уже поръ вызвало болѣе настойчивое желаніе уберечь ихъ отъ забвенія, да и по самому времени личность Петра ближе къ намъ, и документальныя источники, не говоря о памяти народной, должны были сохраниться въ большей неприкосновенности. Конечно, впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ переработались въ головѣ Петра иначе, чѣмъ у отца или братьевъ, сказались иными результатами; но это уже особенность гениальной натуры, а не матеріала, надъ которымъ ей пришлось работать.

¹⁾ Вотъ сохранившіяся данныя о дѣтскихъ забавахъ отца и старшихъ братьевъ Петра Великаго: въ 1634 г. иѣмчили Шалтъ дѣласть латы пятнадцатому царевичу Алексѣю Михайловичу (*От. Зап.* 1854, № 6, стр. 70); въ томъ же году куплены ему салазки и масляничныя санки (*Викторовъ*, I, 251). Въ 1665 г. для царевича Алексѣя Алексѣевича прилаживаютъ орловые хвосты къ стрѣлкамъ на 12 пѣздъ, а въ слѣдующемъ году для его брата Осдора—дѣлають луки и шелковыя тетивы (*ibid.*, II, 435, 437). Въ 1665—1666 гг. „столяникамъ 12-ти лѣтняго царевича Алексѣя Алексѣевича сдѣлано 11 древокъ тощихъ, да 12 древокъ истощихъ, простыхъ, вѣролно, для копій“; кромѣ того—8 стволовъ потѣшныхъ деревянныхъ липовыхъ; въ 1672 г.—для царевича Осдора къ потѣшному древцу придѣланъ змѣй на желѣзныхъ пруткахъ, „чтобъ по тому древцу змѣй бѣгалъ“; въ 1638 г. царевичамъ Алексѣю и Ивану дѣлались стрѣлы, соверги, срѣзны и томары *безпрестанно*; въ 1640 г.—луки; въ 1666 г. цар. Алексѣю Алексѣевичу сдѣланъ саадакъ, два пѣзда томаровъ; столько же срѣзной и свистовъ; за разные годы упоминаются такіе же луки, стрѣлы, сабля, „войлошное стрѣльбище“—для царевича Осдора, о которомъ между прочимъ извѣстно, что онъ выѣзжалъ для забавы на специальный *потѣшный лугъ*, расположенный на Воробьевыхъ горахъ, недалеко отъ царскаго дворца (*От. Зап.* 1854, № 6 стр. 70—73. Ср. у *Викторова* I, 336 названіе игрушекъ царевича Алексѣя Петровича въ 1694—1695 гг.).

То же самое слѣдуетъ сказать и объ ученіи Петра. Характеръ и объемъ школьнаго преподаванія, изложенный И. Е. Забѣлинымъ въ примѣненіи къ царскому быту XVII в. ¹⁾, вполнѣ приложимъ и къ Петру; скорѣе можно говорить о пробѣлахъ, неполнотѣ первоначальнаго образованія, но не о чемъ-либо добавочномъ и сверхпрограмномъ. Азбука, часословъ, псалтирь, дѣянія апостоловъ и евангеліе, письмо, церковное пѣніе, знакомство съ исторіей отечественной, несложныя и неполныя свѣдѣнія по географіи и изъ міра внѣшней природы—вотъ собственно и весь кругъ первоначальнаго преподаванія царскихъ дѣтей въ XVII в. Математика, иностранные языки составляли предметъ высшаго образованія, доступный уже не дѣтскому, а юношескому возрасту.

Что же до фряжскихъ листовъ, въ которыхъ любятъ отыскивать особую манеру преподаванія, чрезвычайно удачный педагогическій приемъ Зотова; то въ этомъ отношеніи мы слишкомъ поспѣшно усвоили заявленіе Крекшина ²⁾, забывая или въ свое время не зная, что и здѣсь Зотовъ лишь слѣдовалъ по проторенной дорогѣ, не болѣе. Выше мы привели дошедшія до насъ свидѣтельства о потѣшныхъ книгахъ и фряжскихъ листахъ, находившихся въ рукахъ царевича Петра—общее ихъ количество скорѣе поражаетъ своею бѣдностью, чѣмъ богатствомъ. Можно думать, что другіе царевичи въ этомъ отношеніи были обставлены отнюдь не хуже, если не лучше.

Отецъ Петра въ дѣтствѣ окруженъ былъ гравюрами нѣмецкаго издѣлія ³⁾; за 1632—1636 гг. до насъ дошли указанія о покупкахъ для него же и его сестры, царевны Ирины, въ московскомъ овощномъ ряду потѣшныхъ листовъ русскихъ и нѣмецкихъ ⁴⁾; въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича висѣла цѣлая коллекція иллюстрацій:

¹⁾ *Отеч. Записки*, 1854, № 12, стр. 87—122.

²⁾ „Зотовъ, усмотрѣвъ остроту разума и охоту къ ученію государя царевича... что... часто изволилъ смотрѣть книги съ кунштами зданій, и взятію городовъ, и боевъ, и прочихъ наукъ... Великая же государыня рада сему бысть и повелѣтъ отдать всѣ историческія книги съ кунштами, опредѣлила искусныхъ учителей и вручи все Зотову. Зотовъ же книги и училища распредѣли въ разныхъ покояхъ и приказалъ мастерствомъ драгимъ красками грады, и палаты, зданія, и дѣла военныя, и великіе корабли, и исторія лицевыя съ прописями самымъ лучшимъ мастерствомъ писать“.
(Изд. Сахарова, 21).

³⁾ *Снегиревъ*, Лубочныя картинки русскаго парода. М. 1861 г., стр. 10; *Викторовъ*, I, 251.

⁴⁾ *Отеч. Записки* 1854, № 12, стр. 134—135.

„пятьдесятъ рамповъ съ листами фряжскими“¹⁾; описаніе потѣшной книги, сдѣланной ему въ 1664 г.²⁾, невольно обращаетъ на себя вниманіе полнотою и богатствомъ содержанія; упоминаются потѣшныя книги и у царевича Ѳедора Алексѣевича³⁾, у царевенъ, его сестеръ⁴⁾. Торговля фряжскими листами въ Москвѣ, въ овощномъ ряду, въ XVII столѣтіи была обычнымъ явленіемъ; въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича у насъ стали заводиться и свои собственные печатныя станки для изготовленія такихъ листовъ; этими листами обиты были стѣны въ комнатахъ царевенъ и въ деревянныхъ хоромахъ самаго государя⁵⁾. Рядомъ съ вышеприведеннымъ указаніемъ изъ сборника Есипова о сотнѣ фряжскихъ листовъ, взятыхъ въ хоромы Петра на третій день его воцаренія, можно указать на большую пачку такихъ же иллюстрацій, взятыхъ мѣсяцемъ раньше въ хоромы еще жившаго въ ту пору царя Ѳедора для обивки комнатныхъ стѣнъ⁶⁾.

На основаніи этихъ данныхъ г. Забѣлинъ еще въ первомъ изданіи своего „Домашняго быта русскихъ царей“ имѣлъ возможность справедливо указать на ошибочное мнѣніе многихъ, будто Зотовъ первый ввелъ методъ обученія царскихъ дѣтей посредствомъ картинъ⁷⁾. Къ сожалѣнію, тотъ же авторъ придалъ слишкомъ большое значеніе словамъ Крекшина и высказалъ мысль, что „въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ „исторіи“, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами... Умный учитель обратилъ на это особое вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и „училищъ“, т.-е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія книги съ кунштами, равно и книги съ изображеніемъ городовъ, русскихъ и иноземныхъ. Зотовъ же въ свою очередь составилъ обширную коллекцію кунштовъ, приказалъ расписать ихъ и распредѣлил всѣ эти иллюстраціи по комнатамъ царевича⁸⁾.

¹⁾ Забѣлинъ, Дом. бытъ р. царей, изд. 3-е, стр. 219.

²⁾ Отч. Записки 1854, № 12, стр. 110—113.

³⁾ Викторовъ, II, 441.

⁴⁾ Отч. Записки 1854 г., № 12, стр. 115.

⁵⁾ Забѣлинъ, Дом. бытъ р. царей, изд. 3-е, стр. 219—221.

⁶⁾ Тамъ же, 221.

⁷⁾ Отч. Записки 1854, № 12, стр. 107.

⁸⁾ Опыты, I, 37—38.

Въ данномъ случаѣ г. Забѣлинъ почти дословно пересказываетъ Крекшина, сохраняя въ своей передачѣ тотъ же характеръ непреложнаго факта. Между тѣмъ, если у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ опровергать Крекшина, то нѣтъ и ничего, что заставило бы вѣрить ему. Извѣстная же баснословность показаній этого источника скорѣе побуждаетъ къ осторожному пользованію его данными; и мы уже имѣли случай выше замѣтить, какъ легко въ воображеніи старыхъ писателей явленія самыя ординарныя рисовались необычайными и при-
сущими одному лишь Петру. Вотъ почему мы не видимъ никакихъ серьезныхъ основаній говорить объ отличіяхъ въ пріемахъ, характерѣ и содержаніи школьной программы Петра въ первые годы его обученія и выдѣлять ее изъ ряда другихъ.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХІ.

1902.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	71
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшія награды	76
IV. Высочайшіе приказы	82
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	99
VI. Положенія о стипендіяхъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія	106
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	114
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	119
IX. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	126
Открытіе училищъ	127
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать третье присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	128
Е. Ф. Шмурло. Критическія замѣтки по исторіи Петра Великаго. XIV (продолженіе)	233
Н. Н. Дурново. Мелкія замѣтки по русскому языку	257
Н. Н. Оглоблинъ. Къ исторіи полярной экспедиціи Вахова и Шалаурова въ 1757—1760	269
О. П. Щербатской. Теорія поэзіи въ Индіи	299
О. П. Коппель. О прежнемъ и нынѣшнемъ распространеніи бобра въ предѣлахъ Россіи	330

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. А. Ивановскій. Л. Дыма. Государственное право Швеціи. Томъ первый. Часть историческая. 1901	369
А. П. Соболевскій. Slovanské starožitnosti. Sepsal Dr. Lubor Niederle, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Svazek I. V Praze. 1902	388
Г. З. Кунцевичъ. Сказаніе о зачатіи царства Казанскаго. Принадлежащее О. Т. Васильеву. Изданіе О. Т. Васильева. Казань. 1902	393
Н. А. Тихомировъ. Замѣтка объ оглавленіяхъ, помѣщенныхъ предъ Воскресенскимъ лѣтописнымъ сводомъ	397

См. 3-ю стр. обложки.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

XIV.

Избраніе Петра Великаго на царство.

Избраніе Петра Великаго на царство излагается нашими историками съ нѣкоторыми отличіями и оттѣнками у каждаго.

По *Устрялову* ²⁾, событіе состояло изъ слѣдующихъ послѣдовательныхъ моментовъ:

- 1) Обрядъ прощанія съ покойнымъ царемъ;
- 2) Жалованіе царевичами Іоанномъ и Петромъ всѣхъ чиновъ къ руцѣ;
- 3) Вопросъ патріарха, предложенный въ Передней палатѣ духовенству и боярамъ: кому быть царемъ? и отвѣтъ: слѣдуетъ предоставить рѣшеніе всѣмъ чинамъ Московскаго государства;
- 4) Подобный же вопросъ патріарха къ народу, собравшемуся на площади передъ церковью Спаса за рѣшеткою, и единогласный отвѣтъ его: быть царемъ Петру;
- 5) Такой же вопросъ патріарха къ боярамъ и царедворцамъ; отвѣтъ, тождественный тому, что данъ народомъ;
- 6) Возвращеніе патріарха во внутреннія палаты дворца и благословеніе Петра на царство;

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 годъ.

²⁾ *Устряловъ*, I, 15. Не упоминаю о болѣе раннихъ историкахъ, какъ, напримеръ, Крекшинъ. Послѣдній, хотя и пользовался документами официальными, но внесъ въ нихъ столько риторикки и искаженій, въ зависимости отъ предвзятаго взгляда, что его изложеніе давно уже потеряло всякое серьезное значеніе.

7) Присяга Петру всей Москвы въ тотъ же день.

По изложенію Устрялова, избраніе произошло совершенно гладко, единодушно, и при томъ не по желанію отдѣльныхъ лицъ, какой-либо партіи, а именно *всѣхъ* чиновъ, служившихъ какъ бы олицетвореніемъ всего государства. Наконецъ, ничто не показываетъ, чтобы вопросъ объ избраніи предварительно вызывалъ какіе-нибудь споры или недоумѣнія: избраніе прошло гладко именно потому, что ни у кого не было никакого иного кандидата и никто не думалъ о возможности иной кандидатуры. Устряловъ писалъ, слѣдуя официальной запискѣ 27-го апрѣля ¹⁾, составленной партіею, только что одержавшей верхъ, тѣмъ и объясняется благодушный тонъ повѣствованія нашего историка.

Порядокъ изложенія у *Соловьева* ²⁾ тотъ же. Въ первыхъ трехъ пунктахъ онъ совершенно совпадаетъ съ Устряловымъ. Отвѣтъ же „народа“ или „всякихъ чиновъ людей“, какъ ихъ называетъ Соловьевъ, у послѣдняго иной: вмѣстѣ съ Петромъ выкрикивали и Иоанна; но эти крики были заглушены. Далѣе нашъ историкъ ограничивается фразою: „Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло: патриархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра“. Такимъ образомъ въ изложеніи Соловьева намѣчаются двѣ партіи, два различныхъ желанія; но эти желанія проявились лишь въ „народѣ“, на крыльцѣ Кремлевскаго дворца.

Есть отличія и у *Погодина* ³⁾. Подобно Устрялову, онъ также говоритъ о единогласномъ избраніи Петра или по крайней мѣрѣ настолько, вѣроятно, ничтожнымъ считаетъ единичный „голосъ“ Сумбулова, что упоминаетъ о немъ въ другомъ мѣстѣ своего разсказа ⁴⁾; зато мирный характеръ избранія объясняетъ тѣмъ, что „Милославскіе на первыхъ порахъ предоставили открытое поле для дѣйствій Нарышкинской партіи, которая, имѣя въ рукахъ всѣ правительственныя средства, и устроила избраніе Петра“. Наконецъ, другая особенность Погодинскаго изложенія: по Устрялову, получивъ отвѣтъ народа, патриархъ тутъ же, на крыльцѣ, обращается съ вопросомъ къ боярамъ и царедворцамъ (потому что съ ними, „съ властями и людьми думными“, онъ вышелъ и на крыльцо),—по Погодину же, онъ идетъ на верхъ, такъ какъ бояре оставались тамъ, не спускаясь внизъ.

¹⁾ Устряловъ, I, 268.

²⁾ Соловьевъ, XIII, 314.

³⁾ Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ, 29.

⁴⁾ Ibidem, 30.

Аристовъ ¹⁾ о самомъ избраніи рѣчи не ведетъ, а только подчеркиваетъ, сообразно общей задачѣ своего изслѣдованія, оппозицію Сумбулова и отказъ стрѣльцовъ Карандѣвскаго полка дать присягу.

Въ изложеніи *Костомарова* ²⁾ встрѣчаются особенности, которыхъ нѣтъ у другихъ историковъ, писавшихъ объ этомъ событіи. Патриархъ начинаетъ съ запроса къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ; но тѣ далеки отъ мысли предоставить рѣшеніе чинамъ Московскаго государства, а берутъ его на себя, при чемъ „совѣтъ раздѣлился: большинство было за Петра, нѣкоторые поддерживали право первородства царевича Ивана. Чтобы прекратить недоумѣніе, патриархъ предложилъ совершить избраніе царя согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Немедленно созваны были на Кремлевскую площадь служилые, всякаго званія гости, торговые, тяглые и всякихъ чиновъ выборные люди“ (благо въ это время, по случаю земскаго собора, выборные люди были на лицо въ Москвѣ). Вопросъ патриарха и на этотъ разъ вызвалъ разногласіе: называли обоихъ царевичей. Патриархъ вторично задалъ вопросъ. „Раздѣлился было снова голоса въ пользу Ивана, но ихъ покрылъ громкій крикъ“ въ пользу младшаго брата,—послѣ чего патриархъ благословилъ Петра, и затѣмъ послѣдовала всеобщая присяга.

Не трудно видѣть, что повторительный вопросъ патриарха къ толпѣ введенъ *Костомаровымъ*, при обычной заботѣ этого историка о живости и картинности изложенія, въ силу (справедливаго) убѣжденія въ психологической правдоподобности подобнаго повторенія; но какъ фактъ историческій, его нельзя обосновать на имѣющихся у насъ на лицо матеріалахъ. Необходимость вторичнаго запроса, обусловливая вторичное же заявленіе сторонниковъ Петра, неизбѣжно придавала этому заявленію, разъ голоса противные были окончательно заглушены, ббльшую силу и авторитетность. Такое заявленіе, если оно ужъ было сдѣлано, до известной степени должно было парализовать возможность появленія противоположнаго мнѣнія среди какой либо еще иной группы людей. Вотъ почему, въ силу оцѣнъ—таки, можетъ быть, психологической правды, *Костомаровъ* молчитъ о запросѣ патриарха къ боярамъ послѣ отвѣта чиновъ, и выходитъ, что Петръ былъ избранъ „всякихъ чиновъ людьми“, но только не духовенствомъ и не боярами. Остается неизвѣстнымъ, откуда почерпнулъ авторъ извѣстіе

¹⁾ *Аристовъ*, Московскія смуты, 66.

²⁾ *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, V, 477—478.

о несогласіи между высшими сановниками? Однако въ этомъ случаѣ онъ не ошибся: новѣйшія данныя подтверждаютъ его указанія.

Едва ли не ближе всего къ Костомарову излагаетъ событія 27-го апрѣля 1682 г. *Щебальскій*¹⁾, хотя и у него есть довольно существенныя отличія въ пониманіи хода дѣйствія. Поклонившись праху усопшаго царя, говорятъ онъ, патріархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшими свѣтскими сановниками сталъ совѣщаться объ избраніи новаго государя. „Позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали“; нельзя довѣрять официальнымъ документамъ, будто рѣшеніе собранія прошло спокойно и единодушно. Правда, младшій царевичъ восторжествовалъ, но, подъ вліяніемъ партизановъ Софіи, патріархъ вынужденъ былъ выйти на Красное крыльцо, къ толпѣ народа, и „подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе“. Новый запросъ Іоакима былъ новымъ торжествомъ царевича Петра: единичныя попытки провозгласить Ивана были заглушены общимъ приговоромъ толпы: „Да будетъ царемъ Петръ“! Тогда патріархъ вернулся въ палаты, осѣнилъ Петра крестомъ и нарекъ его царемъ.

Матеріалами по данному вопросу намъ служатъ:

1) Официальная записка 27-го апрѣля, составленная въ Разрядѣ: „Объявленіе о кончинѣ ц. и в. кн. Ѳеодора Алексѣевича и о избраніи царевича и в. кн. Петра Алексѣевича“²⁾;

2) Актъ о совокунномъ восшествіи на престолъ Іоанна и Петра и о врученіи правленія царевнѣ Софіи, отъ 29-го мая³⁾, документъ,

¹⁾ Правленіе царевны Софіи. М. 1856 г., стр. 16—18.

²⁾ Напечатана нѣсколько разъ: 1) Пол. Соб. Зак. II, стр. 384—387, № 914; 2) Древн. Росс. Вивл. XV, 283—290; 3) въ статьѣ Г. Ф. Миллера: „Первое воцареніе Петра В.“ (*Туманскій*, Собран. разн. запис., V, 156—162); 4) Записки Медвѣдева, стр. 43—46 (по изд. Прозоров.); 5) Собр. Гос. Гр. Дог. IV, 412—413. Лучшій текстъ—въ Полн. Собраніи Законовъ, но тамъ онъ оканчивается фактомъ принесенія присяги повозабранному государю. Въ Древней же Росс. Вивліоэкѣ продолжено. Петръ жаловалъ къ рукѣ, съ перечисленіемъ кого именно; отмѣчено, что за все это время подлѣ Петра находилась неотлучно мать его. Миллеръ ведетъ свою выписку еще далѣе, отмѣчал, кто приводилъ къ присягѣ и гдѣ пропаводилась самая присяга: Медвѣдель оканчиваетъ тамъ же, гдѣ и Др. Росс. Вивліоэнка; текстъ его, сравнительно съ текстомъ П. Собр. Законовъ, слегка въ измѣненной редакціи. Въ Собр. Гос. Гр. и Договоровъ—лишь небольшой отрывокъ изъ всего акта.

³⁾ Собр. Гос. Гр. Договор. IV, 441—445.

на который Устряловъ ¹⁾ основательно считаетъ невозможнымъ опираться ²⁾);

3) Книга записная царя и вел. кн. Петра Алексѣевича въ 190 г. ³⁾—указаніе, гдѣ, въ какихъ церквахъ и правительственныхъ мѣстахъ приводили къ присягѣ;

4) Записки А. А. Матвѣева: въ нихъ ничего нѣтъ о *порядкѣ* избранія, но онѣ рисуютъ взаимное настроеніе партій;

5) Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ въ „Архивѣ кн. Куракина“, I, 43—44: нѣсколько характерныхъ подробностей.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ избраніе Петра можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

27-го апрѣля 1682 г., въ 4 часа пополудни ⁴⁾ три обычныхъ удара въ большой соборный колоколь ⁵⁾ возвѣстили жителямъ Москвы о смерти царя Θεодора Алексѣевича. Въ теремныхъ покояхъ собралось высшее духовенство и придворная знать: патриархъ съ митрополитами и архіепископами; царевичи касимовскіе и сибирскіе; бояре, окольничіи, думные дворяне и генералы; — стольники же, стряпчие,

¹⁾ Устряловъ I, 268—269.

²⁾ Нѣтъ ни слова о совѣщаніи патриарха съ боярами на Верху, о собраніи чиновъ передъ Спасомъ за рѣшеткою, о вопросѣ, къ нимъ обращенномъ, и данномъ отвѣтѣ. По „Акту“ патриархъ съ чинами непосредственно проситъ обихъ царевичей принять власть, на что Іоаннъ отвѣчаетъ, что пристойно царемъ быть Петру, потому что у него здравствуетъ мать его. Это совершенно напоминаетъ Крокшина, въ изложеніи котораго царевичъ Іоаннъ, въ отвѣтъ на просьбы принять корону, говоритъ патриарху: „Яко Петръ царствуетъ, съ Петромъ царствую и азъ; азъ царствую — царствуетъ со мною и Петръ; но азъ всегдашнихъ ради скорбей править сего великаго царствія не могу“; къ царицѣ же Натальѣ обращается съ такими словами: „аще два будемъ царствовать, то царствіе наше чрезъ чиновные наши люди будетъ раздвоено“ (Экстрактъ изъ журналовъ великославныхъ дѣлъ в. г. царей и в. кн. Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича... собранный Крокшинымъ. Рукон. Имп. Публ. Вибл. Древлохран. Погодина, № 1731).

³⁾ Соловьевъ, XIII, приложение.

⁴⁾ „Въ 13 часъ дни во второй четверти въ четвертокъ, на Θεоминой недѣлѣ“ (Древн. Росс. Вивл. XI, 211); 13-й же часъ указанъ и въ Древн. Росс. Вивл. XV, 283.—У Медвѣева, 42 и въ „Разрядѣ безъ мѣстъ 190 г.“ (Соловьевъ, XIII, 394): „въ 13-мъ часу въ началѣ“. Въ надписи, окружающей изображеніе царя Θεодора, находящейся у его гробницы въ Архангельскомъ соборѣ, показано: „13 часа дни въ первой четверти“ (Историч. и топографич. описаніе городовъ Московской губерніи съ ихъ уѣздами... М. 1787, стр. 24 второй пагин.).—Въ Пол. Соб. Зак. II, № 914 показанъ 12-й часъ; но это очевидная опечатка, такъ какъ текстъ Пол. Соб. Зак., Др. Росс. Вив., XV и Медвѣева—одна и та же Разрядная записка.

⁵⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 43.

дворяне, дьяки, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскіе, гости и гостиной и черныхъ сотскъ и иныхъ чиновъ люди ¹⁾ толпились въѣ хороми, по корридорамъ, внутреннимъ дворамъ и площадкамъ. Этой минуты ждали; къ ней готовились. Всѣхъ волновала одна и та же мысль: Иванъ или Петръ? Были сторонники того и другого. Каждый шелъ съ готовымъ мнѣніемъ, но всѣ ли проявлять его наружу, всѣ ли стануть энергично отстаивать его? У всѣхъ ли это мнѣніе вызоветъ соотвѣтствующее рѣшеніе? Вопросъ, волновавшій умы, былъ слишкомъ деликатнаго свойства, а при подобныхъ обстоятельствахъ рѣшеніе чаще всего принадлежитъ тому, у кого окажется въ надлежащую минуту болѣе рѣшимости и находчивости. Какъ бы ни было, никто не могъ поручиться, чѣмъ кончится сегодняшній день, и нѣкоторые изъ бояръ даже сочли не лишнимъ, идя во дворецъ, надѣть панцири подъ верхнюю одежду ²⁾.

Послѣ того, какъ царская семья простилась съ усопшимъ, къ тѣлу допущены были и всѣ чины, высшіе и низшіе. Отдавъ послѣднюю дань, они поочередно подходили къ царевичамъ Іоанну и Петру: братья жаловали ихъ къ своей рукѣ, оба вмѣстѣ, и тотъ, и другой. Уже съ этой минуты они соперники; уже въ этомъ одновременномъ пожалованіи чувствуется какъ бы ревнивый споръ и молчаливая борьба, подчеркнутый отказъ поступиться своими правами въ пользу другого.

А вопросъ о преемникѣ Феодору надо было, конечно, рѣшать сейчасъ же, нисколько не медля. Передовая роль въ вопросѣ такой государственной важности и по сану, и по традиціямъ выпадала патриарху. Когда всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, онъ поставилъ собравшимся въ передней палатѣ властямъ и боярамъ вопросъ: кому быть царемъ? Офиціальная записка ³⁾ излагаетъ дѣло словами: „И говоря положили, что тому избранію быти общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей“. Смыслъ этой фразы тотъ, что власти и бояре не признали за собою, по крайней мѣрѣ за собою одними, права выбора. Но какъ пришли они къ такому выводу, принципиально ли считая необходимымъ привлечь къ обсужденію вопроса и посторонніе голоса, или какъ результатъ собственнаго безсилія придти къ какому либо рѣшенію—изъ записки не видно. Общій тонъ

¹⁾ Перечень ихъ сдѣланъ по „Объявленію о кончинѣ“. Пол. Соб. Зак. II, 385.

²⁾ *Маттеевъ*, пад. Сахарова, 5.

³⁾ Пол. Собр. Законовъ.

послѣдней скорѣе допускаетъ первое толкованіе; но такой выводъ оказался бы преждевременнымъ и торопливымъ. Официальной запискѣ естественно было сгладить неприятныя шероховатости, если таковыя были. А что они были, въ этомъ можно убѣдиться¹⁾ изъ свидѣтельства кн. Б. И. Куракина. Послѣдній прямо говоритъ, что вопросъ, поставленный патріархомъ, вызвалъ разногласію, „несогласіе“: одни хотѣли видѣть царемъ Іоанна, другіе—Петра²⁾.

Такимъ образомъ рѣшеніе обратиться къ остальнымъ чинамъ, если и могло вытекать изъ признанія избирательныхъ правоспособностей за всѣми лишь сообща, то въ данномъ случаѣ оно явилось неизбежнымъ уже по одному тому, что лица, собравшіяся на Верху, сами отдѣльно фактически оказывались безсильными подвинуть дѣло. Совершенно заглушевать возникшее между боярами разногласіе не сумѣла даже и официальная записка: „и говоря положили“, выражается она,—т.-е. не просто постановили, а предварительно „поговоривъ“, въ данномъ случаѣ поспоривъ. Зато теперь каждый сгѣпшилъ найти точку опоры своему мнѣнію въ теремныхъ покояхъ, тѣмъ болѣе, что собравшіяся внизу стольники и прочіе чины, созванные передъ тѣмъ правительственною властью съ разныхъ концовъ Московскаго государства, дѣйствительно, олицетворяли въ эту минуту, хотя бы и фиктивно, волю и желаніе всей Русской земли.

Патріархъ вышелъ на крыльцо, что передъ Переднею; вслѣдъ за нимъ архіереи, бояре, окольничіи, думные и ближніе люди. Чины были созваны и поставлены въ верху на дворѣ, что передъ церковью Спаса Нерукотвореннаго, и на площади, что за преградою; патріархъ обратился и къ нимъ съ тѣмъ же вопросомъ: кому быть царемъ? И здѣсь дѣло прошло не гладко. Шумныхъ и противорѣчивыхъ заявленій, пожалуй, было еще больше, чѣмъ во внутреннихъ покояхъ, хотя

¹⁾ Сравн. редакцію этой фразы у Медвѣдева: „И совѣтоваше положили, что тому избранію быти общимъ согласіемъ“ и т. д. *Совѣтоваше*, значитъ, вопросъ обсуждался, высказывались мнѣнія, а мнѣнія могли быть различныя. Самое выраженіе: „общимъ согласіемъ“ какъ бы указываетъ, что высшіе чины искали у низшихъ того, чего имъ самимъ недоставало въ данную минуту.

²⁾ Выписываемъ соответствующее мѣсто: „И когда патріархъ объявилъ всѣмъ о смерти и предложилъ о избраніи на царство изъ двухъ братьевъ царевича Пвана и Петра Алексѣевичевъ,—и стало быти несогласіе, какъ въ бодрѣхъ, такъ и площадныхъ: одинъ—одного, а другіе—другого. Однакожъ большая часть, какъ изъ бояръ и изъ знатныхъ и другихъ площадныхъ, также и патріархъ явились склонны избрать меньшого царевича Петра Алексѣевича. И по многомъ несогласію, тогожъ дня избрали царевича Петра Алексѣевича“ (Архивъ кн. Куракина, I, 43).

бы по одному тому, что было больше участвующихъ. Матвѣевъ ¹⁾ упоминаетъ М. Сумбулова, особенно рѣзко выкрикивавшего имя царевича Іоанна; этотъ фактъ въ связи съ умолчаніемъ того же Матвѣева о несогласіяхъ на Верху, тоже даетъ право думать, что тутъ, внизу, было гораздо шумнѣе и болѣе спора. Большинство впрочемъ оказалось на сторонѣ Петра; голоса противной партіи заглушены.

Официальная записка 27-го апрѣля ни однимъ словомъ не обмолвившаяся ни о Сумбуловѣ, ни вообще о какой либо разногласіи, излагаетъ дѣло такъ, что послѣ отвѣта, даннаго младшими чинами, патріархъ обратился къ высшимъ чинамъ, и тѣ также назвали Петра. Трудно сказать, происходила ли эта *последовательность* вопросовъ и отвѣтовъ на самомъ дѣлѣ, или рѣшеніе выяснилось одновременнымъ со стороны всѣхъ присутствующихъ, какъ на дворѣ, такъ и на крыльцѣ, признаніемъ Петра. Последнее вѣроятнѣе. Какого-нибудь порядка и последовательности въ отбираниіи мнѣній не могло быть тамъ, гдѣ царилъ въ сущности беспорядокъ и волненіе, охватившее всѣхъ и каждого. Трудно допустить, чтобъ бояре-сторонники Ивана, держали себя вполнѣ пассивно, когда внизу дѣйствовали Сумбуловъ и его единомышленники. Но лишь только собраніе почувствовало, что перевѣсъ на сторонѣ Петра,—перевѣсъ, по всей вѣроятности, формулированный патріархомъ, то дальнѣйшимъ опросамъ уже не могло быть мѣста. И всего менѣе можно допустить последовательность фактовъ, предложенную Погодинымъ ²⁾: узнавъ на крыльцѣ мнѣніе младшихъ чиновъ, патріархъ возвращается на Верхъ, будто бы сообщаетъ услышанное боярамъ и повторяетъ имъ вопросъ. Поступить подобнымъ образомъ значило рисковать всѣмъ: а что если бы бояре разошлись во мнѣніи съ остальными избирателями? Да, наконецъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы бояре дожидались патріарха на Верху: это было бы, во-первыхъ, психологически не вѣрно, а во-вторыхъ, противорѣчило бы официальной запискѣ, гдѣ говорится, что они сопровождали патріарха на крыльцо.

Итакъ, „по многимъ несогласіямъ“, царевичъ Петръ былъ избранъ на царство. Патріархъ вернулся на Верхъ и совместно съ кн. Б. А. Голицынымъ вывелъ новаго государя въ крестовую палату, провозгласилъ его царемъ и, благословивъ на царство, принесъ присягу и

¹⁾ *Матеевъ*, стр. 6.

²⁾ *Погодинъ*, стр. 29.

поцѣловаль ему крестъ ¹⁾). Тутъ же присягнули упомянутый Голицынъ, кн. Юр. Ал. Долгорукій съ сыномъ Михаиломъ „и весь ихъ родъ линии Ѳеодоровичевъ Долгорукихъ. Также кн. Г. Г. Ромодановскій и другіе многіе“ ²⁾). Вообще къ присягѣ стали приводить, не теряя времени, какъ въ царскихъ хоромахъ, такъ и у Спаса, на площади и на Красномъ Крыльцѣ, въ соборѣ ³⁾, въ Передней ⁴⁾, въ Посольскомъ приказѣ, въ Рождественской церкви, въ Аптекѣ ⁵⁾ и по приходскимъ церквамъ ⁶⁾).

Вторично въ этотъ день жаловалъ Петръ къ своей рукѣ ⁷⁾, но теперь уже, какъ царь и самодержавный повелитель. Въ торжественныя и вмѣстѣ критическія минуты, которыя пришлось пережить за эти часы впечатлительному ребенку, все это время подлѣ него неотступно находилась его мать, царица Наталья ⁸⁾).

XV.

Объ участіи патріарха Іоакима въ избраніи Петра Великаго на царство.

По мнѣнію Устрялова, Соловьева, Костомарова, Погодина, а за ними и Брикнера, причина смутъ, сопровождавшихъ воцареніе Петра Великаго, лежала въ семейной распрѣ царскаго дома. Аристовъ, не отрицая значенія раздоровъ между Милославскими и Нарышкиными, подчеркнул „различіе возрѣвій на государственную жизнь Россіи, неодинаковую привязанность къ порядкамъ и обычаямъ родины“ ⁹⁾; нѣсколько позже Бѣловъ значительно раздвинулъ рамки аристовскаго опредѣленія и указывалъ, какъ на весьма важный факторъ—на умственное броженіе тогдашняго московскаго общества, на споръ изъ-за культурныхъ принциповъ по вопросу о томъ, какому направленію лучше слѣдовать въ образованіи, греческому или латинскому. Выходя изъ этого взгляда, Бѣловъ пытался освѣтить между прочимъ и роль

¹⁾ Архивъ кн. Куракина, I, 44.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 43.

⁴⁾ *Туманскій*, V, 162.

⁵⁾ Книга Записная 190 года (*Соловьевъ*, XIII, 395).

⁶⁾ *Др. Росс. Вивл.* XV, 291.

⁷⁾ *Медендегъ*, 46; *Древн. Росс. Вивл.* XV, 290.

⁸⁾ *Туманскій*, V, 162; *Медендегъ*, 46; *Др. Росс. Вивл.* XV, 290.

⁹⁾ *Аристовъ*, Московскія смуты въ правленіе царицы Софіи, стр. 60.

патріарха Іоакима. Мотивы сочувственнаго отношенія его именно къ Нарышкинымъ, а не къ Милославскимъ, по объясненію названнаго историка, слѣдуетъ искать въ его симпатіяхъ къ „греческому“ направленію и въ неодобреніи „латинскаго“: патріархъ опасался-де, что съ воцареніемъ Іоанна и съ торжествомъ Милославскихъ возьметъ верхъ именно это послѣднее ¹⁾).

Съ такимъ объясненіемъ нельзя не согласиться. Но въ развитіи тогдашняго умственнаго движенія и въ оцѣнкѣ его роли въ политическихъ событіяхъ Бѣловъ недостаточно (или даже совсѣмъ) не подмѣтилъ разницы въ положеніи дѣлъ въ 1682 и въ 1689 г., а произошло это отъ того, что вопросы общекультурные онъ недостаточно отдѣлилъ ²⁾ отъ вопросовъ специально-церковныхъ, богословскихъ. „Въ Россіи“—говорилъ онъ,—„съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость образованія; вслѣдствіе этой-то необходимости изъ-за богословскихъ вопросовъ и проглянулъ вопросъ, какое образованіе предпочтительнѣе, греческое или латинское“ ³⁾. Подъ „богословскими вопросами“ Бѣловъ понималъ преимущественно (если не исключительно) такъ называемую хлѣбопоклонную ересь, споръ о времени пресуществленія св. Даровъ. Споръ этотъ во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ XVII столѣтія, дѣйствительно, получилъ огромное значеніе не только специально церковное, но и общественно-политическое; но къ 1682 году онъ далеко еще не выдвинулся,—скажемъ болѣе, въ ту пору такого вопроса для Іоакима даже и не существовало, и мотивами его несочувствія Милославскимъ *въ это время* служили факторы исключительно общекультурнаго характера,—исключительно, разумѣется, по столько, по скольку вообще возможно было въ XVII столѣтіи умственную жизнь русскаго общества отдѣлять отъ сферы церковно-религіозной. Выдѣлить хлѣбопоклонную ересь изъ ряда факторовъ, руководившихъ дѣйствіями Іоакима въ день 27-го апрѣля 1682 г., необходимо потому, что, хотя Симеонъ Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ—несомнѣнные противники Іоакима на почвѣ культурныхъ вопросовъ—и исповѣдывали хлѣбопоклонную ересь, но

¹⁾ Бѣловъ, Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887, январь, стр. 100—102.

²⁾ Слѣдуетъ оговориться: въ зависимости отъ тогдашняго состоянія исторической литературы, которой неизвѣстны были факты, ставшіе достояніемъ науки за послѣдніи пятнадцать лѣтъ.

³⁾ Бѣловъ, назв. соч., 100.

въ ту пору самъ Іоакимъ совсѣмъ еще не видѣлъ въ томъ ничего еретическаго и неправильнаго.

Вотъ доказательства.

Православная церковь учитъ, что освященіе св. Даровъ, совершительный моментъ въ таинствѣ евхаристіи обусловленъ молитвой и словами священника: „Низпосли Духа твоего Святаго на ны и на предлагащіе дары сіи, и сотвори убо хлѣбъ сей, честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей, честную кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ Святымъ“ ¹⁾. Латинская церковь, наоборотъ, еще въ XI вѣкѣ исключила эту молитву изъ чина своей литургіи, признавъ, что заключительный актъ освященія Даровъ обусловленъ не ею, а произнесеніемъ іереемъ словъ Спасителя: „Примите, ядите, сіе есть тѣло Мое... пи́те отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завіта“. Такое толкованіе въ западной церкви получило свою санкцію на Тридентскомъ соборѣ ²⁾. Въ зависимости отъ этого различнаго пониманія сложилась и разница обрядовая: колѣнопреклоненіе и наклоненіе головы передъ св. Дарами, совершаемое священнодѣйствующимъ, а за ними и всѣми молящимися, опредѣлялось тѣмъ моментомъ, который данная церковь признавала за истинный моментъ пресуществленія ³⁾.

Въ Польшѣ, разумѣется, утвердилось мнѣніе латинское; но отсюда, съ десятихъ годовъ XVII столѣтія, оно стало распространяться и въ Малороссіи, среди православнаго населенія, и при томъ съ такимъ успѣхомъ, что съ половины столѣтія сдѣлалось даже преобладающимъ ⁴⁾. Изъ Малороссіи естественно было латинскому мнѣнію проникнуть и въ Московскую Русь. Политическія, церковныя и литературныя связи съ Кіевомъ открыли ему туда свободный путь и придали извѣстный авторитетъ. Новое ученіе нашло здѣсь сторонниковъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ. Въ московскіе Служебники оно заносится уже съ 1651 г. ⁵⁾, такъ что когда въ „Скрижали“ (1656 г.) ясно было изложено православное ученіе о пресуществленіи, то оно

¹⁾ *Остенъ*. Казань. 1865, стр. 3.

²⁾ *Остенъ*, 3—13; *Мирковичъ*, О времени пресуществленія св. Даровъ, стр. 29—30; *Сменцовскій*, Братъ Лихуды, стр. 89.

³⁾ *Мирковичъ*, назв. соч., 33—34.

⁴⁾ *Мирковичъ*, 34—53; *Шляпкинъ*, Св. Димитрій Ростовскій и его время, 115—117; *Сменцовскій*, назв. соч., 93—98. Сравни. *Прозоровскій*, Сильвестръ Медвѣдевъ. *Жизніи Общ. Ист. и Др. Росс.* 1896, III, 224—227.

⁵⁾ *Мирковичъ*, 68.

вызвало, по крайней мѣрѣ среди раскольниковъ, не малые толки и волненія ¹⁾.

Видное участіе въ дѣлѣ распространенія новаго ученія оказали Симеонъ Полоцкій, вліятельное лицо при дворѣ Алексѣя Михайловича. Онъ изложилъ его сперва въ „Жезлѣ Правленія“ (1666), хотя еще не рѣшительно и не вполне ясно ²⁾; поддержалъ въ 1669 г. одобрительнымъ отзывомъ о данной ему на разсмотрѣніе книгѣ Иннокентія Гизела „Миръ съ Богомъ“, гдѣ проводилась та же мысль ³⁾; наконецъ, въ 1671 г. проповѣдывалъ въ церкви и напечаталъ „Слово о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ“, гдѣ латинское ученіе выражено уже гораздо опредѣленнѣе ⁴⁾; не довольствуясь проповѣдью, Полоцкій приглашалъ желающихъ собраться „на удобнѣйшее мѣсто“ для дальнѣйшаго обсужденія вопроса ⁵⁾. Последнее являлось уже прямою пропагандою ученія; однако проповѣдь эта московскимъ духовнымъ властямъ отнюдь не казалась зазорною: латинское мнѣніе раздѣлялось въ ту пору чуть ли не всѣми; оба тогдашнихъ литературно-научныхъ лагеря, сторонники и латинскаго, и греческаго образованія, по вопросу о времени пресуществленія сходились между собою вполне.

Такъ въ 1675 г., то есть, уже при патріархѣ Іоакимѣ, соборъ русскихъ іерарховъ не только одобрилъ „Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія“, но даже грозилъ тяжелыми наказаніями за малѣйшее измѣненіе установленныхъ въ немъ обрядовъ церковной службы — между тѣмъ въ этомъ Чиновникѣ вопросъ о времени пресуществленія рѣшенъ въ латинскомъ, а не въ православномъ духѣ ⁶⁾. Какъ далеки были составители Чиновника отъ мысли въ своемъ неправославіи, видно изъ того, что самые мотивы пересмотра книги были вызваны желаніемъ пріостановить „нѣкая несогласія и разствва“, появившіяся въ „церковныхъ послѣдованій чинѣхъ“, и затормозить начавшіяся „у нѣкихъ новая нѣкая вымышленія“ ⁷⁾. Точно также и семь лѣтъ

¹⁾ Смирновскій, 109. Сравни. Прозоровскій, тамъ же, стр. 231.

²⁾ Мирковичъ, 68.

³⁾ Татарскій, Симеонъ Полоцкій. *Прибавленія къ Теор. св. отцевъ* 1886, ч. 37, стр. 256, 192.

⁴⁾ Мирковичъ, 69.

⁵⁾ Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтія, стр. 53—54; Татарскій, Симеонъ Полоцкій, *Прибавленія къ Теор. св. отцевъ* 1886, ч. 37, стр. 267.

⁶⁾ Смирновскій, 116—118.

⁷⁾ Аверосій, Исторія Россійской іерархіи, ч. I, изд. 2-е. М. 1822. стр. 323.

спустя, въ 1682 г., уже по смерти Полоцкаго, руководясь тѣми же „многими разностями“, патриархъ Іоакимъ занялся исправленіемъ типикона (устава церковнаго). Справщики „составляли особый кружокъ, работавшій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патриарха въ его келіяхъ и на основаніи особой инструкціи, говоря по теперешнему; кромѣ того они обращались къ патриарху за совѣтомъ и разъясненіями въ случаяхъ затруднительныхъ“¹⁾—обстановка, болѣе чѣмъ достаточная для гарантіи ортодоксальности предпринятой работы, тѣмъ болѣе что, согласно прежнимъ распоряженіямъ Іоакима, всякая книга, предназначенная къ изданію, по отпечатаніи, прежде выхода въ свѣтъ, читалась въ крестовой палатѣ патриарха предъ всѣмъ священнымъ соборомъ²⁾. Излишне добавлять, что правился Уставъ преимущественно по греческимъ образцамъ³⁾. При всемъ томъ время о пресуществленіи изложено тамъ на латинскій ладъ. Скажутъ, это небрежность, забывчивость, повтореніе стараго изданія, въ которомъ Іоакимъ не былъ повиненъ. Наоборотъ: въ прежнихъ изданіяхъ толкованіе было православное⁴⁾.

Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева обыкновенно противопоставляютъ Епифанію Славинецкому съ инокомъ Евѣиміемъ; между прочимъ выставляютъ на видъ и разность въ толкованіи ими церковныхъ догматовъ и обрядовъ. Однако (мы имѣемъ въ виду только періодъ времени съ пятидесятыхъ по восьмидесятые годы) никто иной, какъ Епифаній, слѣдилъ за изданіемъ Служебниковъ 1655 и 1658 гг., а въ нихъ, значить, еще раньше Симеона Полоцкаго, высказана та же „хлѣбопоклонная ересь“⁵⁾. Что касается до инока Евѣимія, то одновременно съ составленіемъ и печатаніемъ вышеупомянутаго Чиновника, составленіе котораго, вѣстаети замѣтить, С. Медвѣдевъ категорически приписываетъ тому же Евѣимію⁶⁾, онъ пишетъ „Воумленіе священникамъ“ съ цѣлью сообщить „истинныя“ свѣдѣнія „о церкви и церковныхъ божественныхъ тайнахъ“—латинское мнѣніе находится и тамъ. Всего характернѣе, что это сочиненіе писалось „по повелѣнію св.

¹⁾ Мансветовъ, Какъ у насъ правился церковныя книги. *Прибавленія къ твор. св. отцевъ* 1883, ч. 32, стр. 546.

²⁾ Мансветовъ, назв. соч., 527, 545.

³⁾ Мансветовъ, назв. соч., 548.

⁴⁾ Мирковичъ, 65.

⁵⁾ Сметцовскій, 123—124.

⁶⁾ Сл. Медвѣдевъ, Извѣстіе истинное. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1885, IV, стр. 22.

патріарха Іоакима“ ¹⁾). А что самъ патріархъ, дѣйствительно, ничего не имѣлъ противъ, видно по тому, что, какъ указалъ г. Прозоровскій ²⁾, цари Іоаннъ и Петръ, коронуясь въ 1682 г., творили земной поклонъ какъ разъ во время возглашенія патріархомъ словъ Спасителя: „примите, ядите“.. ³⁾).

Такимъ образомъ до 1672—1683 г. не только не существовало вопроса о хлѣбопоклонной ереси, но и всѣ наиболѣе выдающіеся представители церкви и духовной литературы, въ ихъ числѣ и самъ патріархъ Іоакимъ, согласно признавали латинское толкованіе времени пресущественія ⁴⁾).

Перемена, и при томъ весьма рѣзкая, во взглядахъ Іоакима на время пресущественія совершилась послѣ 1682 г., не раньше. Появленіе братьевъ Лихудовъ въ Москвѣ (мартъ 1685 г.) подавало сигналъ къ литературной полемикѣ ⁵⁾. Іоакимъ убѣдился въ ошибочности своего взгляда и съ той поры сталъ горячимъ противникомъ латинниковъ. Намъ нѣтъ надобности слѣдить за начавшейся борьбою съ хлѣбопоклонной ересью; мы ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ. Не-

¹⁾ Прозоровскій, С. Медвѣдевъ. *Чтенія Общ. Ист. Др. Росс.* 1896, III, 228—230.

²⁾ Тамъ же, 230.

³⁾ П. С. З. II, 433.

⁴⁾ Вотъ почему нельзя считать достовѣрнымъ рассказъ „Остна“ о препіи, яко бы происходившемъ на интересующую насъ тему, въ крестовой палатѣ у патріарха Птирима (значить, въ 1672 или 1673 г.), между Епифаніемъ Славянецкимъ и Симономъ Полоцкимъ, — препіи, окончившемся будто бы полнымъ пораженіемъ Симономъ (Остенъ. 71—74). „Остенъ“ — произведеніе позднѣйшаго времени, написанное (въ злму 1689—1690 г.) если уже и не въ разгаръ борьбы, то еще въ полный разгаръ страстей, когда многое, особенно удаленное временемъ, такъ легко преувеличивается и искажается. Да и какъ совмѣстить фактъ диспута съ редактированіемъ Славянецкимъ Служебниковъ 1655 и 1658 г., или весьма вѣроятное составленіе Еволимомъ „Остна“, въ томъ числѣ и рассказы о препіи, съ его же „Воумленіемъ священникамъ“? — Фактъ препіи признаютъ Майковъ, 54; Мярковичъ, 66—68; Татарскій, ч. 37, стр. 267—268; но уже г. Шляпкинъ (137, прим.) высказалъ сомнѣнія, а позднѣйшія изслѣдованія указали на основанія таковымъ сомнѣніямъ: помимо названныхъ Служебниковъ, Чинovníка и „Воумленія“, трудно ожидать отъ киевлянина, какииъ былъ Епифаній, рѣзкаго отзыва о киевлянахъ, какой данъ имъ, судя по „Остну“ (Смещовскій, 121—125). Замѣтимъ отъ себя, что текстъ „Остна“ въ сущности не даетъ права говорить ни о какомъ препіи или диспутѣ. С. Полоцкій изобразилъ тамъ лишь вопрошающимъ, пришедшимъ лишь поучиться и наставитья. Его короткія фразы — не положенія, тѣмъ болѣе не развитіе ихъ, а лишь средство (такъ и хочется сказать: литературный пріемъ), своего рода толчокъ для длинныхъ репликъ Епифанія, — поводъ послѣдному формулировать свои собственныя положенія.

⁵⁾ Прозоровскій, 241—246; Смещовскій, 125—129, 133—136.

вольно бросается въ глаза страстность полемики, непримиримая враждебность обѣихъ сторонъ. Патріархъ дѣйствовалъ, конечно, по убѣжденію и тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе онъ былъ сыномъ своего вѣка, для котораго въ вопросахъ религіи обрядовая сторона играла такую важную роль. Но въ данномъ случаѣ одного этого объясненія едва ли достаточно. Латинники, какъ извѣстно, были къ тому же и (пользуемся ходячимъ современнымъ терминомъ) „западники“, заводили разнаго рода новшества — въ глазахъ Іоакима это удваивало ихъ опасность; во главѣ ихъ стоялъ Сильвестръ Медвѣдевъ, подымавшійся лично подъ патріарха — это утраивало ихъ темныя стороны. „Опасность“ была не только для церкви, но и лично для Іоакима. Для послѣдняго (а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и для окружающихъ) она была несомнѣнно велика, разъ дѣло шло о низложеніи и посаженіи на его мѣсто Сильвестра ¹⁾; безспорно велика была она и для церкви, хотя въ послѣднемъ случаѣ о размѣрахъ опасности отчетливо судить мы, къ сожалѣнію, не можемъ. Дошедшіе до насъ памятники до того пропитаны полемическимъ жаромъ, столько въ нихъ субъективнаго, что ко многому изъ того, что они сообщаютъ, необходимо относиться съ большою осторожностію. Таково, напримѣръ, обыкновенно всѣми цитуемое показаніе „Остна“ о томъ, что споръ литературный перешелъ будто бы въ общество, сталъ достояніемъ улицы, предметомъ обсужденія не только мужчинъ, но и женщинъ, даже дѣтей ²⁾ — слова эти слишкомъ отзываютъ литературнымъ приемомъ, для того чтобъ принимать ихъ полностью на вѣру. Вообще страстность полемики не должна обманывать насъ: подкладка въ ней не только религіозно-правственная, не только общественно-политическая, но и личная. Толковали о времени пресущественія, а въ то же время думали про себя: „какъ бы мнѣ стать патріархомъ, какъ бы согнать этого невѣжду и ретрограда“; или же: „какъ бы избавиться отъ этого радикала, а то вѣдь онъ у насъ своими затѣями всю старину перевернетъ, да и до меня доберется“.

Изъ вышесказаннаго видно, что вопросъ о времени пресущественія никакой роли въ поведеніи патріарха Іоакима при воцареніи Петра не игралъ. Въ такомъ случаѣ что же руководило Іоакимомъ?

¹⁾ Розыскныя дѣла о Шакловитомъ, I, 173; III, 1236. Іоакимъ обвинялъ Медвѣдева даже въ алоумышленіи на его жизнь, *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукоп. Синод. библи. т. II, ч. 3, стр. 504.

²⁾ Остенъ, стр. 115.

Въ до-Петровской Руси Западъ давно уже настойчиво стучался въ русскую дверь, и въ наше время, думается, можно считать общепризнаннымъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича онъ пробилъ себѣ довольно широкую брешь. Съ воцареніемъ Ѳеодора западныя идеи и понятія, а особенно западныя привычки, преимущественно въ польской передачѣ, хлынули на Русь широкимъ потокомъ, и патриарху Іоакиму, законсѣлому приверженцу прадрѣдовскихъ обычаевъ и формъ жизни, приходилось съ безсильнымъ чувствомъ горя и страха слѣдить за торжествующимъ натискомъ иноземныхъ началъ. При Дворѣ появились польскія книги, польскіе култуши, слышались польскій языкъ; старина пошатнулась до того, что молодой царь женился на „полькѣ“¹⁾; даже псалтирь не стыдились распѣвать попольски, игнорируя церковно-славянскимъ текстомъ²⁾; царевна Софья читаетъ житія святыхъ въ польскомъ переводѣ Барановича³⁾; другая царевна, Катерина, если не книгами заразилась, такъ модой: одѣвается, какъ польки: шапку ихнюю надѣла, платье съ широкими рукавами и даже волосы забросила плести въ одну косу. Въ польскихъ же платьяхъ щеголяетъ и царевна Марья⁴⁾. А тутъ же подлѣ царя съ царевнами, кн. В. В. Голицынъ, завзятый европеецъ, бояринъ Богд. Матв. Хитрово, въ томъ же родѣ, не лучше его⁵⁾. Да и какого добра ждать, если у молодого государя взялъ силу такой человекъ, какъ Симеонъ Полоцкій, этотъ могилянецъ и чуть не

¹⁾ „Która to sarowa będąc s porody od ousa polskiej“ (Diariusz zabóystwa *Старина и Новизна*, IV, 385). Голландскій резидентъ ван-Келлеръ говоритъ про парню Агафью Семеновну, что она „mehr der polnischen als der russischen Nation angehörte“ *Posselt*, *Der general Lefort* I, 317.

²⁾ *Пекарскій*, Агапія Семеновна. Энцикл. словарь русск. уч. и лпт., т. I, стр. 442, на основаніи словъ Полоцкого въ предисловіи къ изданной имъ стихотворной псалтири (Москва. 1680).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Diariusz zabóystwa tyrańskiego. Старина и Новизна* IV, 393—394.

⁵⁾ Въ семьѣ Богд. Матв. Хитрово, „кромя разныхъ иноземныхъ нововведеній, распространено было прекрасное знаніе языковъ латынскаго и польскаго“ (*Татарскій*, Симеонъ Полоцкій, *Прибавленія къ твор. св. отц.*, ч. 37, 241. Объ отношеніяхъ Хитрово къ Полоцкому см. тамъ же, 239—242). Указанія на польское вліяніе въ Московской руси собраны у *Шляпкина*, Св. Димитрій Ростовскій, гл. II. Къ нимъ, кромя указанныхъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ, можно прибавить еще: *Сметцовскій*, 103—104; *Каптеревъ*, О греколатинскихъ школахъ въ Москвѣ, *Прибавленія къ твор. св. отц.* 1889, ч. 44, стр. 640; Предназначеніе для Турціи. *Древняя и Новая Россія* 1877, № 10, стр. 184. Ср. еще *Пекарскій*, назв. статья.

тайный іезуитъ ¹⁾?.. Онъ и царевень мутить, воспитываетъ по своему. Царь смотритъ на все его глазами. А можно ли довѣрять Симеону? Вѣдь онъ и погречески не знаетъ! Развѣ можно ученику іезуитовъ, особенно если онъ обучался у нихъ одному латинскому языку, быть истиннымъ православнымъ ²⁾?..

Такъ думалъ патриархъ Іоакимъ и, въ оцѣнкѣ Полоцкаго, до извѣстной степени онъ былъ правъ. Извѣстно, что Симеонъ предпочиталъ цитировать Св. писаніе не по переводу Семидесяти, а по латинскому переводу Іеронима, находя его лучшимъ и болѣе правильнымъ ³⁾; ссылки дѣлалъ чаще на отцовъ западной, а не восточной церкви; для проповѣдей пользовался такими писателями, какъ іезуитъ Белларминъ и др.; по вопросу объ исхожденіи Св. Духа выражался двусмысленно и опять-таки приближаясь къ толкованіямъ римской церкви; охотно сообщалъ „извѣстія о разныхъ святыхъ, хранящихся въ городахъ Западной Европы, и о чудесахъ, которыя отъ нихъ происходили“ и, напротивъ того, почти умалчивалъ о подобныхъ святыхъ на православномъ востокѣ ⁴⁾. Переложилъ Полоцкій въ стихи и псалмы Давида—чѣмъ такъ увлекалась царевна Софья— между тѣмъ касаться творенія божественнаго псалмопѣвца многіе находили противнымъ духу истиннаго православія, тѣмъ болѣе что въ основу перевода былъ положенъ не то стихотворный же переводъ польскаго поэта Яна Кохановскаго, не то переложеніе Аполлинарія, завѣдомо не каноническое ⁵⁾. Аналогично этому и въ „Вѣнцѣ вѣры католической“ въ основу сочиненія положенъ не никейскій, а апостольскій символъ въ формѣ его, сообщенной блаженнымъ Августиномъ, что поставило Полоцкаго „вполнѣ на западную или, говоря болѣе соотвѣтственно его источникамъ, на католическую точку зрѣнія и существенно уклонило отъ воззрѣнія православнаго“; къ тому же

¹⁾ *Майковъ*, Очерки изъ исторіи р. лит., 56 указанія на „Остенъ“ и „Щитъ вѣры“.

²⁾ Остенъ, 130: У іезуитовъ бо кому учившуся, наипаче токмо латински безъ греческаго, не можно быти православному весьма, восточными церквю искреннему сыну“. Сравни 70—71: „И той (то есть Полоцкій) учившійся, но не только; но бо бысть философъ, и то токмо учиси, яко обычай есть полякомъ и литвиномъ полатински и попольски, греческаго же писанія ничтоже знааше“.

³⁾ *Титарскій*, ч. 37, стр. 272—273; *Брайловскій*, Отношеніи чудовскаго инока Евеннія къ С. Полоцкому и С. Медвѣдову. *Русскій Филол. Вѣстникъ* 1889, № 4, стр. 266—268.

⁴⁾ *Катперевъ*, О греко-латинскихъ школахъ, *Прибавленія къ Твор. св. отцовъ* 1889, ч. 44, стр. 632—633; *Майковъ*, 66, 75.

⁵⁾ *Брайловскій*, назв. соч., 269. Сравни. Остенъ, 137.

точкою опоры ему служили „Церковныя лѣтописи“ Баронія, классическая у католиковъ книга по церковной исторіи ¹⁾).

Излишне доказывать, сколько отчужденія и недовѣрія внесли такого рода обстоятельства въ отношенія Іоакима къ Полоцкому. Послѣ его смерти легче не стало: Симеона смѣнилъ Сильвестръ Медвѣдевъ, по рѣзкости и крайности направленія еще почище того. Симпатіи свои и уваженіе къ Полоцкому царь Ѳеодоръ перенесъ и на талантливаго его ученика; онъ „неоднократно посѣщалъ Сильвестра въ Законспасскомъ монастырѣ, бесѣдовалъ съ нимъ во дворцѣ и даже собственноручно переписывался съ *пречестнѣйшимъ отцемъ*“ ²⁾. Вообще обстановка молодого государя, атмосфера, въ какой дышалъ онъ, должны были наводить стараго патріарха на самыя черныя мысли ³⁾.

При такихъ условіяхъ могъ ли Іоакимъ сочувствовать воцаренію Іоанна? Верховный блюститель православія на Руси не безъ основанія опасался, что тогда, чего добраго, латинствующая партія совѣмъ подниметь голову, и ее уже не остановишь.

Но, возражать намъ, въ такомъ случаѣ бѣдный патріархъ, оказывая поддержку Петру, попадалъ изъ огня да въ полымя? чѣмъ лучше должны были быть въ его глазахъ Наталья Кирилловна, Матвѣевъ? Развѣ царица тоже не гналась за новою модой? Развѣ не „европейничала“ и Матвѣевъ? Вѣдь онъ тоже собиралъ у себя бібліотеку, въ свое время тоже являлся съ иноземцами-латынниками, а сына обучалъ польскому и латинскому языкамъ, даже понѣмецки! хоть и въ ссылку пошелъ, а специально для этого повезъ съ собою польскаго шляхтича ⁴⁾!..

Дѣйствительно, ни царицу Наталью, ни Матвѣева къ старому направленію, въ духѣ патріарха, зачислить было нельзя; но разница все же существовала: ихъ „западничество“ носило болѣе скромный, умѣренный характеръ, не такъ шокировало, не такъ било въ глаза. А потомъ не забудемъ, что ни Наталья, ни ея братья, ни Матвѣевъ

¹⁾ *Майковъ*, 64; сравн. вообще 57—75. Сравн. также въ „Остѣ“, 131—136, амѣчанія о сужденіяхъ Полоцкаго по поводу плотскихъ сношеній мужа и жены и устройства вселенной.

²⁾ *Прозоровскій*, 190.

³⁾ Іезуиты, жившіе въ Россіи, свидѣтельствовали впоследствии, что Ѳеодоръ очень благосклонно относился къ нимъ и къ римской церкви вообще (*Бѣловъ*, Московскія смуты. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887, январь, 107).

⁴⁾ Исторія о невнятномъ заточеніи Матвѣева, изд. 2-е, стр. 38, 366—367; *Diagisuz. Старица и Новизна*, IV, 394.

не дали патриарху ни малѣйшаго повода упрекать ихъ въ ошибочномъ пониманіи религіозной истины; всѣ они исповѣдывали православную вѣру право и нерушимо, не то что Симеонъ или Сильвестръ,—не говоримъ уже про разницу требованій, которыя можно и должно предъавлять въ этомъ случаѣ къ мірянину и лицу духовному ¹⁾). Не мало значили и личныя отношенія: съ Матвѣевымъ патриарха связывало „крайнее дружелюбіе“ ²⁾).

Вотъ первая и, конечно, немаловажная причина, опредѣлившая отношеніе патриарха къ двумъ партіямъ; но допустимъ, что ее оказалось бы недостаточно заставить Іоакима забыть права первородства и броситься въ объятія Нарышкиныхъ—существовалъ другой и на этотъ разъ гораздо болѣе сильный мотивъ: со стороны Милославскихъ и Медвѣдева на церковь—такъ представлялъ себѣ дѣло святѣйшій—надвигалась гроза, спасеніе отъ которой возможно было лишь подъ условіемъ устраненія Іоанна. Я говорю о школьномъ вопросѣ и перспективѣ увидѣть въ гѣдрахъ православной Москвы высшее духовное училище, основанное на принципахъ западноевропейской, латинской науки.

По вопросу объ умственномъ движеніи вообще и о школахъ въ частности въ половинѣ XVII столѣтія существуетъ обширная литература, убѣдительно доказавшая, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича передовые люди русскаго общества достаточно ясно сознавали неполноту и пробѣлы тогдашняго образованія. Довѣріе къ прежней системѣ обученія—къ простому начертчеству, количественному накопленію и заимствованію фактовъ и мыслей, изложенныхъ въ книгѣ, было подорвано. Все громче и настойчивѣй стала проводиться мысль о необходимости заведенія *школъ*. Эту мысль особенно энергично проводили тогдашніе „западники“; поддерживало ее и греческое духовенство, особенно въ лицѣ восточныхъ патриарховъ и митрополитовъ,

¹⁾ Но даромъ же одинъ изъ иноземцевъ, довольно близко знакомый съ настроеніемъ московскаго общества за это время, говори о мѣропріятіяхъ царя Оедора къ латинно-польскому духу, замѣчаетъ: въ Москвѣ одни, имъ партіи Оедора (читай: Милославскихъ) хвалили ихъ, другіе изъ партій *Матеньева*, наоборотъ, осуждали („Кіóre postęпки w Moskwie z partyi cara Fiedora, iako welce grzecznego, y do polityki biorącego sie pana, chwalili, drudzy tez niechętni z partyi Artemona ganili, mówią, że niezadługo lacką wiarę za swoimi factiami wprowadzi na Moskwę y z lachami zpokrewniając się iako car Dmistr Mniskownę poiąwszy, zacznie“. Diariusz zabójstwa. *Старина и Новизна*, IV, 385).

²⁾ Исторія о певня. заточеніи, 415.

посѣщавшихъ Россію ¹⁾); но въ сознаніи самого правительства процессъ новой мысли совершался гораздо медленнѣе: ему болѣе улыбался средній путь: вывозъ изъ Греціи ученыхъ людей, „особенно знающихъ языки греческій и латинскій, но не съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощію устроить въ Москвѣ школу и водворить здѣсь невѣдомую доселѣ школьную науку, а съ тѣмъ, чтобы ученые занимались въ Москвѣ переводами нужныхъ книгъ и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ старыхъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими“ ²⁾). У верховной власти, свѣтской и духовной, слово „школа“ все еще вызывало неопредѣленное чувство страха, опасенія; отъ него вѣяло чѣмъ-то тревожнымъ, либеральнымъ, угрозою пошатнуть устой православной вѣры, а съ нею, значить, и самого государственнаго строя.

Такое предубѣжденіе не должно казаться намъ страннымъ: слишкомъ ужъ пропитаны были, если не верхи русскаго общества, то народная толпа недовѣріемъ къ книгѣ вообще. Какъ же не опасаться школы, когда кругомъ раздавались голоса, кричавшіе, что книга и наука ведутъ къ потемнѣнію разума и къ ересямъ ³⁾. Патріархамъ Іоасафу (1667—1672), Птириму (1672—1673), равно какъ и Іоакиму (1674—1690) казалось невозможнымъ отдѣлать собственно школьное знаніе отъ богословской истины, церковнаго обряда, и, пожалуй, они были правы: въ XVII в. Европа еще не знала *свѣтской* школы; вѣра и знаніе еще не были двумя отдѣльными сферами дѣятельности человѣческаго духа, взаимно независимыми. Знаніе зиждется на вѣрѣ, должно исходить изъ нея. Что это за знаніе, если оно не прошло и не очистилось чрезъ горнило истинной вѣры?...

Такъ думали патріархи; не противорѣчилъ имъ и царь Алексѣй. Можетъ быть, онъ и смотрѣлъ нѣсколько свободнѣе, инстинктивно

¹⁾ *Сменцовскій*, Братья Лихуды, 8—14.

²⁾ *Каптеревъ*, О греко-латинскихъ школахъ, стр. 626.

³⁾ „Бога ради“—говоритъ одинъ южнорусскій писатель—„не потакаемъ безумнымъ, пачежъ лукавымъ, мнящимся быти учителямъ, паче же прелестникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи во оной русской землѣ подъ державою московскаго царя. Глаголютъ бо они, прощающаи юношѣ тщливыхъ къ науцѣ, хотящихъ лавыкати писанія, понеже во оной землѣ еще многія обрѣтаются пекущися о своемъ спасеніи и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще, не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума иступилъ, и онсица во книгахъ замолся, а онсица въ ересь епалъ“ (*Востоковъ*, Описаніе рукоп. Румянц. музея, стр. 557).

предчувствуя въ отдаленіи туманнаго будущаго инья основы знанія; но Алексѣй былъ рѣдкостнымъ олицетвореніемъ своего народа: круговоротъ идей совершался въ его головѣ въ прямомъ, указанномъ природою прогрессивномъ направленіи, но замѣчательно медленно и осторожно. Въ дѣйствіяхъ царя мы не найдемъ ничего рѣзкаго, необдуманнаго, предпринятаго подъ первымъ впечатлѣніемъ минуты; казалось, онъ предоставлялъ событіямъ самимъ течъ и развиваться, за собой сохраняя лишь право сдерживать крайности, сглаживать угловатости и примирять жизненные противоположности въ посылно гармоничномъ ихъ сочетаніи.

Школа въ царствованіе Алексѣя Михайловича Русь не завела ¹⁾.

Зато съ воцареніемъ Ѳеодора дѣло пошло иначе. Сторонники школы, т. е., Полоцкій и его единомышленники, получили теперь явный перевѣсъ. Въ противоположность Іоакиму, они не только не боялись латинскаго характера будущаго учебнаго заведенія, но и горячо отстаивали его: наука, говорили они, вездѣ одна, и въ латинской, и въ греческой формѣ; школа есть только методъ, путь къ знанію, и считать ее чѣмъ-то неразрывно слитымъ съ самою вѣрою, видѣть въ латинской школѣ помѣху для православнаго человѣка сохранить въ чистотѣ свое православіе — совершенно неосновательно. Взглядъ этотъ, развиваемый съ энергіей и научнымъ авторитетомъ, былъ накануне своего торжества. Латинское направленіе одерживало верхъ; направленіе православно-греческое, во главѣ котораго стоялъ патріархъ Іоакимъ, очевидно, не поспѣвало за эволюціей идей и потому проигрывало борьбу. Незадолго до своей смерти ²⁾ Симеону Полоцкому удалось значительно двинуть впередъ осуществленіе своей завѣтной мечты: въ 1680 г. былъ выработанъ проектъ высшаго учебнаго заведенія, извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Славяно-греко-латинской академіи. Проектъ намѣчалъ широкую программу преподаванія, охватывавшую весь циклъ тогдашняго схоластическаго образованія, отъ грамматики до богословія включительно, славянскій, греческій, латинскій, польскій языки, церковное и гражданское право,

¹⁾ Полагаемъ, что послѣ изслѣдованія г. Каптерова: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ до открытія Славяно-греко-латинской академіи“ нельзя болѣе говорить о *школахъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова за время царя Алексѣя Михайловича.

²⁾ 25-го августа 1680 г.

„и прочіи всѣ свободныя науки“ ¹⁾—это превосходило даже программу Кіевской академіи ²⁾.

Правда, это былъ еще только проектъ, первая его редакція, но она принята была сочувственно царемъ, а это значило много. Послѣдовавшая вскорѣ смерть Полоцкаго, конечно, затормазила окончательное рѣшеніе вопроса, но самое дѣло заглухнуть не могло. Противъ того, чего требуетъ сама жизнь, идти безразсудно, и, повидимому, Іоакимъ это понялъ. Онъ понялъ, что одно простое противодѣйствіе стало теперь анахронизмомъ. Школа должна быть: поэтому школѣ Полоцкаго надо противопоставить, и возможно скорѣе, другую школу, но только проникнутую началами греческаго образованія на базѣ строгаго, неукоснительнаго православія. Такъ выросла Типографская школа, учрежденная въ 1681 г. Элементарная по задачамъ, она обучала греческому и славянскому чтенію и письму ³⁾.

Но противники патріарха не дремали; они рѣшились парировать ударъ за ударомъ. 15-го января 1682 г. состоялся царскій указъ о постройкѣ школы („для ученья двѣ кельи“) въ Спасскомъ монастырѣ, что за Иконнымъ рядомъ ⁴⁾. Преподаваніе велось въ ней Медвѣдовымъ по такой же элементарной программѣ, какъ и въ типографской, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что греческій языкъ замѣненъ былъ латинскимъ ⁵⁾. Соперничество на этомъ не остановилось. Проектъ академіи былъ переданъ на разсмотрѣніе и оцѣнку патріарха, котораго, разумѣется, никакъ нельзя было обойти при обсужденіи такого важнаго вопроса. Для насъ дѣло второстепенное, въ какомъ видѣ дошелъ этотъ проектъ до Іоакима, въ редакціи ли Симеона или въ дальнѣйшей обработкѣ Медвѣдева,—не важно даже рѣшеніе и того, принадлежитъ ли вообще Полоцкому первая редакція или, за смертью, ему удалось лишь намѣтить общія основанія, изложить ихъ только изустно, при обсужденіи съ Медвѣдовымъ ⁶⁾—

¹⁾ *Амросій*, Исторія російской іерархіи, I, 520—521.

²⁾ *Татарскій*, Симеонъ Полоцкій. *Прибавленія къ Теор. св. отцевъ*, ч. 38, стр. 55.

³⁾ *Каптеревъ*, 653.

⁴⁾ *Забѣлинъ*, Домашній бытъ р. царей, изд. 3-е, стр. 602.

⁵⁾ *Прозоровскій*, 194—197.

⁶⁾ Въ текущей литературѣ вопросъ о привилегіи на академію (напечатана въ Др. Росс. Вивл., VI, и въ Исторіи Росс. Іерархіи, I) является очень спорнымъ. Въ противность господствующему мнѣнію, г. Каптеревъ („О греколатинскихъ школахъ“) привелъ вѣскія соображенія въ пользу того, что уставъ еще не былъ окончательно выработанъ при жизни Феодора и особенно то, что извѣстный намъ текстъ его по-

въ обѣихъ случаяхъ то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло Іоакиму, носило несомнѣнный отпечатокъ „латинумудренной“ партіи, и теперь патриарху предстояло по мѣрѣ возможности сгладить этотъ непріятный отпечатокъ, измѣнивъ просктъ въ желательномъ направленіи. Такъ какъ Типографская школа, какъ элементарная, замѣнить академію не могла, будучи пригодна развѣ на первый случай, то насущной задачею Іоакима стало теперь реорганизовать проектъ Полоцкаго-Медвѣдова по своему и, оставивъ намѣченную академію академіей, т.-е. съ характеромъ высшаго учебнаго заведенія, построить ее на фундаментѣ не латинскомъ, а православно-греческомъ, положивъ въ основу ученія греческій языкъ и обезпечивъ преподаванію наставничество учителей несомнѣнно православнаго образа мыслей. Борьба на этой почвѣ велась, повидимому, долго и упорно. Въ концѣ концовъ патриархъ осилилъ: главный спорный вопросъ, „какой

силь несомнѣнные слѣды участія въ его составленіи „греческой“ партіи. Но, думается намъ, уважаемый учоный въ справедливомъ желаніи доказать невозможность приписывать Полоцкому редакцію сохранившагося текста, авторство *литературное*,—недостаточно отъинилъ возможность авторства другого рода: идейнаго, авторства мысли. Воплиѣ принимая главные выводы г. Каптерова, мы все же полагаемъ, что Полоцкому принадлежитъ не только основная идея, но и не малая доля участія въ выработкѣ самаго плана будущей академіи; Симеонъ только не успѣлъ придать своей работѣ законченной литературной формы—это пришлось сдѣлать Медвѣдову. Медвѣдовская редакция подъ цензурою Іоакима получила новую форму; но и эта не была окончательною: Медвѣдовъ сдѣлалъ въ ней вставки, хотя уже иторостепеннаго значенія, не способныя повліять на тотъ тонъ, что приданъ былъ уставу патриархомъ. Такимъ объясненіемъ, думается намъ, возможно было бы примирить калкущіеся противорѣчія: широкая программа преподаванія осталась въ духѣ Полоцкаго; включеніе одного мѣста изъ сочиненія Полоцкаго „Вечера душевная“—показываетъ руку, если не самого Симеона, то его сторонника; собственноручная вставка Медвѣдова въ пунктѣ 3-мъ устава о митр. Исидорѣ, направленная противъ затрудненій, создаваемыхъ для занятія учительскихъ должностей въ академіи лицами южнорусскаго происхожденія, доказываетъ, что редакція іоакимовская была не послѣднею. Выдѣлны въ содержаніи устава, что именно принадлежитъ Полоцкому, что Медвѣдову, крайне трудно не только при наличности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, но и вообще по существу самаго дѣла—этимъ объясняется и неопредѣленное выраженіе Сильвестра въ его обращеніи къ царевнѣ Софьѣ: „Академіи привилегіи вручаю, иже любезнымъ ти братомъ созданъ ость, повелѣніемъ чинно написанъ ость“. Уваженію къ памяти учителя не позволило Сильвестру игнорировать участіе Полоцкаго; но назвать составителемъ устава его—Медвѣдова тоже не могъ, потому что конкретная, наглядная часть работы, литературная ея форма принадлежала ему. Вотъ почему впоследствии братья Лихуды приписывали именно Медвѣдову главные хлопоты объ учрежденіи академіи.

языкъ долженъ имѣть въ будущей школѣ господствующее значеніе— греческій или латинскій“, въ окончательной редакціи привилегіи рѣшенъ въ пользу перваго ¹⁾). Академія была открыта въ 1685 г., и во главѣ ея стали братья Лихуды, на которыхъ Іоакимъ могъ положиться вполне, какъ на крѣпкую опору противъ латиномыслящихъ.

Однако въ апрѣлѣ 1681 г. патріархъ Іоакимъ никонимъ образомъ не могъ предвидѣть такого благополучнаго исхода. Царь Ѳеодоръ былъ всецѣло на сторонѣ противной; Милославскіе держались тоже ея и только Нарышкины, быть можетъ, не столько по убѣжденію и сознательному отношенію къ первому вопросу, сколько изъ личныхъ счетовъ съ Милославскими,—только Нарышкины не сочувствовали планамъ Медвѣдева или по крайней мѣрѣ держали себя индифферентно. Вотъ отчего, помимо какихъ-либо иныхъ соображеній, предпочтеніе Петра Іоанну для патріарха Іоакима являлось вопросомъ государственнаго блага, залогомъ спокойствія церкви, а, слѣдовательно и священнымъ долгомъ его — верховнаго блюстителя интересовъ православія на Руси.

Е. Шмурло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ *Капитеревъ*, стр. 671.